

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

3 (58)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 3 (58), 2023

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

3 (58)
the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 3 (58), 2023

Scientific journal. Published since 1968

Published 4 times a year.

ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Тхамокова И.Х.</i>	Город Терки и Кабарда (новые сведения о событиях 1639–1640 гг.)	7
<i>Кожев З.А.</i>	Кабардино-русские отношения как фактор внутри-политического развития кабарды второй половины XVI – первой половины XVII в.	21
<i>Варивода Н.В.</i>	Реорганизация военно-административного управления казачьих войск на Северном Кавказе в XIX веке ...	32
<i>Дзуганов Т.А.</i>	«Прочие ремесленники: оружейники, золотых и серебряных дел мастера...» тенденции развития традиционных ремесленных практик в нальчикском округе в конце XIX – начале XX в.	38
<i>Гугова М.Х.</i>	Кабардино-Балкария в период обороны Кавказа в 1942 г.	48

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i>	Адыгэбзэм псалъэзэхыхьэкIэ къэхъуа цIэхэм щекIуэкI макъэблэхъухэр	55
<i>Кумыкова Д.М.</i>	Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях. Конвенциональные оппозиции	63
<i>Токъмакъ М.Хь.</i>	Адыгэбзэм и лексикэ-стилистикэ системэр: зэрызэпсалъэ лексикэр	71
<i>Хэжъ З.Р.</i>	ЗэрыупщIэ тешэм и морфологии нэщэнэгъэлягъуэхэр адыгэбзэм	80
<i>Хежева М.Р.</i>	Репрезентация семантики малого количества в кабардино-черкесском языке (введение в проблематику)	89

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i>	Сочетание сатиры и лирики в поэзии Инны Кашежевой	97
<i>Гутова Л.А.</i>	Мотив кровной мести в историко-героическом эпосе адыгов	108
<i>Хакуашева М.А.</i>	Особенности гражданской лирики А.А. Шогенцукова	120

ЭТНОПУБЛИЦИСТИКА

<i>Алоев Т.Х.</i>	Концепт «Хэку» в черкесской лингвокультуре: от аутентичного хоронима к объекту институционального препарирования	127
-------------------	--	-----

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Tkhamokova I.H.</i>	Terki and Kabarda (new information on the events of 1639–1640)	7
<i>Kozhev Z.A.</i>	Kabardian-Russian relations as a factor in the internal political development of Kabarda in the second half of the 16th and first half of the 17th century	21
<i>Varivoda N.V.</i>	Reorganization of the military administrative Management of the Cossack troops in the North Caucasus in the XIX century	32
<i>Dzuganov T.A.</i>	«Other craftsmen: gunsmiths, goldsmiths and silversmiths...» trends in the development of traditional craft practices in nalchik okrug in the late xix-early xx century	38
<i>Gugova M. Kh.</i>	Kabardino-Balkaria in the period of defense of the Caucasus 1942	48

LINGUISTICS

<i>Dzuganova R.Kh.</i>	Ablautnye in nominal collocation in the Kabardian-Circassian language	55
<i>Kumykova D.M.</i>	Means of creating contrast in the kabardian-cherkassian paremies. Conventional oppositions	63
<i>Tokmakova M.H.</i>	lexico-stylistic system of the kabardian-circassian language: conversational vocabulary	71
<i>Khezheva Z.R.</i>	Morphological ways of expressing interesting modality in the Kabardino-Circassian language	80
<i>Khezheva M.R.</i>	Representation of small quantity semantics in the Kabardino-Circassian Language (introduction to the issue)	89

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alkhasova S.M.</i>	The symbiosis of satire and lyrics in the poetry of Inna Kashezheva	97
<i>Gutova L.A.</i>	The motive of bloodshed in the historical and heroic epos of the adyghs	108
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Features of A.A. Shogentsukov's Civic Lyrics	120

ETHNOPUBLICISM

<i>Aloev T.H.</i>	The concept of «Heku» in Circassian linguoculture: from an authentic burial to an object of institutional dissection	127
-------------------	--	-----

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

ГОРОД ТЕРКИ И КАБАРДА (НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОБЫТИЯХ 1639–1640 гг.)

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы взаимоотношений города Терки и Кабарды, которые были тесно связаны между собой. Противоречия и конфликты внутри кабардинского общества, обострившиеся в 1639–1640 гг., оказывали непосредственное влияние на ситуацию в городе, и наоборот, царские указы, действия терских воевод и ратных людей воздействовали на положение дел в Кабарде. Работа основана на изучении архивных документов, в том числе и тех, которые ранее не использовались. Их особенность заключается в том, что они представляют разные версии происходящего – точку зрения терских воевод, мнения Кельмамета и Ильдара Куденетовичей, а также Муцала и Будадея Сунчалеевичей. Они часто противоречат друг другу, что затрудняет их однозначную интерпретацию, но в то же время создает возможности для более глубокого и всестороннего изучения этих событий. В ходе исследования выявлены новые сведения о причинах конфликта между Муцалом и Будачаем, с одной стороны, и Кельмаметом и Ильдаром – с другой. Более понятными стали также мотивы противостояния Муцала действиям терских воевод, которые задержали представителя кабардинских князей Мисоста и препятствовали обмену аманатов. Была уточнена датировка и приведены новые детали ряда событий.

Ключевые слова: Терский город, Кабарда, архивные документы, кабардинские князья, междоусобицы

Для цитирования: Тхамокова И.Х. Город Терки и Кабарда (новые сведения о событиях 1639–1640 гг.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 7–20. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

Original article

TERKI AND KABARDA (NEW INFORMATION ON THE EVENTS OF 1639–1640)

Irina Kh. Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2023

Abstract. The article deals with the problems of relations between the town of Terka and Kabarda, which are closely connected with each other. Contradictions and conflicts within the Kabardian society, which escalated in 1639–1640, had a direct impact on the situation in the city, and vice versa, the tsar's decrees, the actions of the Terek voivodes and men of war affected the situation in Kabarda. The work is based on the study of archival documents, including those that have not been used before. Their peculiarity lies in the fact that they present different versions of what was happening – the point of view of the Terek voivodes, the opinions of Kelmamet and Ildar Kudenetovich, as well as Mutsal and Budachey Sunchaleevich. They often contradict each other, which makes it difficult to interpret them unambiguously, but at the same time creates opportunities for a deeper and more comprehensive study of these events. The study revealed the reasons for the conflict between Mutsal and Budachey, on the one hand, and Kelmamet and Ildar, on the other. The motives for the confrontation between Mutsal and the Terek voivods in the exchange of amanats have also become clearer. The dating is clarified and new details of a number of events are given.

Keywords: town of Terka, Kabarda, archival documents, Kabarda princes, feuds

For citation: Tkhamokova I.N. Terki and Kabarda (new information on the events of 1639–1640). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 7–20. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-7-20

Терский город с первых дней своего существования имел тесные связи – политические, экономические, военные – с народами Северного Кавказа, в том числе с кабардинцами. В этом городе кабардинские князья приносили присягу (шерть) царю. Терские воеводы посылали ратных людей для защиты некоторых кабардинских владельцев, но в случае неподчинения могли отправить их и для военных действий.

Кабардинцы не только бывали в этом городе, но некоторые из них жили в Черкасской слободе рядом с Терками. Часть из них несла военную службу и получала царское жалованье. В 1636 г. всех узденей, окончан, новокрещен, служивших в Терках, было 350 человек. Командовал ими Муцал мурза, который тогда еще не получил царской грамоты на княжение. Кроме того, в его ведении находились и «нежаловальные» жители Кавказа, не состоявшие на царской службе. В 1636 г. их было 680 человек [Русско-чеченские отношения...1997: 121].

Столь значительная численность населения слобод при Терском городе вызвала опасения у воевод. Еще при князе Шолохе, брате Муцала, они жаловались царю на то, что в слободы приезжает слишком много посторонних людей, которые не появляются перед воеводами, и это может быть опасно для города. В то же время князь Шолох жаловался на то, что воеводы высылают из слобод прибывающих туда людей. Он был заинтересован в том, чтобы увеличить их численность [Кабардино-русские отношения... 1957: 138–139].

Об отношениях Муцала с князем Иваном Хилковым, который был терским воеводой с 1638 по 1640 гг., сохранились противоречивые сведения. С одной стороны, некоторые документы сообщают о том, что они были друзьями и чуть ли не считались названными братьями (Муцал это отрицал). Воеводу даже подозревали в том, что он сообщил Муцалу о походе терских ратных людей во главе с другим воеводой – Тимофеем Аладыным – в Кабарду [Дзамихов 2007: 205]. Но другие документы пишут об их «недружбе». Муцал даже подал челобитную, в которой обвинял И. Хилкова в том, что он несет ответственность за нападение казаков на узденей Муцала, которые ехали с товарами из Дербента в Терки [Века совместной истории...2017: 453–457], и потребовал компенсации своих убытков.

Были у Муцала конфликты и с некоторыми кабардинскими князьями, поскольку его брат Будачей владел в Кабарде 11 селами, и это приводило к противоречиям с соседними владельцами. Обострение такого конфликта Муцала и Будачея с Кельмамметом и Ильдаром Куденетовичами произошло в 1639–1640 гг.

События этого периода упоминаются в нескольких обобщающих монографиях и в ряде статей [Дзамихов 2007: 59–61; Века совместной истории...2017: 108–112; Озова 2010: 3–37; Кожев З.А. 2018: 32–37; Алоев Т.Х. 2019: 89–99]. Основное внимание их авторы уделяют состоявшейся в 1641 г. битве на Малке, предшествующие события охарактеризованы кратко. Они требуют более тщательного изучения, поскольку остаются не вполне понятными причины конфликтов, детали и датировка многих событий. Важное направление дальнейшей работы – это поиск новых источников по данной теме.

При изучении этого периода истории Кабарды обычно используется один общий круг источников: документы из Российского государственного архива древних актов, фонд 115 (Кабардинские, черкесские и другие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии). Часть из них опубликована, копии некоторых дел хранятся в архиве КБИГИ. Но никто не обращался к документам из другого фонда РГАДА – фонда 141 (Приказные дела старых лет). Среди них особый интерес представляет двухтомник, содержащий отписки терских воевод, челобитные, царские грамоты и другие материалы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1, 2]. Они связаны с проводившимся в 1640 г. расследованием дела Муцала и его брата Будадея, которых обвиняли в самовольных поступках и даже в измене. Часть из этих текстов совпадает или близка к уже известным и даже опубликованным документам, но другая часть содержит новые сведения о событиях 1639–1640 гг. в Кабарде и в Терском городе.

Эти данные позволяют увидеть многие происшествия с разных точек зрения. Первая версия принадлежит терским воеводам Ивану Хилкову и Тимофею Аладьину. Она выражена в трех их отписках. Одна была написана 30 октября 1639 г., а получена в Москве 16 января 1640 г., в ней отсутствует заключительная ее часть [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 1, 2 об, 12]. Вторая отписка продолжает первую. Когда она была написана – неизвестно, но последние события, упоминаемые в ней, относятся к 29 марта 1640 г. Она была получена в Москве 27 мая 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 11]. Третья отписка была доставлена в Москву в тот же день – 27 мая 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31 об.]. В ней речь идет только об одном событии – о нападении Будадея и его узденей на Кельмамета и его узденей под городом Терки 18 марта 1640 г.

Вторая версия событий – это версия Кельмамета и его брата Ильдара, она довольно близка к варианту воевод и содержится в многочисленных челобитных, поданных в 1639–1640 гг. Третья версия, совершенно отличающаяся от первых двух – это версия Муцала и его брата Будадея, которая высказана как в их челобитных, так и в их ответах на вопросы при проведении следствия по их делу в Москве в августе 1640 г.

Кроме того, в этих двух томах содержатся и другие документы – отписка новых терских воевод Семена Шаховского и Саввы Нарбекова, доставленная в Москву 22 декабря 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 35–40], отписка астраханских воевод [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 51–54], челобитная Алегуко Шеганукова (уже известная и даже опубликованная) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–65], челобитная Дмитрия Мамстрюковича Черкасского [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 318], челобитная узденей Будадея [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 317] и т.п. Эти документы дополняют сведения перечисленных выше источников. События 1639–1640 гг. довольно подробно описаны в этом двухтомнике.

Первая отписка терских воевод Ивана Хилкова и Тимофея Аладьина начинается с того, что 3 апреля 1639 г. к ним в съезжую избу пришел Муцал, рассказавший о приезде из Кабарды его брата Алегуко. Тот сообщил о положении дел в их владениях в Кабарде. Князь Нарчов отобрал у них двух их «кабацких узденей» (т.е., видимо, имевших свои аулы), а Кельмамет и Ильдар Куденетовичи – еще четырех [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 2].

Кельмаммет мурза объяснял впоследствии, что они не забирали этих узденей насильно. Те сами хотели бежать, а Кельмаммет и Ильдар мурзы привлекли их своей добротой [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 4–5]. У кабардинцев, как считают историки, уздени имели право переходить от одного владельца к другому [Кушева 1963: 111–112]. Так же думали и уздени Будадея, которые писали в своей челобитной царю, что уздени всегда служили «мурзам волею, кому кто похочет, тому и служит». А ныне, по их словам, их заставляют служить «безотхотно» (без права перехода), как служат дворовые уздени или «бегули» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 317]. Эта челобитная позволяет уточнить некоторые особенности социальных отношений в Кабарде. Бейголи или дворовые уздени, как они здесь названы, не имели права менять своего владельца, другие уздени имели его и хотели сохранить, о чем и просили царя.

Впоследствии, уже в Москве, Кельмаммет говорил, что если бы Муцал созвал к себе узденей и дал им «большие животы», т.е. много имущества, то они стали бы и ему служить. Муцал же ответил, что «того у них не ведется во всей Кабарде», чтобы узденям «животов много» давать. И не принято узденей друг у друга «перезывать» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 281].

Будачей и Муцал в одной из своих челобитных давали иное объяснение причин этого конфликта. По их словам, Нарчов, Кельмаммет и Ильдар разорили в Кабарде аулы Будадея, многих узденей побили, а шесть сел с узденями и имуществом «насильством» себе забрали [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 48, 84; Ч. 2. Л. 305]. То есть речь идет не просто о шести узденях, а о шести аулах, что лучше согласуется с произошедшими впоследствии событиями. Князь Нарчов и его брат Идар Елбузлуков спустя некоторое время вернули назад Муцалу и Будачею два аула, но Кельмаммет и его брат Ильдар возвращать занятые ими села не собирались [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 305, 311].

Незадолго до этих событий, в 1638 г., Кельмаммет жаловался в своей челобитной на то, что Алегуко Шегануков отобрал у него 10 узденей, а Ильдар мурза (Ибаков) – еще трех, а также он насильно переселил к себе лучшего «кабацкого узденя» Кельмаммета вместе с его аулом [Кабардино-русские отношения...1957: 171]. Теперь точно так же жаловались на самого Кельмаммета.

Как продолжают воеводы, получив известия из Кабарды, Муцал решил поехать туда, как он говорил, для договора с Кельмамметом, Ильдаром и князем Нарчовом. Воеводы стали убеждать Муцала в том, что без царского указа он не должен никуда уезжать, а для решения споров лучше дожидаться, когда князь Нарчов или Кельмаммет с Ильдаром приедут в Терки. Однако Муцал ответил, что не ехать ему нельзя. Воеводы пытались обратиться к матери Муцала, княгине Желегоше, однако и она ответила, что не ехать ему нельзя. О желании Муцала поехать в Кабарду и о позиции его матери было известно и из других источников, об этом можно найти, хотя и краткие, упоминания в литературе [Кабардино-русские отношения...1957: 413]. Но отношение узденей Муцала к поездке в Кабарду ранее не рассматривались. Воеводы вызвали их к себе, советовали им, чтобы они убедили Муцала не ездить в Кабарду. Но уздени ответили, что если он поедет в Кабарду, то и они поедут вместе с ним, а не ехать им нельзя [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 3]. То есть в случае противоречий между Муцалом и воеводой, они поддерживали Муцала, что проявится и в последующих событиях.

15 апреля 1639 г. Муцал вместе со своими узденями самовольно выехал из Терского города. Воеводы тем временем отправили в Кабарду из Терок сына боярского Андрея Малхокова, чтобы он сообщил Кельмаммету, Ильдару и князю Нарчову о планах Муцала и посоветовал им решить вопрос миром.

Согласно отписке воевод, Муцал отправился, прежде всего, в аул Эндирей. Он просил у Тарковского шамхала Айдемира войско для нападения на Кельмаммета и Ильдара мурз и князя Нарчова Елбузлукова, однако шамхал отказал ему. После

этого Муцал поехал в Кабарду, и с той же просьбой обратился к наиболее влиятельным кабардинским владельцам – Алегуко Шеганукову и Хатокшуко Казыеву, а затем и к Касаю, князю Малого Ногая. Но никто из них не соглашался давать ему войско и начинать междоусобицу. Только после того как Ильдар Ибаков (который уже отнял у Кельмамета один аул) согласился дать Муцалу войско, Алегуко Шегануков, Хатокшуко Казыев и князь Касай решили вмешаться. Они и их ратные люди подошли к аулам Кельмамета и Ильдара, которые приехали к ним и просили не разорять и не забирать их аулы. Алегуко и Хатокшуко ответили, что если Кельмамет и Ильдар помирятся с Муцалом и его братьями, то они не тронут их села. Но помириться, видимо, не удалось. К Алегуко и Хатокшуко приехал Муцал и предложил переселить аулы Кельмамета, Ильдара, князя Нарчова и Будадея с братьями в другое место, ближе к собственным аулам Алегуко и Хатокшуко. Этот план и был осуществлен. Старые села сожгли, узденей вместе с имуществом взяли с собой. В это время Кельмамет и Ильдар мурзы выехали из своих аулов. Затем Алегуко и Хатокшуко позвали к себе Кельмамета, Ильдара, Нарчова и Муцала, отдали им их узденей и имущество. Аулы начали отстраиваться на новых местах [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 5–6]. Общий ход этих событий был известен и из других источников [Кабардино-русские отношения... 1957: 187].

Затем Кельмамет и Ильдар обратились к терским воеводам с просьбой прислать к ним ратных людей, которые бы оберегали их до тех пор, пока их аулы будут построены, а пашни вспаханы. Воеводы послали к ним сына боярского Родиона Горбатова и толмача Мартына Савельева. Им также велели заехать к Алегуко, Хатокшуко и к Касаю Исламову и передать им, что они «учинили то негораздо», что приходили ратью на владения Кельмамета и Ильдара, сожгли их аулы и переселили их. Они нарушили свою присягу (шерть), когда пошли против людей, которые служат царю. Воеводы призывали примирить Кельмамета, Ильдара и Нарчова с Муцалом и отпустить их аулы. Алегуко и Хатокшуко ответили, что они перевели аулы в другие места и поселили их порознь, чтобы ссор между их владельцами не было. Касай объяснил, что он послал своих сыновей, чтобы помирить кабардинских владельцев, а переселять аулы не велел [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 8]. На этом письмо воевод заканчивается или прерывается.

Кельмамет в одной из своих челобитных писал о том, что переселение сел состоялось по просьбе Муцала и Будадея, которые имели хорошие отношения с Алегуко и Хатокшуко. По этой причине Будачей вместе со своей женой, детьми и младшим братом спокойно жил в своих новых аулах, а Кельмамет в своих жить не мог, он полтора года после переселения не видел свою мать и сестер [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 289].

Версия Муцала отличается некоторыми деталями. По его словам, он встретился с тарковским шамхалом Айдемиром не для того, чтобы просить у него войско. Айдемир и его люди когда-то «по заводу» Кельмамета (который это отрицал) убили дядю Муцала – Клыча, а Будадея тогда же ранили, десять человек убили и триста шестьдесят человек узденей и черных людей забрали в плен. Муцал хотел узнать, не начнет ли Айдемир снова враждовать с ними. Но тот ответил, что он не будет помогать Кельмамету и князю Нарчову.

После этого Муцал поехал в Кабарду. Кельмамет и князь Нарчов к этому времени не только взяли аулы Будадея, но также пытались захватить самого Будадея и его жену, поэтому он бежал к Хатокшуко. Муцал отправился туда же. Он просил Алегуко и Хатокшуко поговорить с Кельмаметом и с князем Нарчовым, чтобы те отдали их села. Но еще раньше Кельмамет, будто бы тоже уговаривал Алегуко, чтобы они помогали ему, а не Муцалу, и он даже подарил Алегуко панцирь.

По словам Муцала, он у Алегуко и Хатокшуко ратных людей не просил, и села Кельмамета и князя Нарчова разорять не хотел, а стремился только вернуть свои аулы. Алегуко и Хатокшуко говорили ему, чтобы он с Кельмаметом

и Нарчовом помирился, а если сами они не помирятся, то ехали бы в Москву [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 218–227]. Все были против войн и междоусобиц, тем не менее, они происходили.

Следующая отписка терских воевод начинается с описания событий конца лета и осени 1639 г. Кельмамет и Ильдар приехали в город Терки 8 августа и подали челобитную. Они просили дать им ратных людей, чтобы перевести свои аулы от недругов своих из Кабарды ближе к этому городу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 12]. Терские воеводы обратились к астраханским с просьбой прислать 500 астраханских ратных людей и 2000 татар, но сколько их было фактически выделено – неизвестно. Также неизвестна численность терских ратных людей, принимавших участие в этом походе.

Кельмамет и Ильдар сами поехали в Астрахань, но только 25 октября в Терках получили письмо о начале похода. В других источниках о нем сохранились только самые общие сведения, а в письме терских воевод он обрисован более подробно. Одним из авторов этого документа является воевода Тимофей Аладыин, который командовал в походе терскими ратными людьми. Как писал в Терки Кельмамет мурза, астраханские ратные люди, которых возглавлял стрелецкий голова Федор Чаплыгин, должны были, не заходя в Терский город, идти к реке Куме, а оттуда – к Кабарде. С терскими ратными людьми они должны были встретиться на Кабардинской дороге. Однако они задержались на Куме, и соединились с терскими ратными людьми на реке Белой (Нижняя часть Малки) [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 13–14]. К этому времени многие астраханские стрельцы и татары бежали в Астрахань. 16 ноября терские и астраханские ратные люди пошли в Кабарду и остановились на той же реке Малке, только выше по ее течению. Оттуда оставалось полдня ходу до аулов Алегуко и Хатокшуко. К ним приехал уздень от Алегуко и Хатокшуко и передал, чтобы они в Кабарду не входили, тогда села Кельмамета и Ильдара отпустят на старые их места. Если же терские и астраханские ратные люди попытаются забрать силой эти аулы, то Алегуко и Хатокшуко со своими людьми будут против них стоять и аулов не отдадут. Когда этот уздень возвращался назад, то с ним вместе поехали Кельмамет и Ильдар, а также сын боярский Родион Горбатов, толмач, новокрещены и окочане. Они должны были передать Алегуко и Хатокшуко, чтобы те отпустили аулы Кельмамета и Ильдара на те места, которые были обозначены в царском указе (т.е. ближе к Терскому городу). По их словам, терские и астраханские ратные люди пришли не для того, чтобы с ними воевать, а только для того, чтобы перевести эти аулы на новое место. Уже 17 ноября эти посланцы вернулись обратно и сказали о том, что Алегуко и Хатокшуко отказались отпустить аулы ближе к Теркам, а если астраханские и терские люди на них нападут, то они будут с ними биться. Видимо, они готовы были согласиться с переселением этих аулов на прежние места, но не хотели, чтобы они поселились далеко от других кабардинских аулов. После этого начался поход в Кабарду, но уже 18 ноября Федор Чаплыгин повернул астраханских ратных людей в Астрахань. Вместе с ними ушли и татары. После этого Кельмамет и Ильдар сказали Тимофею Аладыину, что без астраханских людей выручить их аулы невозможно, и терские люди вернулись в Терки 23 ноября [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 15–17].

Спустя несколько дней, 5 декабря, Кельмамет и Ильдар мурзы пришли в съезжую избу города и подали свою записку («сказку»), в которой попытались объяснить, почему этот поход оказался безрезультатным. Первая из причин заключалась в том, что он начался слишком поздно. Кельмамет и Ильдар планировали перевести свои аулы в то время, когда кабардинцы были на пашнях, и их хлеба еще не были сняты. Однако из-за задержек терские и астраханские люди попали в Кабарду только тогда, когда хлеба были уже свезены с полей.

Кабардинские мурзы первоначально были «в разъезде»: Алегуко – в горах, Хатокшуко и Хапых мурзы – в Абазах, один из его братьев (Джанбулат) находился

в Крыму, а второй (Ислам) – у кумыков. Но уздени Алегуко узнали о появлении царских людей и передали ему эти новости. После этого Алегуко и Хатокшуко вернулись, аулы Кельмамета и Ильдара разграбили и увели в горы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 17–20].

Второй причиной Кельмамет и Ильдар считали деятельность Муцала и его брата Будачей, который приехал из Терского города к Алегуко. Муцал также (оставаясь в Терках) послал со своим узденем Ахматханом Иналукиным весть в Кабарду, Малый Ногай и в Абазу о том, что терские и астраханские ратные люди идут против них, хотят их «развоевать» и аулы Кельмамета перевести. Он будто бы призывал, чтобы мурзы, «собравшись с ратными людьми всею Кабардинскою землею и с Малым Ногаем» стояли против царского войска, и аулов Кельмамета под Терский город не выпускали, иначе «им де от них самим будет разоренье большое» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 21]. После такого обращения кабардинские и ногайские мурзы собрались на реке Баксан. И Будачей, и уздень Муцала говорили Алегуко и Хатокшуко, что многие астраханские люди разбежались, поэтому можно разбить оставшихся. Однако Алегуко «з братьею» ответили, что против царских людей они не пойдут, но если те придут на них, то они будут биться с ними [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 22]. Как считали Кельмамет и Ильдар мурзы, до приезда в Кабарду Будачей и узденя Муцала Алегуко и Хатокшуко хотели отдать их аулы, но когда узнали, что многие терские люди разбежались, то передумали это делать.

С точки зрения Муцала и Будачей, поход Аладьина и астраханских ратных людей предпринимался против них, с целью и остальными их аулами завладеть и от этого «гоненья» аулы «поушли в крепии» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 86; Ч. 2. Л. 308]. Будачей говорил, что когда Тимофей Аладьин собирался в поход вместе с терскими ратными людьми, то он бил челом, чтобы ему сказали, куда они пойдут. Если они идут на «государевых непослушников», то и он готов на них идти, а если на их аулы, то на то царская воля [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120]. Муцал говорил, что он к Алегуко и Хатокшуко, и в Малый Ногай «с вестью» о походе Аладьина никого не посылал. Он послал в свои аулы узденей Маматхана с товарищами, которые до этого приезжали к нему в Терки. А когда Алегуко и Хатокшуко хотели биться с терскими ратными людьми, то Будачей их «рознял», т.е. он не только не пытался спровоцировать военные действия, но, напротив, предотвратил их [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 143].

Поход Тимофея Аладьина закончился, казалось бы, безрезультатно, аулы Кельмамета и Ильдара переселить не удалось, но уже 10 декабря 1639 г. в Терки приехали уздени от Алегуко и Хатокшуко. Они предложили Кельмамету отправиться в Кабарду для заключения договора. Если же он не поедет в Кабарду, то Алегуко и Хатокшуко могут прислать в Терки своего брата. Терские воеводы поддержали именно этот второй вариант. Получается, что именно Алегуко и Хатокшуко явились инициаторами дальнейших переговоров [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 22–23]. Как рассказывал впоследствии Кельмамет, вместе узденями Алегуко в Кабарду поехали также три его узденя – продолжать переговоры об аулах [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 172–173].

В том же письме воевод дальнейшие события описаны значительно подробнее, чем в ранее известных источниках. 12 февраля 1640 г. в Терки приехал Мисост мурза Казыев, брат Хатокшуко (вместе с узденями Кельмамета). Он привез с собой нового аманата (сына Алегуко), который должен был заменить другого его сына. Их сопровождали уздени.

Терские воеводы велели разместить их в остроге, выделив для них несколько дворов. К гостям назначили «приставов» – детей боярских Родиона Горбатова и Григория Серовского, а также толмачей Ивана Иванова и Томилку Михайлова и «для береженья» – стрельцов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23]. Подобным

образом в Терках принимали и других почетных гостей. В декабре 1638 г. в город приехали 7 дагестанских мурз для того, чтобы принести шерсть царю. Их тоже поселили в остроге и приставили к ним детей боярских и стрельцов [Русско-дагестанские отношения... 1958: 147].

О первом этапе переговоров воеводы ничего не сообщают. Известно только, что 29 февраля 1640 г. Кельмамет и Ильдар подали челобитную: они опять жаловались на то, что на них приходили войной кабардинские мурзы, их села сожгли, переселили на другое место и не дали возможности терским и астраханским ратным людям вывести эти аулы ближе к городу Терки. Кельмамет и Ильдар просили воевод, чтобы они повторили эти обвинения Мисосту и убедили его, в соответствии с царским указом, отпустить их аулы ближе к городу Терки.

3 марта 1640 г. воеводы вызвали к себе в съезжую избу Мисоста и привезенного им аманата и повторили им упреки Кельмамета и Ильдара, а также потребовали отпустить их села на указанные царем места. Мисост им ответил, что Алегуко и Хатокшуко эти аулы у себя не держат и готовы разрешить им переселиться на старые места, т.е. туда, где эти аулы раньше находились. Но с их переселением ближе к Терскому городу они, видимо, не были согласны. Воеводы повторили Мисосту свои требования и обещали, что если они не согласятся отпустить эти села на место, обозначенное в царском указе, то воеводы напишут царю об их непослушание. После этого Мисост, будто бы, согласился договариваться с Кельмаметом и Ильдаром. На этом воеводы его отпустили [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23–25]. Этих подробностей нет в других источниках, как нет в них и многих последующих событий этого дня. Обычно их описывают таким образом, что Муцал и его брат Будачей вместе со многими узденями в панцирях и с оружием вошли в город, «насильством» взяли Мисоста и аманата и перевезли их за реку Тюменку [Кабардино-русские отношения... 1957: 179]. В изложении терских воевод и в других документах этого архивного дела эти события описаны более подробно и выглядят более масштабными.

В съезжую избу, по их словам, действительно пришли Будачей и Муцал, а также брат князя Нарчова Идар (или Ильдар, или Айдар) Елбузлуков в сопровождении множества узденей. Они «шумели» на воеводу Ивана Хилкова и спрашивали, для чего он так долго держит у себя Мисоста и принуждает его отдать аулы, обещали сами забрать Мисоста из города и, «позоря» воеводу, пошли в острог. Как писали в своей очередной челобитной Кельмамет и Ильдар мурзы, Муцал даже замахивался топором на воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 45].

Воеводы послали в острог сотника стрелецкого Степана Ковернева со стрельцами, приказав не пускать Будачая и Муцала во двор к Мисосту, а его не выпускать со двора. Но ни эти стрельцы, ни стрельцы, которые еще до этого времени охраняли Мисоста, не смогли противостоять узденям, которых было очень много (по словам воевод – около 150 человек). Среди них были Бикша и Черкес Алеевы, Ахметхан Иналукин и другие. Они были в панцирях, часть из них была вооружена луками («в саадаках»), часть пищалями. Они, по словам воевод, «стрельцов побили», забрали Мисоста и аманата и вышли из острога.

Узнав об этом, воеводы, взяв с собой голов стрелецких, детей боярский и стрельцов, пошли к мосту через реку Тюменку, который соединял город с Черкасской слободой. Они хотели задержать Мисоста. Однако мурзы и уздени, увидев их, переправили Мисоста и аманата лодками на другой берег.

Воеводы затем посылали стрелецких голов Артемия Шишмарева и других к матери Муцала и Будачая – княгине Желегоше, но их к ней не пустили. Того же Артемия Шишмарева отправили также к Мисосту и велели ему говорить, что он «то учинил не делом», что, не дождавшись царского жалованья, не поменяв аманата, вышел «без отпуску» из острога. Мисост будто бы отвечал им, что его

вывели из острога «неволею». Отобрать его у Будадея и Муцала воеводы не могли. В это время, как писали Кельмамет и Ильдар мурзы, на черкасской стороне находились человек с 500 узденей Будадея и Муцала, татар и прочих иноземцев [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 26–28; 98–104].

Версия Муцала и Будадея была совершенно иной. Объясняя причины своего поведения, Муцал говорил, что у Алегуко была шерть (сначала с Сунчалеем, а затем с Шолохом и потом с Муцалом) о том, что его аманатов будут «переменять», т.е. заменять одних на других. Муцал, видимо, считал, что несет ответственность за выполнение этого обещания, подкрепленного присягой. И когда Кельмамет бил челом воеводам, чтобы Мисоста и аманата не отпускать [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 23–24, 126–128], то Муцал должен был этому помешать. Иначе получалось, что он нарушил шерть, не выполнил своих обязательств. Из-за этого, как считал Муцал, кабардинские и горские мурзы стали бы смотреть на него как на «бездушника», т.е. бесчестного, бессовестного человека [Словарь русского...1975:108]. Ему перестали бы верить и в Терский город не стали бы ездить [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 301].

Когда к Муцалу и Будадею пришел человек от Мисоста и передал, что их «держат воеводы запертых, а аманата не переменяют» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 112], то братьям оставалось только пойти к воеводам и спросить, почему те не отпускают с Терки Мисоста и аманата долгое время. Или даже (по словам Муцала) они «били челом» воеводе и просили не задерживать аманата. Говорили, что если воеводы держат его по царскому указу, то они просят показать им этот указ. Но воевода им не ответил, и на следующий день они опять били челом об аманатах. Воевода сказал, что их задержали по челобитью Кельмамета и князя Нарчова. Тогда Муцал «бил челом» о том, что они холопы государевы, а не Кельмамета и не Нарчова [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 129–131].

Версия Муцала довольно близка к тому, что писал об этих событиях в своей челобитной Алегуко Шегануков. Он тоже упоминал о том, что Мисоста и аманата не отпускали из города (по его словам, их посадили в тюрьму), что Муцал спрашивал, по царскому ли указу они задержаны и что они государевы холопы, а не Кельмамета и не Нарчова [Кабардино-русские отношения...1957: 181; РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–65].

Муцал и Будадей просили, чтобы Мисоста отпустили в Кабарду, а если не в Кабарду, то хотя бы к ним в слободу. И воевода Иван Хилков будто бы ответил, что ему до Мисоста дела нет. После этого Муцал и Будадей пошли в острог к тому двору, где жил Мисост. Он и аманат вышли, и все вместе направились к слободе.

По словам Будадея и Муцала, на воевод они не шумели, не позорили их и не говорили, что возьмут Мисоста силой из города. И стрельцов, которые охраняли Мисоста, они не били, и 150 вооруженных узденей с ними не было. А было с ними всего 3 узденя [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 132]. Когда Муцал и Будадей с Мисостом выходили из ворот острога, то к ним (по словам Муцала) пришел сотник стрелецкий и спрашивал их, почему они увели Мисоста, хотя воевода его не отпускал. Они же ответили, что воевода им сказал делать с Мисостом, что хотят.

Когда Муцал и Будадей шли на мост, воевода Иван Хилков приказал ударить в колокол и сам тоже пришел на мост, а вместе с ним собрались головы стрелецкие, дети боярские и стрельцы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 113–116, 129, 132, 150]. Воевода стал спрашивать Муцала и Будадея, для чего они взяли Мисоста и аманата, но они ответили, что били ему челом, и он разрешил им делать, что хотят. Воевода им говорил, что бил ему челом Кельмамет, чтобы Мисоста не отпускать. И они ему ответили: «Бойся ты Государя, а не Кельмамета» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 133].

По словам Муцала и Будадея, уздени воеводу побить не хотели, и голов стрелецких, и детей боярских, и стрельцов не били. Напротив, это в них стреляли из

ружей. И пятисот вооруженных узденей и других иноземцев на черкасской стороне реки не было. И Муцал топором на воеводу не замахивался. По словам Будачей, их отец служил царям и воеводам и никогда никакого невежливого слова не говорил, и не только воеводу, но и последнего стрельца не бивал. Муцал говорил, что одна у него голова, и он холоп государев, поэтому не мог замахиваться на воеводу.

В это время на обеих сторонах реки собралось множество людей: на одном берегу – дети боярские и стрельцы, на другом – жители Черкасской слободы. В колокола били в тех случаях, когда городу угрожали враги. Тогда жители слободы укрывались в городе. В этот раз причина была иной. Но противостояние все же не переросло в военный конфликт между городом и Черкасской слободой.

Муцал также говорил о том, что, когда воеводы присылали к его матери стрельческих голов, то она к ним выходила сама, а слова воевод о том, что к ней голов не пустили, написаны ложно. А Мисоста в лодке никто не перевозил, он перешел в слободу по мосту, вместе с Муцалом и Будачеем. В лодках переправлялись некоторые уздени [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 136, 290, 294, 302].

В то время, пока Мисост жил в Черкасской слободе, произошло еще одно событие. Как писал в одной из своих челобитных Кельмаммет, 18 марта 1640 г. он после встречи с ногайскими мурзами на реке Кизляр возвращался в Терки. Будачей со своими узденями напал на него и его узденей, хотел их убить или захватить. Об этом же событии писали и терские воеводы в своей третьей отписке [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31–34, 44–46, 260–261]. Муцал и Будачей отрицали это обвинение. По их словам, на Кельмаммета и его узденей напал не Будачей, а люди ногайского Куденека мурзы Исупова. Будачей, напротив, освободил узденей Кельмаммета и отпустил их в город. Он будто бы даже предлагал Куденеку убить себя (Будачая) вместо узденей Кельмаммета [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 230–233].

По словам Муцала, это брат Кельмаммета Ильдар со своими узденями однажды пытались его убить, захватили 4 его людей и пытали их, чтобы узнать, где находился Муцал [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 265–266; Ч. 2. Л. 308, 314]. Ильдар, в свою очередь, сказал, что они случайно в степи встретили 4 человек и задержали их, не зная, что это люди Муцала, а затем отпустили.

По отписке воевод, Мисост и аманат оставались во дворе у Муцала «недели с три» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 138]. Дальнейшие события в их изложении соответствуют тому, что известно из других источников: Мисост писал письма с угрозами Кельмаммету и Ильдару, в ответ они передали ему, чтобы он признал свою вину, и заключил с ними договор по поводу его аулов [Кабардино-русские отношения... 1957: 179–180].

29 марта 1640 г. Мисост дал присягу (шерть) за себя и за братью свою и за детей своих, и за племянников, и за весь род свой, и за всех своих людей, за всю свою землю своего владения и за всех мурз и князей, которые с ним «во единачестве» в том, что они будут царю служить и быть под его высокою рукою в вековом холопстве. Мисост также поклялся, что мать и сестер, и аулы со всем владением Кельмаммета и Ильдара из Кабарды отпустят туда, куда укажет царь, а до указа будут их оберегать. Уздени Мисоста присягали вместе с ним. Затем Мисосту и узденям выдали царское жалованье, поменяли аманата и отпустили их в Кабарду [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 30].

По рассказу Муцала, через 3 недели после проживания у них Мисоста, он с братом снова был у воевод и опять спрашивал, по царскому ли указу Мисоста так долго держали в Терках. Муцал сказал, что если это сделано по указу, то он поедет «бить челом» царю.

После этого, по его словам, Кельмаммет призывал к себе Мисоста, «потчевал» его и говорил, что воеводы держат его на Терке по его, Кельмаммета, челобитью и платил Мисосту «бесчестье» по-черкасски. Они помирились, Кельмаммет

«шертовал» Мисосту, а Мисост – Кельмамету, чтобы никакой «недружбы» не мстить. После этого Кельмамет «бил челом» воеводам, чтобы Мисоста отпустить и аманата переменить. И Мисост шертовал царю, получил жалованье, и был отпущен в Кабарду, а аманата переменяли [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 140–141]. А пока Мисост был у воевод, его брат Ильдар находился у узденя Муцала.

По словам Кельмамета, когда воеводы вызвали Мисоста к себе в съезжую избу, чтобы он дал шерть и поменял аманатов, то Муцал будто бы возражал против этого. Он говорил, что если Мисост поедет в город, то его там «засадят» и назад не отпустят. Он предложил, чтобы на то время, пока Мисост будет в городе, Кельмамет оставил бы «в аманатах» у Муцала своего брата Ильдара. И Кельмамет послал своего брата к Муцалу вместе с узденями Мисоста. После этого Мисост и аманат поехали в город для шерти, получения жалованья и т.д. Все это время Ильдар был во дворе одного из узденей Муцала, здесь же и сам Муцал вместе со своими узденями и с топором у ворот стоял. Когда Мисост вернулся, то и брата Кельмамета отпустили. После этого Кельмамет Мисоста звал к себе мириться, поскольку его мать и сестры, и его аулы находились в руках у Алегуко и Хатокшуко. И пока к царю челобитье дойдет, с ними могли что-то «учинить». Кельмамет и Мисост помирились «на словах», но шертованья между ними не было, и бесчестья Кельмамет не платил [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 197–201].

При повторном опросе на эту тему Муцал настаивал на своей версии о шертовании и о плате Мисосту за «бесчестье», и говорил, что это известно всему городу. Муцал также говорил, что он не приказывал взять брата Кельмамета в аманаты. По его словам, Ильдара сам Кельмамет прислал к Мисосту, который находился в то время у Муцала. С Мисостом было человек шестьдесят узденей. Когда он поехал в город к воеводам, то взял с собой человек семь. Другие вместе с Ильдаром остались во дворе у одного из узденей Муцала. Часа через два к Ильдару пришел Муцал «с честию с медом» и потчевал его с час, а потом ушел, и у ворот с топором он не стоял.

При очередном расспросе Кельмамет опроверг Муцала. По его словам, ведомо и русским людям, и иноземцам, что Муцал взял Ильдара во двор к узденю своему. А как Муцал стоял с топором, то этого русские люди видеть не могли, но видели уздени Муцала. А медом Муцал Ильдара не потчевал, потому что они недруги [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 203–209].

В любом случае Мисост шертовал царю, получил жалованье, поменял аманата и вернулся домой. Он также примирился с Кельмаметом. Но не прошло и двух месяцев после этого события, как Кельмамет и его брат Ильдар были уже в Москве, где подали челобитную с жалобой на Муцала и Будадея. Они, видимо, не рассчитывали мирными способами разрешить конфликт.

Исследованные к настоящему моменту документы позволяют дополнить сведения о событиях 1639–1640 гг. в Кабарде и Терском городе. Особенность этих материалов заключается в том, что они представляют не одну версию, как это обычно бывает, а несколько. Точка зрения терских воевод была известна и ранее, хотя и она в данном случае дополнена некоторыми деталями и подробностями. Кельмамет и Ильдар Куденетовичи также более подробно, чем в уже известных источниках, высказываются о происходивших событиях. Но особенно важны сведения, отражающие позицию Муцала и Будадея, о которой ранее было мало что известно. Во всех сложностях, во всех конфликтах, происходивших в Терском городе, а частью и в Кабарде они обвиняли воевод и Кельмамета с Ильдаром, а те, в свою очередь – Муцала и Будадея. Устранить все несоответствия, все противоречия в их сообщениях не всегда возможно даже при наиболее тщательном их изучении. Но в любом случае они содержат новую информацию по истории Северного Кавказа.

Она подтверждает тесную взаимосвязь между Терским городом и Кабардой, но также выявляет сложности и противоречия в отношениях между ними. Эта

неоднозначность объясняется отчасти конфликтами, существовавшими внутри кабардинского общества, междоусобицами кабардинских князей. Их вражда оказывала влияние и на ситуацию в Терском городе, где воеводы поддерживали одну из сторон и противостояли другой. Еще одной причиной можно считать политическое самосознание, самоощущение кабардинских князей. Не только те из них, кто жил в Кабарде, но и служивший в Терках и получавший царское жалование Муцал мог вести себя значительно более самостоятельно и независимо, чем полагалось царскому холопу.

Вместо того, чтобы ожидать в Терках Кельмамета и Ильдара или подавать челобитную царю, он едет в Кабарду и пытается добиться освобождения своих аулов. Алегуко и Хатокшуко Казыевы без чьих бы то ни было разрешений переселяют аулы как Кельмамета и Ильдара, так и Будадея, что приводит к длительному конфликту. Муцал в Терках решает самостоятельно освободить Мисоста вместе с аманатом, что едва не заканчивается вооруженным столкновением. При этом никто из них – ни Муцал, ни Алегуко и Хатокшуко – не выступают против власти царя. Более того, они просят предъявить им царские указы и обещают выполнять их. В то же время они могут действовать против терских воевод, особенно если эти воеводы поддерживают их неприятелей, таких как Кельмамет и Ильдар. Поведение Кельмамета и Ильдара наиболее соответствует тому, как должны были вести себя царские подданные – они пишут множество челобитных и просят помощи в Терках и в Москве. Именно они пользуются постоянной поддержкой терских воевод. Но в случае захвата аулов Будадея и они вели себя, видимо, слишком самостоятельно.

Вывявленные документы позволяют лучше понять причины конфликта между Муцалом и Будаеем, с одной стороны, и Кельмаметом и Ильдаром – с другой. Они не могли договориться относительно принадлежности 4 аулов. Ни одна из сторон не хотела уступать, что вызвало длительную вражду и множество жертв. Те же документы содержат сведения о социальной структуре кабардинского общества, в частности – об отношениях князей и узденей.

Другие известия касаются похода под руководством терского воеводы Тимофея Аладьина и астраханского стрелецкого головы Федора Чаплыгина в Кабарду. Этот поход оказался безрезультатным, что было известно и ранее, но теперь стало ясно, что никакого столкновения между русскими ратными людьми и кабардинским войском вообще не было. Они разошлись без боя.

Еще один вопрос касается похищения или увода Мисоста мурзы из Терского острога в Черкасскую слободу. Мотивы поведения Муцала ранее были не вполне понятны. Но теперь они стали более прозрачными. Муцал, исходя из его собственных слов, в свое время обещал Алегуко, что тот сможет время от времени менять одних своих аманатов на других. И когда воеводы по челобитью Кельмамета и Ильдара задержали Мисоста и не разрешили обмен аманатов, Муцал побоялся, что его слову больше никто не будет доверять. Его представления о том, что он несет ответственность за обещания, данные кабардинским князьям, и заставили его увести Мисоста и аманата к себе в слободу.

События этого дня известны теперь значительно подробнее, чем это было ранее. И если даже утверждения о том, что Муцал замахивался на воеводу топором или о том, что вместе с ним в острог вошли 150 вооруженных узденей, являются преувеличением, все же в этот день едва не начался военный конфликт между жителями Терского города и Черкасской слободы. Однако его все же удалось избежать.

Примирение Мисоста и Кельмамета, шерт Мисоста и пребывание Ильдара «в аманатах» у Муцала и его узденей известны теперь в значительно больших, чем ранее, подробностях.

Список источников

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Ловушка двоемыслия (битва на Малке (1641 г.): историография и источники) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 20 (44). С. 89–99.

Века совместной истории 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917)* / Составление, вступительная статья К.Ф. Дзамихова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик КБГУ, 2007. 326 с.

Кабардино-русские отношения 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах* / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. Т. 1. М.: Академия наук, 1957. 478 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): историография и источники // Вестник КБИГИ. 2018. Вып. 3. С. 32–37.

Кушева 2017 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. Москва: Издательство Академии наук, 1963. 371 с.

Озова 2010 – *Озова Ф.А.* Причины и последствия сражения на реке Малке 12 июля 1641 г. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. В. 17. Ч. 1. Нальчик, 2010. С. 3–37.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – *Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.* (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

Русско-чеченские отношения 1997 – *Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.*: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М.: Изд. Вост. лит., 1997. 415 с.

Словарь русского – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с.

References

ALOEV T.H. *Lovushka dvoemysliya (bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki)* [The trap of doublethink (the battle of Malka (1641): historiography and sources)]. IN: Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy imeni T.M. Kerasheva. 2019. №20 (44). P. 89–99. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoy istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus XVI–XVII centuries]. Nal'chik, KBGU, 2007. 326 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T. H. Kумыков, E. N. Kusheva. T. 1. M.: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki* [Battle of Malka (1641): historiography and sources] IN: Vestnik KBIGI. 2018. №. 3. P. 32–37. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ih svyazi s Rossiej: vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka.* [Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia: the second half of the XVI – 30 years of the XVII century]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1963. 371 p. (In Russian)

OZOVA F.A. *Prichiny i posledstviya srazheniya na reke Malke 12 iyulya 1641 g.* [Causes and consequences of the battle on the river Malka July 12, 1641]. IN: Vestnik KBIGI. Vyp. 17, 2010. Pp. 3–37. (In Russian)

Rossiyskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-chechenskie otnosheniya: Vtoraya polovina XVI–XVII v.: Sbornik dokumentov [Russian-Chechen relations: The second half of the XVI–XVII centuries: Collection of documents] / Vyavlenie, sost., vved., komment. E.N. Kushevoj. Moskva: Izd. Vost. lit., 1997. 415 p. (In Russian)

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vyp. 1. M.: Nauka, 1975. 371 p. (In Russian)

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya K.F. Dzamihova. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023 ; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 28.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья

УДК 93/94(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-21-31

КАБАРДИНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАБАРДЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2023

Аннотация. Установление в середине XVI в. устойчивых кабардино-русских отношений – важная веха в динамике политических процессов, имевших место в Кабарде на протяжении почти целого столетия. Посольство в Москву 1557 г. пшышхуэ (великого князя) Кабарды Кемиргоко Идарова открывает эпоху, а ее символическое окончание связано с внутривнутриполитическим кризисом 40-х годов XVII в., завершившимся окончательным поражением рода Идаровых в борьбе за гегемонию в княжестве. Недостатки концептуализации проблематики кабардино-русских отношений, особенно в период с середины XVI до конца XVII вв., создают проблемы в научном осмыслении конкретного исторического содержания происходивших в Кабарде политических процессов. Традиционно в отечественном кавказоведении акцент делался на внешнеполитическом аспекте кабардино-русских отношений, направленных против третьих сил, претендующих на гегемонию в регионе. Содержательное значение данного тезиса несколько переоценено в ущерб иным мотивам политического взаимодействия наиболее влиятельных княжеских домов Кабарды с правительством Московского царства. Анализ фактологии кабардино-русских отношений в период с первого посольства в Москву до битвы на Малке (1641 г.) и ее последствий, позволяют выдвинуть тезис о самостоятельном значении кабардино-русского взаимодействия в качестве в первую очередь важного фактора внутривнутриполитического развития Кабарды второй половины XVI – первой половины XVII вв.

Ключевые слова: Кабарда, Московское царство, Иналиды, Идаровы, феодальные войны, жалованные грамоты, внутривнутриполитический кризис

Для цитирования: Кожев З.А. Кабардино-русские отношения как фактор внутривнутриполитического развития Кабарды второй половины XVI – первой половины XVII в. // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 21–31. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-21-31

Original article

KABARDIAN-RUSSIAN RELATIONS AS A FACTOR IN THE INTERNAL POLITICAL DEVELOPMENT OF KABARDA IN THE SECOND HALF OF THE 16th AND FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of

the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2023

Abstract. Establishment in the middle of the XVI-th century, stable Kabardian-Russian relations is an important milestone in the dynamics of political processes that have taken place in Kabarda for the whole century. The embassy to Moscow in 1557 of the pshchyshkhue (Grand Duke) of Kabarda Kemirgoko Idarov opens the era, and its symbolic end is associated with the internal political crisis of the 40-s of the XVII-th century, which ended with the final defeat of the Idarov family in the struggle for hegemony in the principality. The shortcomings in conceptualizing of the problems of Kabardian-Russian relations, especially in the period from the middle of the XVI-th to the end of the XVII-th centuries, create problems in the scientific understanding of the specific historical content of the political processes taking place in Kabarda. Traditionally, in domestic Caucasian studies, the emphasis has been on the foreign policy aspect of Kabardian-Russian relations, directed against third forces claiming hegemony in the region. The substantive significance of this thesis is somewhat overestimated to the detriment of other motives for the political interaction of the most influential princely houses of Kabarda with the government of the Muscovite kingdom. Analysis of the facts of Kabardian-Russian relations in the period from the first embassy to Moscow to the Battle of Malka (1641) and its consequences allows us to put forward the thesis about the independent significance of Kabardian-Russian interaction as primarily an important factor in the internal political development of Kabarda in the second half XVI – first half of the XVII centuries.

Keywords: Kabarda, Muscovy, Inalids, Idarovs, feudal wars, letters of grant, internal political crisis

For citation: Kozhev Z.A. Kabardian-Russian relations as a factor in the internal political development of Kabarda in the second half of the 16th and first half of the 17th century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 21–31. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-21-31

Кабардино-русские отношения до поглощения Кабарды Российской империей в первой четверти XIX в. имеют долгую историю. В различные эпохи эти отношения менялись от тесных дипломатических, военно-политических, династических связей до прямого и бескомпромиссного противостояния в годы Кавказской войны. По теме накоплена обширная литература, начиная с самых ранних работ по историографии черкесов, заканчивая научными исследованиями последних десятилетий [Ногмов 1994; Кудашев 1991; Кушева 1967; История Кабардино-Балкарской 1961; История народов 1988; Мальбахов Эльмесов 1994; Мальбахов, Дзамихов 1996; Карданов 2001; Бгажноков 2005; Вилинбахов 2017; Века совместной истории 2017; Дзамихов 2001; Дзамихов 2007; Дзамихов 2017; Кожев 2006; Кожев 2020; Озова 2020 и др.]. Объективно ни одна историческая работа, касающаяся Кабарды эпохи Позднего средневековья и Нового времени, не могла обойти вниманием проблематику кабардино-русских отношений. Во-первых, в силу их исключительной важности для истории Кабардинского княжества, а во-вторых, по причине того, что основной корпус письменных источников, через призму которых возможна научная реконструкция исторического прошлого Кабарды XVI–XVII вв. – это дипломатическая, делопроизводственная и иная документация, накопившаяся в архивах административных органов Московского царства и отражающая перипетии его длительных и сложных взаимоотношений с феодальной элитой кабардинского социума [КРО 1957].

В последние десятилетия достигнут значительный прогресс в научном осмыслении кабардино-русских отношений XVI–XVIII вв., различных его аспектов. Подробно рассмотрены вопросы военно-политического партнерства, роль Кабарды во взаимоотношениях Русского государства с Грузией, народами Северного Кавказа, институты аманатства, выезда на русскую службу представителей кабардинской феодальной элиты и т.д. [Мальбахов, Эльмесов 1994; Мальбахов, Дзамихов

1996; Карданов 2001; Бгажноков 2005; Вилинбахов 2017; История многовекового содружества 2007; Века совместной истории 2017; Дзамихов 2001; Дзамихов 2007; Дзамихов 2017; Кожев 2006; Кожев 2020; Озова 2020 и др.]. Вместе с тем, на наш взгляд, традиционные подходы в изучении кабардино-русских отношений грешат некоторой однобокостью, так как основной акцент в исследованиях делается на внешнеполитическом аспекте кабардино-русских отношений, острее которых было направлено на противодействие гегемонистским притязаниям в регионе третьих сил. В первую очередь, Крымского ханства и стоящей за ним Османской империи. Не отрицая важности данного аспекта кабардино-русских отношений в оценке их сущности, интенсивности и последствий для обоих субъектов, нам представляется эвристически перспективным, поставить вопрос о влиянии длительных, устойчивых контактов Кабардинского княжества с одной из могущественных «пороховых империй» Нового времени на процессы внутривосточной динамики, имевшие место в Кабарде второй половины XVI – первой половины XVII в. Выбор хронологических рамок определяется двумя конкретными событиями и датами – первым кабардинским посольством в Москву 1557 г., открывшим для Кабарды новое направление внешней политики с огромным потенциалом, и битва на Малке 12 июля 1641 г., завершившая период интенсивных кабардино-русских отношений, перешедших до конца XVII в. в состояние гомеостаза. Детализация процессов внутривосточного развития Кабарды в контексте взаимоотношений с Московским царством безусловно заслуживает специального исследовательского внимания. Эта задача неразрешима в рамках одной статьи. В данной работе предпринимается лишь попытка наметить общий контур проблемы и предложить первичную периодизацию процесса внутривосточной эволюции в Кабарде на протяжении примерно одного столетия с середины XVI в. до середины XVII в.

На момент установления первых дипломатических контактов Кабардинское княжество и Московское царство представляли из себя политических субъектов, которые по демографическому, экономическому, военному потенциалу были несопоставимы. Кроме того, Московское царство Ивана IV (1547–1584) уже представляло из себя централизованное государство, стремительно превращавшееся в «пороховую империю» Нового времени. Кабардинское же княжество, одно из крупнейших в ряду наследственных владений Иналидов, являлось образчиком феодальной страны с децентрализованной политической системой, опиравшейся на фамильные княжеские уделы, и архаичной практикой пожизненно избираемых *тыцыхуэ* – великих князей. Это не только затрудняло возможность Кабардинскому княжеству адекватно реагировать на внешние угрозы, но и создавало почву для внутривосточных конфликтов.

Один из классиков русской историографии, С.М. Соловьев, кратко, но красочно охарактеризовал исторический контекст первых контактов Московского царства с этнополитическими образованиями Северного Кавказа: «Утверждение в устьях Волги открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье: князья их ссорились друг с другом, терпели от крымцев (курсив наш – З.К.) и потому, как скоро увидали у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложением подданства и таким образом незаметно, волею-неволею затягивали Московское государство все далее и далее на восток, к Кавказу и за него» [Соловьев 1960: 489]. История взаимоотношений Русского государства с народами Северного Кавказа, и, в частности, с Кабардой, вплоть до эпохи советской модернизации никогда не была особенно интересна русской историографии. С.М. Соловьев в этом смысле не исключение, но как ученый с особым исследовательским чутьем, он сразу отметил наряду с заинтересованностью северокавказских владетелей в защите от притязаний Крымского ханства, еще одну мотивацию

в установлении прочных политических контактов с Москвой. И это хронические региональные и внутривосполитические конфликты феодальных сеньоров, которых после появления на их границах Московского царства, искушало желание использовать его ресурсы как фактор непреодолимой силы в своих вечных «ссорах»: «Черкасские князья просили помощи на шамхала, шамхал просил помощи на черкасских князей; тюменский мурза просил помощи на дядю своего, тюменского князя: посадил бы государь его на Тюмене, а он холоп государев; подданные шамхала просили, чтоб государь дал им другого владетеля (курсив наш – З.К.), а они всею землею холопи государевы» [Соловьев 1960: 490].

В отношениях правительства Ивана IV с народами Северного Кавказа практически сразу проявились приоритеты. В эпоху, когда религия была маркером политической лояльности, мусульманские владыки Северо-Восточного Кавказа не могли конкурировать с черкесскими князьями, которые проявляли симпатии к христианам [КРО 1957: 8]. Кроме того, в Кабарде сохранялись явные и латентные конфликты за лидерство в княжестве, что служило постоянным стимулом для установления прочных связей с Москвой с тем, чтобы опереться на ее ресурсные возможности во внутривосполитической борьбе [Кожев 2020: 54–89]. Это сделало возможным перерастание кабардино-русских отношений, уже с середины XVI в. в устойчивый фактор исторического процесса как для Кабарды, так и для Русского государства. В этом их принципиальное отличие от военно-политических контактов Москвы с западными черкесами, которые возникли на несколько лет раньше, но быстро угасли.

Фактология основных событий, последовавших вслед за кабардинским посольством в Москву 1557 г. хорошо известна, и мы не будем ее детально воспроизводить. Остановимся лишь на принципиальных, с точки зрения поставленной проблемы, деталях и попытаемся предложить периодизацию кабардино-русских отношений, используя в качестве критерия основные тренды, которые задавались ими во внутривосполитической динамике Кабарды.

Первый период, практически совпадает со временем правления в Кабарде пшышхуэ Кемиргоко (Темрюка) Идарова, инициатора посольства 1557 г. вплоть до 1571 г., когда его имя сходит с исторической арены. Кабардино-русские отношения за несколько лет эволюционировали до полноценного военно-политического, а после женитьбы Ивана IV на дочери пшышхуэ Кабарды в 1561 г. и династического союза. Несмотря на его недолговечность (Мария Темрюковна скончалась в 1569 г. не оставив Ивану IV наследников), Кемиргоко Идаров успел реализовать целую серию мероприятий, направленных именно на укрепление своего политического положения в Кабарде. Русские источники прямо истолковывают установление династического союза лидера клана Идаровых с русским царем, как фактор беспрецедентного усиления его внутривосполитического статуса: «И Темрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе. А которые черкасские князи Темрюку-князю были непослушны, и те, *заслыша царское жалование...учали быти послушны и дани ему учали давати и во всей учинилися в Темрюкове княжой воле* (курсив наш – З.К.)» [КРО 1957: 10]. Можно интерпретировать данный пассаж, как стремление Кемиргоко Идаров расширить объем административных и даже фискальных прав пшышхуэ, опираясь на военно-политические ресурсы Московского царства. Для этой цели Кемиргоко Идаров не постеснялся дважды – в 1562 и 1565/66 гг., приводить в Кабарду внушительные контингенты русских войск, оснащенных огнестрельным оружием [КРО 1957: 11–13]. Сопротивление гегемонистским и централизаторским устремлениям Кемиргоко Идарова со стороны его соперников – князей Кайтукиных и Талостановых, было на какое-то время подавлено.

Еще одним нововведением, связанным с деятельностью Кемиргоко Идарова, была попытка создания на территории Кабарды русской военной базы – Терского

города, который в 1567 г. был заложен в устье Сунжи [КРО 1957: 13, 17–20]. Помимо активного использования во внутривосточной борьбе новых технологий «пороховой эпохи» – полурегулярной русской пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, крепостной артиллерии, Кемиргоко Идаров создал прецедент сооружения на территории Кабарды центра военно-политического присутствия и администрирования Русского государства. Во многом опыт деятельности Кемиргоко Идарова является уникальным в истории кабардино-русских отношений [Кожев 2015]. Идаровы одновременно имели династические связи сразу с обоими главными антагонистами в борьбе за ордынское политическое наследство – Иваном IV и крымским ханом Девлет-Гиреем I (1551–1577) [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12, Л. 26; Дзамихов 2007: 145; Налоева 2015: 2,5; Кожев 2021]. При этом лидеру Идаровых долгое время удавалось максимально использовать ресурсы Московского царства во внутривосточной борьбе и противодействии гегемонистским устремлениям Крымского ханства, не поступаясь фактическим суверенитетом. Попытка расширить свое политическое влияние за пределы Кабарды и вмешательство в конфликты Крымского ханства с западочеркесскими владельцами привела к военному поражению. Разгром Идаровых в битве на р.Афипс в июле 1570 г., с тяжелым ранением Кемиргоко и пленением двоих его сыновей, привел к коллапсу политической системы, выстроенной во многом с опорой на внешние силы, сносу Терского города и резкому ослаблению кабардино-русских отношений [КРО 1957: 21–22; 26–29; Кожев 2020: 90–104].

Следующий их период открывается кабардинским посольством 1577 г., которое возглавлял уже Канбулат Идаров – новый пшышхуэ Кабарды и брат сошедшего с исторической арены Кемиргоко Идарова [КРО 1957: 34–35]. Данный период гораздо лучше фундирован архивными документами, отражающими как дипломатические инициативы лидеров княжеских кланов Кабарды, так и мероприятия последних Рюриковичей и правительства Бориса Годунова. Идаровы, как и в предыдущий период, настоятельно просили о восстановлении Терского города, как точки опоры русского протектората и соответственно своего влияния в регионе, в том числе и в Кабарде. Город после нескольких попыток был восстановлен в 1588–1589 гг. на новом месте, вдали от основного массива черкесских поселений Кабарды в 30 верстах от устья Терека, на его протоке Тюменке [КРО 1957: 34–35, 46–54, 388, 399].

Новыми явлениями в динамике кабардино-русских отношений в этот период становится, во-первых, введение практики заключения *шерти* (договора) и выдачи «жалованных грамот», оформлявших двусторонние отношения лидеров сильнейших княжеских фамилий с царским правительством. Тексты шертной записи и жалованной грамоты Канбулату Идарову от 1588 г. самые ранние из сохранившихся [КРО 1957: 49–54]. Жалованные грамоты имели важное значение как знак инвеституры со стороны царствующего в России монарха и должны были подчеркнуть вассальный, «служебный» статус его получателя. Во-вторых, начиная с 1589 г. происходит расширение круга представителей высшей политической знати Кабарды, которые напрямую, без посредничества пшышхуэ, стремились установить двусторонние связи с Москвой. Шолох Тапсаруков – лидер Талостановых, первым нарушил монополию Идаровых и подобно им заключил двустороннее соглашение с правительством Федора Иоанновича (1584–1598) [КРО 1957: 55–56]. Если в 1557–1571 гг. политические связи с Москвой были монополизированы Идаровыми, то к концу XVI в. они этой привилегии лишились. Прошлые династические связи с последними Рюриковичами оставались важным фактором взаимной лояльности русского правительства и различных линиджей разросшегося клана Идаровых, но правительство Федора Иоанновича пыталось проводить по отношению к Кабарде взвешенную политику с учетом интересов наиболее влиятельных княжеских группировок. Это проявилось во время политического

кризиса, последовавшего в 1589 г. после смерти Канбулата Идарова. Право на титул пшышхуэ перешло к Кайтукиным, но их лидер Асланбек Кайтукин пережил Канбулата Идарова лишь на несколько месяцев. Нежелание Кайтукиных, а за ними и Идаровых, согласно обычаю, признавать право на переход великого княжения к Шолоху Тапсарукову (род Талостановых) привело к острому внутривластному кризису в Кабарде с привлечением русского правительства. В результате жалованную грамоту на кабардинское княжение получили последовательно Жансох Кайтукин, а затем Мамстрюк Кемиргоквич – соответственно лидеры Кайтукиных и Идаровых [КРО 1957: 56–57, 62–64, 384, 400–401]. Показательно, что даже Кайтукины, бывшие в годы правления Кемиргоко Идарова главными жертвами централизаторских устремлений пшышхуэ Кабарды, уже через два десятилетия были сами готовы прибегнуть к русской военной помощи как фактору непреодолимой силы во внутривластной борьбе. Однако ситуационное совпадение интересов Идаровых и Кайтукиных не устранило антагонизм в их отношениях, что ярко проявилось в конце XVI в.

Второй период кабардино-русских отношений в контексте обозначенной проблематики, символически завершает предательское убийство Кайтукиными двух старших сыновей Кемиргоко Идарова – наиболее харизматичных лидеров клана Идаровых. Лапидарное описание этого политического убийства, произошедшего около 1600 г., сохранилось в «Родословной кабардинских князей и мурз XVII в.» А.И.Лобанова-Ростовского: «...А Домануку да Мамстрюку убили Казы-мурза (Казы – сын Пшеапшоко Кайтукина – З.К.) з братьею зазав к себе меду пить, и держав у себя два дни скованных и на третий день убили. А сам Казы с кобаками своими откочевал в Беслене и жил там три годы. А Сунчалей да Куденет (из рода Идаровых – З.К.) с братьею прибежали на Терек, и с тех мест Сунчалей на Терке и остался. А Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден, и боялись ево многие в Кабарде, в зависти его и убили (курсив наш – З.К.)» [КРО 1957: 385, 402]. Беспрецедентное в истории Кабарды убийство политических противников, сопровождавшееся нарушением всех мыслимых норм феодальной этики и человеческой морали, на наш взгляд, необъяснимо с точки зрения простой зависти. Очевидно, Кайтукины ощущали невозможность честно конкурировать с Идаровыми, связанными династическими узами с правящими кругами Московского царства, за его военно-политические ресурсы, за «фактор непреодолимой силы». Традиционный союз Идаровых с Москвой, воспринимался Кайтукиными как экзистенциальная угроза, нейтрализовать которую можно было лишь физическим устранением своих конкурентов за доминирование в Кабарде.

Второй период кабардино-русских отношений таким образом, завершился гибелью сыновей Кемиргоко Идарова, первой сессией так называемой «Казыевой Кабарды» за Кубань (в Бесленей) и переселением части Идаровых (будущие Сунчалеевичи) со своими подвластными в низовья Терека.

Третий период кабардино-русских отношений, которые вновь на четыре десятилетия стали важным фактором внутривластного развития Кабарды, начинается с конца первого десятилетия XVII в. Небольшая пауза в кабардино-русских отношениях, или лучше сказать их временное ослабление, было связано не только с кризисом, последовавшим после убийства братьев Идаровых, но и с началом в России эпохи Смутного времени, надолго лишившим страну дееспособного правительства. Несмотря на это, реально оценивая роль российского фактора в региональной политике, лидеры кабардинских княжеских домов старались не терять контакт с Москвой. А в 1614 г., после воцарения в России династии Романовых, лидеры практически всех княжеских домов Кабарды дали представителям Михаила Федоровича Романова (1613–1645) присягу «быть под царскою рукою» на тех же условиях, которые декларировались в первых шертных грамотах кабардинских князей русским государям [КРО 1957: 73–75, 85–87]. В целом лояльные

отношения с Москвой всех основных княжеских домов Кабарды не могли нейтрализовать внутривластические конфликты в княжестве. А русское правительство вынуждено было реагировать на них используя традиционный инструментарий – выдачу жалованных грамот на княжение, взятие аманатов, предоставление военных контингентов наиболее лояльным сторонникам, в первую очередь, Идаровым, которые даже разделившись на несколько самостоятельных княжеских домов, продолжали рассматриваться как фавориты во взаимоотношениях с Иналидами Кабарды.

Без прямого участия Москвы завершились военными столкновениями конфликты между Талостановыми и Кайтукиными. В ноябре 1615 г. Шолох Тапсаруков вместе с ногайскими мурзами – племянниками по матери убитых Домануко и Мамстрюка Идаровых, другими своими союзниками нанес поражение Кайтукиным, приведшее к гибели в битве их лидера Кази Пшеапшокова [КРО 1957: 90–91, 406]. Но уже в 1616 г., Шолох Тапсаруков скончался и титул пшышхуэ Кабарды возвратился по ряду к представителю рода Идаровых – Куденету Канбулатову, который получил не только царскую жалованную грамоту, но и признание остальных кабардинских князей. Новый глава дома Кайтукиных – племянник Кази Пшеапшокова Алегуко Шогенуков, воспользовавшись временным ослаблением Талостановых, при помощи 3 тыс. крымского войска, нанес им поражение, закончившееся гибелью троих сыновей Шолоха [КРО 1957: 90–94, 386–387, 405, 406, 407]. После смерти двух знаковых фигур второго периода кабардино-русских отношений – Кази Пшеапшокова и Шолоха Тапсарукова, вражда между Кайтукиными и Талостановыми на время уступила место традиционной конкуренции с Идаровыми. В последующие десятилетия царское правительство многократно (1622, 1626, 1630 гг.) посылало в Кабарду военные контингенты для поддержки Идаровых, взятия аманатов у их политических конкурентов и противников [КРО 1957: 97–98, 102–103, 109–110, 129–131, 406, 408]. Талостановы и Кайтукины имели все основания прямо упрекать Идаровых: «Вы ... ездите часто к государю к Москве и государю служите, а от нас прочь отстали» [КРО 1957: 108]. В таких условиях московское правительство сделало однозначную ставку на Идаровых. Несмотря на упорное нежелание остальных Иналидов Кабарды признавать легитимность назначаемых из Москвы пшышхуэ, оно продолжало последовательно выдавать им – Пшимахо Канбулатову, а затем Наршову Елбузлукову, жалованные грамоты на кабардинское княжение: «...От государя пожалован, а кабардиньскаго княженства ему не было» [КРО 1957: 135–138, 385]. Фактически в Кабарде к концу первой четверти XVII в. лишился реального содержания титул пшышхуэ, как законно избранного лидера, олицетворяющего высшую политическую власть в стране, и окончательно девальвировалась в глазах большей части Иналидов Кабарды легитимность московской инвеституры – жалованных грамот на кабардинское княжение.

Еще одной новацией, характеризующей внутривластическую динамику в Кабарде первой половины XVII в. в контексте кабардино-русских отношений, стало формирование в низовьях Терека, под защитой русской крепости Терки, феодального владения Сунчалевиной – одного из линиджей клана Идаровых, бежавших из княжества после убийства Домануко и Мамстрюка. К 40-м годам XVII в. в терских слободах под властью потомков Сунчалея проживало служилых «...с четьреста человек, да татар в отарех с шестьсот человек» [КРО 1957: 192–197, 385]. Это владение Идаровых было полностью инкорпорировано в административную систему Московского царства (князя утверждались напрямую русским правительством) и вплоть до конца XVII в. играло важную роль в региональной политике, как инструмент российского влияния.

В самой Кабарде внутривластический конфликт сторонников традиционного порядка функционирования института высшей политической власти, которых последовательно представляли Кайтукины, и Идаровых, стремившихся узурпировать

титул «больших начальных князей над всею Кабардинскою и над Черкасскою землею», используя эксклюзивные отношения с династией Романовых, завершился прямым военным столкновением 12 июля 1641 г. в битве на Малке [КРО 1957: 135–136; Кожев 2020: 105–130]. Поводом для него послужил спор о выморочном имуществе, последнего представителя рода Идаровых линиджа Кемиргоковичей – Клыча Саусланова, погибшего в 1635 г., в результате нападения Айдемира-мурзы, будущего шамхала Казикумухского и одного из активных участников событий июля 1641 г. [КРО 1957: 161, 384–385]. Конкретная фактология возникновения, развития и кульминации конфликта подробно рассмотрена нами в специальном исследовании. Внутриполитический кризис рубежа 30–40-х годов XVII в. столкнул интересы двух различных ветвей некогда могущественного княжеского клана Идаровых – Канбулатовичей и Сунчалеевичей. Сторону Канбулатовичей безоговорочно приняло московское правительство, но союзных сил Кайтукиных – «Казыевой Кабарды» и Сунчалеевичей, которые хотели решить имущественный спор согласно традиционному праву, хватило на то, чтобы нанести сокрушительное поражение своим противникам [КРО 157: 181–183, 203–205; Кожев 2020: 105–130]. Поражение и гибель в сражении наиболее авторитетных лидеров из числа Идаровых-Канбулатовичей (Келемета Куденетова), Талостановых (Ильдара Ибакова) привело к окончательному падению их политического влияния в княжестве. Победители – «Казыева Кабарда» и их союзники Сунчалеевичи (будущая Большая Кабарда), опасаясь карательных мер со стороны царского правительства совершили вторую сецессию и вновь переселились за Кубань.

Летом 1643 г. при посредничестве Муцала Сунчалеевича, утвержденного в качестве князя-правителя владений Идаровых в низовьях Терека, произошло формальное примирение владельцев «Казыевой Кабарды» с правительством Михаила Федоровича Романова. После длительных переговоров их лидер Алегуко Шогенуков согласился приехать в Терки, принять «царское жалованье» и принести шерсть русскому государю. Возвращение в район Пятигорья «Казыевой Кабарды» занял еще несколько лет, но разделение Кабардинского княжества на фактически самостоятельные уделы – т.н. Большую Кабарду, Талостаней и Джилахстаней стало одним из основных результатов внутриполитической динамики третьего периода кабардино-русских отношений второй половины XVI – первой половины XVII вв. [КРО 1957: 208–209, 217–233, 286–287].

Список источников

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Бгажноков 2005 – *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 39–86.

Века совместной истории 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в Российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017. 544 с.

Вилинбахов 2017 – *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 280 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 410 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. 326 с.

Дзамихов 2017 – *Дзамихов К.Ф.* «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов).

Нальчик: Издательский отдел Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 2017. 356 с.

История Кабардино-Балкарской 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1967. 480 с.

История многовекового содружества 2007 – История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых. 2007. 720 с.

История народов 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.

Карданов 2001 – *Карданов Ч. Э.* Путь к России. Нальчик: Эльбрус, 2001. 432 с.

Кожев 2006 – *Кожев З. А.* Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 168–203.

Кожев 2015 – *Кожев З. А.* Политический проект Кемиргоко Идарова. Опыт исторической реконструкции // Сборник научных статей по материалам региональной интернет-конференции «Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – нач. XX в.: направление и динамика интеграционных процессов» (г. Нальчик, 19–30 октября 2015 г.). Нальчик, 2015. С. 29–44.

Кожев 2020 – *Кожев З. А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020.

Кожев 2021 – *Кожев З. А.* Династические связи Идаровых в 50–70-х гг. XVI в. // Вестник КБИГИ (KBIGR Bulletin). 2021. 4-1 (51). С. 12–19.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

Кудашев 1991 – *Кудашев В. Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. 190 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 372 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е. Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е. Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А. С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с. (Приложение)

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Мальбахов, Дзамихов 1996 – *Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 349 с.

Мальбахов, Эльмесов 1994 – *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994. 350 с.

Озова 2020 – *Озова Ф. А.* Институт аманатства в черкесско-русских отношениях 1552–1829 гг. СПб: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История». 2020. 632 с.

Соловьев 1960 – *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III (Т. 5–6). М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. 816 с.

References

Arkhip IGI KBNTs RAN [Archive of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»].

BGAZHNOKOB B. Kh. *O spetsifi ke i dinamike voenno-politicheskogo soyuza Rossii i Kabardy (simmakhiya i ee asimetrizm)* [On the specifics and dynamics of the military-political union of Russia and Kabarda (symmachy and its asymmetry)]. IN: Istoricheskii vestnik. Vyp. II. Nalchik, 2005. P. 39–86. (In Russian)

Veka sovmestnoy istorii: narody Kabardino-Balkarii v Rossijskom civilizatsionnom processe (1557–1917 gg.). [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. Nalchik: JSC Publishing and Printing Complex Grozny Worker, 2017. 544 p. (In Russian)

VILINBAKHOV V. B. *Iz istorii russko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva* [From the history of the russian-kabardian military community]. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2017. 280 p. (In Russian)

- DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)
- DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries.]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. 326 p. (In Russian)
- DZAMIKHOV K.F. «*V sluzhbe i oborone...*». *Kabarda i Rossijskoe gosudarstvo: jepoha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e – nachalo 1770-h godov)*. [«In service and defense...». Kabarda and the Russian state: the era of military-political cooperation (1550s – early 1770s)]. Nalchik: Publishing department of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2017. 356 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T. 1.* [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present in 2 volumes. T. 1]. Moscow: Nauka, 1967. 480 p. (In Russian)
- Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiju sojuza i edinenija narodov Kabardino-Balkarii s Rossiej.* [The history of a centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. Nalchik: Publishing house M. and V. Kotlyarov. 2007. 720 p. (In Russian)
- Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1988. 544 p. (In Russian)
- KARDANOV Ch.E. *Put' k Rossii* [The Way to Russia]. Nal'chik: El'brus, 2001. 432 p. (In Russian)
- KOZHEV Z.A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nachala XV v. do 1763 g.)* [Political history of Chircassia (from the beginning of the XVth century to 1763)]. IN: Adygskaya, (cherkesskaya) entsiklopediya [Adyghe (chirkassian) encyclopedia]. Moscow: Fund, named after B.H. Akbashev, 2006. P. 168–203. (In Russian)
- KOZHEV Z.A. *Politicheskii proekt Kemirgoko Idarova. Opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Political project of Kemirgoko Idarov. The experience of historical reconstruction]. IN: Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi internet-konferentsii «Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nach. XX v.: napravlenie i dinamika integratsionnykh protsessov» (g. Nal'chik, 19–30 oktyabrya 2015 g.). Nalchik. 2015. P. 29–44. (In Russian)
- KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 p. (In Russian)
- KOZHEV Z.A. *Dinasticheskie svyazi Idarovykh v 50–70-h gg. XVI v.* [Dynastic connections of the Idarovs in the 50s–70s. XVI century] // KBIHR Bulletin. 2021. 4-1 (51). P. 12–19. (In Russian)
- KUDASHEV V.N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. Nalchik: El'brus, 1991. 190 p. (In Russian)
- KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 372 p. (In Russian)
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 478 p. (In Russian)
- NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (Prilozhenie) (In Russian)
- NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)
- MAL'BAKHOV B.K., DZAMIKHOV K.F. *Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em, Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII v.)* [Kabarda in

relations between Russia and the Caucasus, the Volga region, the Crimean Khanate (mid-16th-late 18th centuries)]. Nalchik: El'brus, 1996. 349 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B., EL'MESOV A. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. Nalchik: El'brus, 1994. 350 p. (In Russian)

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossijskikh otnoshenijah 1552–1829 gg.* [Institute of amanats in Circassian-Russian relations 1552–1829]. St. Petersburg: «Nestor-History». 2020. 632 p. (In Russian)

SOLOVIEV S.M. *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia from ancient times]. Book III (Vol. 5–6). M: Publishing house of socio-economic literature. 1960. 816 p.

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья
УДК 947 (075.8)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-32-37

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2023

Аннотация. В статье исследуются взаимоотношения Российского государства и северокавказского казачества. Анализируются правительственные меры, направленные на изменение системы управления казачьими войсками на Северном Кавказе. Показано как в ходе этих преобразований происходит процесс утраты казачьих «вольностей», политической самостоятельности, превращения казачества в особое военно-служилое сословие с полным подчинением государственной власти, жестко регламентировавшей все стороны его жизни.

Ключевые слова: войско, реорганизация, управление, государство, казачество, Северный Кавказ, самоуправление, атаман

Для цитирования: Варивода Н.В. Реорганизация военно-административного управления казачьих войск на Северном Кавказе в XIX веке // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 32–37. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-32-37

Original article

REORGANIZATION OF THE MILITARY ADMINISTRATIVE DEPARTMENT OF THE COSSACK TROOPS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX CENTURY

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2023

Abstract. The article examines the relationship between the Russian state and the North Caucasian Cossacks. Government measures aimed at changing the management system of Cossack troops in the North Caucasus are analyzed. It is shown how, in the course of these transformations, the process of loss of Cossack «liberties», political independence, and the transformation of the Cossacks into a special military service class with complete subordination to state power, which strictly regulated all aspects of its life, takes place.

Keywords: army, reorganization, management, state, Cossacks, North Caucasus, self-government, chieftain.

For citation: Varivoda N.V. Reorganization of the military administrative Management of the Cossack troops in the North Caucasus in the XIX century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 32–37. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-32-37

С момента появления казачества его взаимодействие с Российским государством неизменно представляло сложный и местами противоречивый комплекс отношений. Государство на всех этапах исторического развития, руководствуясь собственными интересами, проводило целенаправленную социально-экономическую политику, превращавшую казачий субэтнос в военно-служилое сословие. Казачество в документах XIX века именуются не иначе как войсковым (военным, казачьим) сословием. Помимо сословности государственное регулирование распространялось и на весь спектр административного управления казачьими войсками.

Обострение военно-политической обстановки на Кавказе в первой половине XIX века привело российскую военную администрацию к необходимости проведения комплекса мер в области реорганизации управления казачьими войсками. Боевые действия против горцев требовали безусловного централизованного управления и оперативного решения стоящих перед войсками задач.

Одним из первых, кто решил «покончить с отжившими ... учреждениями беспорядочного самоуправления» у гребенских казаков, был генерал А.П. Ермолов. Собрав «лучших людей из старо-гребенской семьи», он убедил их в необходимости преобразования системы управления казачьими войсками [Голованова 2005: 198].

Придав Терскому войску полковую организацию в 1819 году, А.П. Ермолов навсегда покончил с выборностью как институтом самоуправления. На должности командиров казачьих войск и линейных полков назначались офицеры регулярной кавалерии, которые имели право заменять и выборных станичных атаманов, и ответственных станичных начальников [Омельченко 1991: 78].

В 1820 году был опубликован документ под названием «Постановления для Гребенского казачьего войска, которыми станичные начальники и сотенные командиры во всякое время должны руководствоваться» [Великая 2001: 86]. В этом документе, помимо служебных обязанностей, регламентировались и брачные отношения в казачьей среде. В частности, при заключении брака казаку требовалось получить разрешение начальника станицы и уведомить об этом командира войска. То есть, «Постановление» регулировало теперь не только общественную, но уже и личную жизнь казаков.

Еще в 1824 году, в целях оптимизации управления, генерал А.П. Ермолов предложил объединить все поселенные на Кавказской линии казачьи войска в единое формирование под названием Кавказского линейного войска, с учреждением войсковой организации и должности войскового атамана. Но в связи с отставкой А.П. Ермолова, воплотить в жизнь его планы удалось лишь в 1832 году.

В отличие от регулярной армии, казачьи войска были совершенно не связаны между собой и управлялись войсковыми начальниками по своему усмотрению. Эти недостатки заставили царское правительство свести в единое войско все северокавказские казачьи войска. Отныне оно получило название Кавказского линейного казачьего войска.

Высочайшим приказом от 25 июня 1832 года Терско-Семейное, Терско-Кизлярское и Гребенское казачьи войска были преобразованы в полки и получили название Терского, Кизлярского и Гребенского полков. Помимо перечисленных полков в состав Кавказского линейного казачьего войска вошли: Волжский, Горский, Кавказский, Кубанский, Моздокский, Ставропольский и Хоперский полки. Позже, когда были сформированы Владикавказский и Сунженский казачьи полки, их также включили в состав Линейного войска. Вводилась должность назначаемого наказного атамана, на которого возлагалось общее управление военными подразделениями, контроль за их военной подготовкой, а также осуществление гражданского управления.

В 1835 году произошло переподчинение казачьих формирований департаменту военных поселений с учреждением специального отделения иррегулярных войск, а в период с 1836 по 1840 гг. управление казаками было окончательно подчинено военному министерству [Голованова 2005: 75].

С 14 февраля 1845 года военное и гражданское устройство казачьих полков определяло «Положение о Кавказском линейном войске» [Гальцев 1957: 105–106]. Административно вновь созданное войско отделялось от Кавказской области, получая свое внутреннее управление с высшими и низшими учреждениями.

Положение вводило строгую систему единоначалия в станичном управлении. Станичный атаман не выбирался, а назначался из числа офицеров. Выборными (сроком на три года) оставались лишь должности в станичном правлении и суде.

Помимо права пользования земельными наделами и получаемого денежного вознаграждения за службу казаки пользовались еще целым рядом льгот. В частности, они избавлялись от податей, поставок рекрутов и сборов на содержание полиции, наделялись правом беспоплатного пользования солью, замены свободной продажи вина суммою, выручаемой с питейных сборов, получаемых в Войсковую казну, вознаграждения за Ессентукские минеральные воды, а также свободной беспоплатной рыбной ловлей на море и по рекам [ЦГА РСО-Алания. Ф. 2. Оп. 1. Д. 134. Л. 95].

Согласно «Положению», казак со дня своего рождения являлся частью войсковой организации и воспитывался в духе преданности царю, престолу и Отечеству. На двадцатом году юношей зачисляли в казаки, на двадцать первом у них начиналась действительная военная служба, срок которой был неограничен и длился до старости [Бурда 2003: 63].

Все войско должно было пребывать в состоянии постоянной боевой готовности. Основу организации войска составляло формирование по поместному принципу. Войско подразделялось на бригады, нумерация которых велась от Кубани к Тереку. Бригады состояли из полков, каждый из которых комплектовался на своем территориальном округе, а станицы этого округа формировали казачьи сотни.

Всем войсковым единицам была определена единообразная организация с равным распределением населения. Это привело к тому, что, например, Гребенской полк составили станицы: Калиновская, населенная моздокскими казаками; Николаевская, состоящая из переселенцев-малороссов и отставных солдат; Шелковская, где большая часть жителей являлась приписанными к казакам грузинами. Гребенские же станицы Старогладковская и Курдюковская были переданы в состав Кизлярского полка. Таким образом, в рассматриваемый период правительство осуществляло перекройку административных границ, уже не обращая никакого внимания на этнические различия казачьих групп. Постоянное переподчинение военно-административных единиц являлось своеобразной профилактикой против казачьего сепаратизма [Великая 2001: 87].

«После издания «Положения» 1845 г. доступ в казачье сословие практически был закрыт. В войсковое сословие принимались только такие лица, которые могли принести «пользу» станичным обществам. Для них устанавливалась целая система бюрократических перегородок, связанных с предоставлением различных документов и рекомендательных аттестаций» [Омельченко 1991: 275–276].

Однако, по нашему мнению, такое утверждение И.Л. Омельченко представляется слишком категоричным, с учетом того, что в это время все еще шли боевые действия. Да и позже, в пореформенный период, продолжалось зачисление в казачье сословие, хотя и в гораздо меньших размерах. Так, Н.Н. Великая приводит данные о том, что в начале семидесятых годов XIX века терское казачество увеличилось на 248 душ «из-за естественного прироста и из-за зачисления в войско из других сословий» [Великая 2001: 68]. Население увеличивалось в основном за счет пришлого элемента из крестьян-переселенцев, донских, волжских и малороссийских казаков.

Естественный прирост населения в Кавказском линейном войске был невысок и за 10 лет с 1840 по 1849 гг. составил только 1% [Кабузан 1996: 68]. В первую очередь малый прирост населения объясняется очень высокой детской смертностью

в возрасте до 5 лет. Еще одним фактором являлась высокая убыль мужского населения, в результате гибели казаков в боевых действиях на полях войн. Помимо этого, высокой смертности в казачьих станицах способствовало широкое распространение лихорадок и других болезней, обусловленное неблагоприятными географическими условиями местности проживания.

Следует выделить еще одну важную причину, тормозящую естественный рост населения – это низкий материальный уровень жизни казаков, значительно зависевших от государственного жалования, которое выплачивалось далеко не всегда регулярно. Хозяйственная деятельность, как дополнительный источник дохода, не могла обеспечить казакам достойного существования, из-за практически постоянного их отсутствия в станицах по делам службы.

Существующее положение изменяется лишь во второй половине XIX в., когда создаются условия, представляющие казакам больше возможностей для занятий хлеборобством, разведением скота и другими промыслами [Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века 2018: 168]. В ноябре 1865 года в своем выступлении перед Главным комитетом, работающим над подготовкой пакета законов о казачьем войске, Александр II сказал: «Нынешние положения о казачьих войсках устарели и во многом требуют пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг Отечеству, сохранили и на будущее свое воинское назначение, твердо надеюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажут себя такими же молодцами, какими были всегда. Но я вместе с тем, желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их назначение было сколь возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благоустройства. Казачье население, отбывая по-прежнему свою воинскую обязанность, может и должно в то же время пользоваться общими для всех частей империи благами гражданского благоустройства» [Голованова 2005: 90].

В Положении о прохождении казачьей службы от 3 июля 1882 года регламентировалось сокращение сроков службы, что благоприятно сказывалось на условиях для хозяйственной деятельности станичников и являлось основой материального благополучия, существенно повлиявшей на численный прирост казачьего населения [Омельченко 1991: 127–128].

В 1860 году произошло разделение Кавказской линии на Терскую и Кубанскую области. Управление в этих областях возлагалось на областных начальников, которые были в то же время и командующими войсками. С 1861 года войсковые соединения казаков на территории этих областей получили наименование Терского и Кубанского казачьих войск [ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 33. Л. 12].

Военно-административное структурирование казачьих войск продолжало формироваться и в дальнейшем. Указом 1888 года военный состав, административное и полицейское управление Терского казачьего войска и Терской области переходили под юрисдикцию и управление командующего войсками Кавказского военного округа и наказного атамана Кавказских казачьих войск [Омельченко 1991: 124].

В документе конца XIX века отмечается, что «ввиду недостаточной численности войскового народонаселения в Терском войске... Военный Совет признал возможным поступиться войсковыми правами и... предложить хуторянам зачислиться в казачье сословие..., но хуторяне отказались от предложенной им чести, потому что свое лучшее и более обеспеченное положение они не хотели променять на много худшее, которое терпеливо переносят терские казаки» [Отдел рукописных фондов СОИГСИ. Отдел истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55. Л. 56–57]. Подобные случаи носили далеко не единичный характер [ЦГА РСО-Алания. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9; ЦГА РСО-Алания. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20; ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 9, 38, 78]. Упоминающееся в документе тяжелое «положение» казаков вряд ли свидетельствует об их привилегированности как сословия. К этому времени казачество утратило

большую часть своих вольностей, станичные органы управления находились под жестким бюрократическим контролем [Статистические материалы...1878: 39–41]. Наряду с военной службой казаки исполняли квартирную, дорожную, почтовую, подводную и ряд других повинностей. Казак нес на своих плечах заботу о собственной экипировке, приобретали за свои средства обмундирование, холодное оружие и коня.

Подводя итоги, отметим, что в XIX веке завершается формирование казачества как военно-служилого сословия с четким законодательным оформлением его прав и обязанностей, территориально-административным и внутренним устройством и полным подчинением государственной власти. Создание единого Кавказского Линейного войска и реформирование системы управления казачьими войсками привели к сокращению до минимума принципов демократизма в местном самоуправлении. Вышедшее в 1845 году «Положение о Кавказском Линейном войске» окончательно закрепило назначение командирами казачьих полков офицеров регулярной армии и ликвидировало институт выборности должностных лиц в войске. Российское государство предоставляя казакам льготы и одновременно все более и более регламентируя внутреннюю жизнь казачьих войск, планомерно превращало казачество в особое полупривилегированное военно-служилое сословие.

Список источников

Бурда 2003 – *Бурда Э.В.* Очерки о терском казачестве. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. 213 с.

Великая 2001 – *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: ЗАО «Невинномысская городская типография», 2001. 280 с.

Гальцев 1957 – *Гальцев В.С.* Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 101–114.

Голованова 2005 – *Голованова С.А.* Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции: Вторая половина XVI – конец XIX в.: дис. ... д-ра ист.наук. Армавир, 2005. 389 с.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб.: Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1996. 220 с.

Омельченко 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: «Ир», 1991. 301 с.

Отдел рукописных фондов СОИГСИ. Отдел истории.

Россия и народы... 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству / под ред. К.Ф. Дзамихова. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 266 с.

Статистические материалы... 1878 – Статистические материалы для изучения современного станичного быта Терского казачьего войска / Сост. Н. Благовещенский. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказа, 1878. 108 с.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

References

BURDA E.V. *Ocherki o terskom kazachestve*. [Essays on the Terek Cossacks]. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2003. 213 p. (In Russian)

VELIKAYA N.N. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv.* [Cossacks of the Eastern Pre-Caucasus in the XVIII–XIX centuries]. Rostov-na-Donu: ЗАО «Nevinnomysskaya gorodskaya tipografiya», 2001. 280 p. (In Russian)

GAL'CEV V.S. *Iz istorii kolonizatsii Severnogo Kavkaza* [From the history of colonization of the North Caucasus] // *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. T. XIX. Ordzhonikidze, 1957. P. 101–114. (In Russian)

GOLOVANOV S.A. *Kazachestvo Tereka i Kubani: etnopoliticheskie i kul'turno-istoricheskie osobennosti stanovleniya i evolyucii: Vtoraya polovina XVI – konec XIX v.: dis. ... d-ra ist.nauk.* [The Cossacks of Terek and Kuban: ethnopolitical and cultural-historical features of formation and evolution: The second half of the XVI – the end of the XIX century.] Armavir, 2005. 389 p. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries.] SPb.: Rus.-balt. inform. centr «Blic», 1996. 220 p. (In Russian)

OMEL'CHENKO I.L. *Terskoe kazachestvo* [Terek Cossacks]. Vladikavkaz: «Ir», 1991. 299 p. (In Russian).

Otdel rukopisnykh fondov SOIGSI. Otdel istorii. [The Department of manuscript collections of SOIGSI. History Department.] (In Russian)

Rossiia i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sociokul'turnaya distantsiia i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the Peoples of the North Caucasus in the XVI – mid-XIX century: socio-cultural distance and movement towards state and Political unity / edited by K.F. Dzamikhov] / pod red. K.F. Dzamihova. Nal'chik IGI KBNC RAN, 2018. 266 p. (In Russian)

Statisticheskie materialy dlya izucheniia sovremennogo stanichnogo byta Terskogo kazach'ego vojska [Statistical materials for the study of the modern village life of the Terek Cossack army] / Sost. N. Blagoveshchenskij. Tiflis: Tip. Gl. upr. Namestnika Kavkaza, 1878. 108 p. (In Russian)

TsGA RSO-A – *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania]. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-38-47

**«ПРОЧИЕ РЕМЕСЛЕННИКИ:
ОРУЖЕЙНИКИ, ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА...»
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ ПРАКТИК
В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2023

Аннотация. Народные промыслы исторически являлись важной составной частью традиционной экономики горцев Северного Кавказа. В условиях отсутствия альтернативных источников заработка, в силу промышленного отставания региона от центральных губерний страны эти занятия обеспечивали крестьянскому бюджету устойчивый дополнительный доход. Административно-политические и социально-экономические преобразования Российской империи во второй половине XIX в. изменили условия функционирования этих хозяйственных практик. Некоторые традиционные ремесла, не выдержав конкурентной борьбы с привозными промышленными товарами, уступили им место на региональном рынке. Отдельные промыслы смогли не только сохраниться, но и успешно встраивались в товарно-денежные отношения, адаптируясь к меняющимся потребностям местного населения. В статье, на основе документов хозяйственного делопроизводства, статистических данных и материалов периодической печати, на примере оружейного и ювелирного промыслов анализируются важнейшие тенденции развития традиционных предпринимательских практик во второй половине XIX – начале XX в. Освещаются общие принципы организации производственной деятельности, пути и формы ее адаптации к рыночным отношениям. Выявлена обусловленность этих процессов развитием курортного дела и регионального туризма в Терской области.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XX в.; Нальчикский округ; предпринимательство, рынок; оружейное производство; ювелирное дело; серебрянки; конверсия производства

Для цитирования: Дзуганов Т.А. «Прочие ремесленники: оружейники, золотых и серебряных дел мастера...» тенденции развития традиционных ремесленных практик в нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 38–47. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-38-47

Original article

**"OTHER CRAFTSMEN:
GUNSMITHS, GOLDSMITHS AND SILVERSMITHS..."
TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CRAFT PRACTICES
IN NALCHIK OKRUG IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY**

Timur A. Dzuganov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzuganov, 2023

Annotation. Folk crafts have historically been an important part of the traditional economy of the highlanders of the North Caucasus. In the absence of alternative sources of income, due to the industrial backwardness of the region from the central provinces of the country, these occupations provided the peasant budget with a stable additional income. The administrative-political and socio-economic transformations of the Russian Empire in the second half of the 19th century changed the conditions of functioning of these economic practices. Some traditional crafts, unable to withstand the competition with industrial goods, gave way to them in the regional market. Some crafts managed not only to survive, but also successfully integrated into commodity-money relations, adapting to the changing needs of the local population. In the article, on the basis of documents of economic records, statistical data and materials of periodicals, on the example of weapon and jewellery crafts, the most important tendencies of development of traditional entrepreneurial practices in the second half of the XIX – early XX centuries are analyzed. The general principles of organization of production activity, ways and forms of its adaptation to market relations are highlighted. The conditionality of these processes to the development of resort business and regional tourism in the Terek region is revealed.

Keywords: North Caucasus; 20th century; Nalchik District; entrepreneurship, market; arms production; jewelry; silversmithing; conversion of production

For citation: Dzuganov T.A. "Other craftsmen: gunsmiths, goldsmiths and silver-smiths..." trends in the development of traditional craft practices in nalchik okrug in the late xix-early xx century. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 38–47. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-38-47

Традиционная экономика кабардинцев и балкарцев, несмотря на свою многоукладность, вплоть до реформ 60-х годов XIX в. сохраняла черты натурального хозяйства. Все самое необходимое для себя и своего хозяйства местный крестьянин производил сам. Кумыков Т.Х. в связи с этим отмечал, что особенностью экономического развития дореволюционной Кабарды и Балкарии было отсутствие промышленности в полном смысле этого слова [Кумыков 1965: 281]. На рынок, как правило, поступали излишки произведенной продукции. Ремесло и кустарные промыслы также имели низкую рыночную ориентированность, традиционно оставаясь объектом натурального обмена. Даже оружейное ремесло, несмотря на отмечаемое многими исследователями высокое качество изделий, было слабо связано с рынком. Технологии производства застыли, отсутствовали специализация и разделение труда. Все необходимое – отковки клинка, до последней гайки рукояти, местный умелец изготавливал сам с помощью простейших, не менявшихся столетиями, инструментов. Он же осуществлял и украшение оружия серебром и чернью, доводя конечный продукт до совершенства. Кабардинский оружейник, как правило, это кузнец, слесарь и ювелир в одном лице. Это обстоятельство было подмечено и прокомментировано чиновником Терской администрации Г. Вертеповым, долгие годы занимавшегося сбором и анализом областной статистики кустарных промыслов. Одна из первых особенностей, которые бросаются в глаза исследователю «туземного» оружейного производства, это полное отсутствие прогресса и даже стремления к нему [Вертепов 1897: 19]. Форма ручки, клинка, какой – ни будь гайки и даже гвоздя, способ закалки, узор высеки – все это повторяется до мельчайших подробностей на каждом новом изделии, выходящем из рук одного и того же мастера.

Вместе с тем, комментарий Г. Вертепова нельзя считать объективным и беспристрастным. Будучи чиновником Терской областной администрации, он по долгу службы был обязан отстаивать интересы развивающегося российского промышленного капитализма, и само наличие местных кустарей воспринималось им лишь как забавный анахронизм, помеха на пути прогресса.

Исторически кабардинское «белое оружие» высоко ценилось и за пределами Кавказа. Отдельные изделия мастеров представлены в собрании коллекций императорского Эрмитажа. В описании экспонатов «турецкой комнаты» первый директор и хранитель Ф. Жиль замечает: «Кабардинцы ныне вполне покорились России, но их оружие и одежды еще господствуют на Кавказе» [Жиль 1860: 195].

В середине 60-х годов XIX в., с завершением Кавказской войны и определенным разоружением жителей региона, оружейное производство в Кабарде практически сходит на нет. Сложные, порой трагичные события, сопровождавшие процесс «замирения горцев», обусловили не только резкий спад спроса на оружие, но и изменили культуру потребления в оружейной продукции у народов Кавказа. Замкнутые в сфере земледелия и скотоводства, Кабарда и Балкария лишаются последних профессиональных кустарей – оружейников, вынужденных оставить свое ремесло и взяться за мотыгу. Преодолеть эту социально-экономическую травму оказалось достаточно сложно. В последствии, вплоть до начала XX в., все документально зафиксированные кабардинские оружейники, кузнецы, седельщики и проч., наряду с занятием ремеслом, продолжали активно вести сельское хозяйство. В случае отходничества, или иных причин, мешающих лично заниматься хозяйством, мастера нанимали временных работников.

Во второй половине 60-х гг. XIX в. оружейное производство в Кабарде, как это видно из документов, почти полностью прекратилось. Лишь в докладе начальника Малокабардинского участка (январь 1866 г.) содержатся сведения о мастерах, которые по-прежнему «делают пистолеты, кинжалы, шашки и винтовки», но «все, что готовится – в весьма малых количествах» [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 769. Л. 5–6 об.]. Начальники других участков округа, в этот период, вообще не упоминают данный вид народных промыслов среди имеющихся. Запрет на хранение и ношение холодного, и тем более огнестрельного оружия, введенный администрацией на территории Терской области, подорвал и без того пошатнувшиеся позиции кабардинских оружейников и ювелиров. Поэтому нет ничего удивительно в том, что к середине 70-х гг. ювелирное, и особенно оружейные промыслы почти исчезают как вид. Когда 1876 г. в окружных статистических отчетах по Терской области для учета единичных производителей вводится специальная графа «Прочие ремесленники», именно в нее, помимо редких извозчиков и единственного часовщика вносят немногих местных оружейников и ювелиров. Как явствует из этих документов, в 1876 г. во всем 1-м участке Нальчикского округа имелся всего 1 ювелир, 11 золотых и серебряных дел мастеров с 6 учениками [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 9 об.], в 3-м и 4-м участках имелось золотых и серебряных дел мастеров, соответственно, – 4 [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 18] и 8 [УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Д. 8. Л. 48 об.]. Во 2-м и 5-м участках наличие мастеров не зафиксировано вовсе. Возможно, кому-то из этих редких специалистов отдельными решениями съездов доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ в 1883 г. было поручено изготовление и отделка «собственного изделия шашки» и «азиатской винтовки» для поднесения Александру III «в день священного коронавания» [Прасолов 2022: 137–138].

В 1886 г. областные власти были озабочены проникновением на местные рынки изделий из фальшивых драгметаллов, в связи с чем на места были разосланы специальные циркуляры, требующие уточнить количество имеющихся ремесленников. Благодаря этому обстоятельству до нас дошли некоторые сведения о численном составе оружейников и ювелиров Нальчикского округа.

В своем рапорте в Канцелярию Начальника Терской области заместитель начальника Нальчикского округа докладывал: «Удостоверяю, что производителей золотых и серебряных изделий канительного товара и изделий из металлов похожих по наружному виду на золото и серебро в Нальчикском округе нет, за

исключением только лиц, занимающихся отделкой оружия под серебро и золото» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 133].

Об отсутствии «производителей золотых и серебряных изделий канительного товара и изделий из металлов похожих по наружному виду на золото и серебро в туземных селениях» докладывали приставы 1 и 5 участков. Начальник 3-го сообщал, что на вверенной ему территории есть лишь мастера, занимающиеся «обковкой оружия под серебро и золото, но «производителей изделий из металлов, похожих на золото и серебро нет» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 138].

В соответствии с рапортом начальника 2-го участка, там имелось 5 мастеров, занимающихся производством «золотых и серебряных изделий», причем, все они находились в Урусбиевском обществе. Двое мастеров – отходники из Казикумухского округа, остальные – местные жители – Конак Гулиев, Зеке Гулиев и Хусейн Тибердиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 136].

Как видно из вышеприведенных документов, оружейное и ювелирное дело в округе находилось в затянувшемся кризисе. Кабардинские и балкарские мастера к концу 80-х годов XIX в. не только не смогли восстановить объемы довоенного производства, но и оказались не готовы к новым условиям, диктуемым капиталистическим рынком. После того, как кремневые ружья и пистолеты утратили свое прежнее значение и стали уступать место более современным промышленным образцам, само собою должно было прекратиться и производство серебряной оправы, которой горцы любили украшать свои ружья и пистолеты. Последние и теперь – пишет Г. Вертепов [Вертепов 1897: 23–24], еще встречаются в продаже с дорогой серебряной оправой, но все они старой работы, пистолетов с оправой современной работы в продаже вовсе нет. Вместе с азиатским огнестрельным оружием утратили значение свое и такие боевые принадлежности, как газыри, сальницы, натруски, отвертки, шила и проч. Все это горец и казак носили на груди и поясе, на виду у всех, и потому, по кавказской привычке, богато отделывали в серебре.

Местное производство холодного оружия – шашек и кинжалов продолжало неуклонно сокращаться «количественно и качественно». Соответственно падал спрос и на отделку и оправу их в серебро. В связи с падением спроса на оружие, немногие оставшиеся мастера вынуждены были либо полностью оставить занятия промыслами и сосредоточиться на сельском хозяйстве, либо попытаться найти свою нишу в условиях наступающего рынка, осуществить конверсию производства, перейти на выделку «мирных» ювелирных изделий. По-видимому, это и явилось основной причиной резкого сокращения числа местных оружейников-ювелиров. На освободившиеся места приходят отходники из Дагестана и Закавказья. Комментируя данное обстоятельство, Т.А. Жакомихов [Жакомихов 1965: 169] заметил, что опустевшую нишу стали занимать приезжие тавлинцы и кумыки, возобновившие на месте производство серебряных изделий с чернью, украшения к оружию и проч.

В последующие десятилетия ситуация начинает постепенно выправляться, и связано это, прежде всего, с развитием курортного дела на Кавказе. Увеличившийся поток отдыхающих и туристов подстегнул почти исчезнувшие кустарные промыслы, в том числе, и оружейно-ювелирное производство. Заезжая публика с охотой скупала изделия местных мастеров в качестве сувениров. Все внимание современного мастера, отмечает Г. Вертепов, сосредоточено на внешней отделке и оправе ножен, то и другое доведено до совершенства и, по-видимому, вполне удовлетворяет кавказского и заезжего покупателя, которым, в большинстве случаев, шашка нужна не столько в качестве оружия, сколько в качестве необходимой принадлежности костюма или украшения кабинета [Вертепов 1897: 18–19]. Неудивительно, что к 1893 г. в Нальчикском округе имелось уже 129 кузнецов (один кузнец на 723 человека), а объем производства

составил 5685 р. [Вертепов 1897: 9]. Естественно, что большинство мастеров переносит свои мастерские в города и станицы, где вероятность сбыть свой товар выше. По данным Г. Вертепова основной «контингент» серебряков (ювелиров) и оружейников составляли отхожие кустари из горцев [Вертепов 1897: 7]. Этот факт он закономерно объяснял «стремлением производителя работать ближе к рынкам сбыта – ярмаркам и постоянным базарам». К 1893 г. во всей Терской области официально насчитывалось серебряков – 251, и оружейников – 216, с годовым оборотом, соответственно, 48033 и 15120 рублей, соответственно. Из материалов, опубликованных Г. Вертеповым [Вертепов 1897: 8], видно, что специалисты – оружейники, по числу душ, занимали третье место, а по сумме производства – четвертое. Автор обращал внимание на тот факт, что значительное число «туземных кузнецов и слесарей занимались починкой оружия, а при случае и выделкой такового и что серебряные изделия находились в непосредственной близости с оружейным промыслом [Вертепов 1897: 8]. В Нальчикском округе насчитывалось уже 14 оружейников, с совокупным доходом в 1075 рублей. По подсчетам автора один оружейник приходился на 6225 человек населения [Вертепов 1897: 8].

Следует отметить, что в более выигрышном положении оказались те мастера, которые предпочли сосредоточиться на ювелирном производстве. Раньше этот промысел существовал не самостоятельно, а как необходимое дополнение к оружейному. Серебряки занимались почти исключительно оправой оружия и боевых принадлежностей горца в серебро и золото. Прихотливые узоры резьбы и оригинальная «чернь», которыми кавказские серебряки покрывают свои изделия, придавая им своеобразную прелесть восточного характера, обратили на себя общее внимание. Под влиянием рыночных отношений, мастера вынуждены менять ассортимент конечной продукции. В этом отношении серебряк далеко опередил оружейника. От предметов, имеющих непосредственное отношение к оружию и воинственной жизни местного населения, он постепенно переходит к «предметам мирной домашней обстановки: ложечкам, рюмочкам, мундштукам и разным ценным безделушкам в виде брошек, колец, запонок, брелоков и т.п. [Вертепов 1897: 22–23].

Среди разнообразия изделий серебряков ведущие позиции сохраняла оправка и отделка оружия; затем набор для сбруи, металлические аксессуары горского женского костюма – пояса, нагрудники, сопутствующая декоративная фурнитура. Развитие этого направления деятельности ювелиров сопровождалось ростом мошенничества со стороны отдельных пришлых кустарей. В 1899 г. Нальчикский округ взбудоражило громкое судебное разбирательство. Пострадавшая сторона – несовершеннолетняя сирота, жительница сел. Докшокова Цырыма Озрокова подала в Горский Словесный Суд исковое заявление на пришлых мастеров-ювелиров. Оказалось, что в 1897 г. она приобрела у серебряков Гусейна и Ибрагима Магомет Оглы серебряные пуговицы и «пояс женского туземного образца» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4026. Л. 5], каковые впоследствии оказались «вовсе не серебряными», а изготовленными из «варшавского серебра» т.е. разновидности мельхиора. Следует отметить, что такого рода мошенничества вызывали серьезную озабоченность властей. Владикавказская Пробырная Палата предпринимала решительные шаги в деле усиления контроля в сфере оборота продукции из драг металлов.

В целом, производство мелких серебряных изделий, не имеющие отношения к оружию, находилось в более благоприятных условиях для своего развития. Спрос на эту продукцию увеличивался с каждым годом. «Их оригинальная ручная работа гарантирует им исключительное положение вне всякой конкуренции на рынке; прочность огневой позолоты, кавказская «чернь», и своеобразная узорчатая резьба резко выделяют их из общей массы однородных изделий»

[Вертепов 1897: 25]. Стоимость таких изделий, как правило, оставалась относительно невысокой: всякого рода оправы, набор для сбруи и кавказских поясов оценивалась обыкновенно по весу: 50 коп. Золотник черненного серебра и 75 коп. с позолотой; мелкие же изделия – поштучно, смотря по весу и качеству работы [Вертепов 1897: 25–26]. Средний годовой заработок серебрят по Терской области составлял 192 рубля. В Пятигорске 395 рублей, а в Нальчикском округе – 100 рублей [Вертепов 1897: 26]. Разница в заработках мастеров объясняется близостью к наиболее перспективным рынкам сбыта, как известно, к концу XIX в. Пятигорск превращается в один из самых популярных курортов Кавказа, потому неудивительно, что большинство кабардинских и не только мастеров стремится перенести свое производство именно туда.

Газета «Южный Край» в 1905 г. советовала своим читателям из числа отдыхающих на Кавказских Минеральных Водах, оказавшись в Пятигорске, непременно приобрести в качестве сувениров «единственный более оригинальный товар» – кабардинские трости. Данный товар поступал в лавки города в двух вариациях. «Толстые кизилловые, необыкновенно тяжелые с металлическими инкрустациями, довольно грубо сделанными – и более тоненькие черного дерева с серебряными набалдашниками с чернью» [Южный Край 1905: № 8526]. Последние были значительно дороже кизилловых. «Те узоры чернью, которыми так недавно украшали только рукояти шашек и пояса, нашли теперь более мирное назначение для тросточек туристов и курсовых» – отмечает автор заметки [Южный Край 1905: № 8526]. Набалдашники эти имеют столь большой сбыт, что пятигорские кабардинцы не успевают их изготавливать в достаточном количестве и в нынешнем году готовят уже набалдашники очень маленькие только бы успеть удовлетворить спрос покупателей.

К 1911 г. в округе складывается устойчивая специализация на, собственно, золотых и серебряных дел мастеров, занимавшихся преимущественно изготовлением и украшением предметов холодного оружия, ногаек и проч., ювелиров, специализирующихся на украшениях, часовщиков, занимающихся ремонтом золотых часов и изделий и торговцев – содержателей лавок и магазинов, имевших патент на торговлю изделиями из драг металлов.

В 1-м. участке:

Имена и фамилии владельцев, и место нахождения мастерских и магазинов	Отметка о заведении
кумык А. Магометов	сел. Бабуково
кумык М. Ама – Оглы	сел. Коново

[УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 833. Л. 28].

Во 2-м. участке:

Список мастерских и магазинов 2 участка Нальчикского округа

Имена и фамилии владельцев, и место нахождения мастерских и магазинов	Отметка о заведении
Слобода Нальчик	
Спиридон Тер-Миносянц	Мастерская
Григорий Назаретов	Мастерская
Хаджи Магомет Топчиев	Мастерская

Андроник Сагоянц	Мастерская
Артем Доногонянц	Мастерская
Григорий Петросянц	Мастерская
Гасан Гусейн Кайдаров	Мастерская
Яков Зипалов	Магазин
Исай Ханукаев	Магазин
Павел Бондарчук	Часовщик
Селение Гунделен	
Шуаум – Мама Оглы	Мастерская
Женус – Зайду Оглы	Мастерская
Урусбиевское Общество	
Гамза Ахмед Оглы	Мастерская
Раджи Абакар – Оглы Магатаев	Мастерская

[УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 833. Т. 1. Л. 31].

В 3-м участке:

Список мастерских и магазинов 3 участка Нальчикского округа

Имена и фамилии мастеров	В каких селениях находятся мастерские
Ахмет Магомет – Оглы	сел. Кайсын – Анзорово
Амир Ахмет – Оглы	сел. Мисостово
Умар Бута Абдул – Оглы	сел. Коголкино
Исмаил Магомет – Оглы	сел. Коголкино

[УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 833. Т. 1. Л. 34].

В 4-м. участке:

Список серебрякам, проживающим в селениях 4 участка Нальчикского округа

Имена и фамилии	Где проживают
Султан Магомед Кута – Оглы	сел. Астемирово
А. Колендар – Оглы	сел. Бороково
Магомед Колендар – Оглы	сел. Абаево
Николай Бигаев	сел. Хапцево
Шамиль Каражев	сел. Ахлово

[УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 833. Т. 1. Л. 36–36 об.].

Всего в 1911 г. по округу было официально зарегистрировано, а значит имели необходимые документы на право занятия данным видом предпринимательства, 22 мастерские, 2 магазина и 1 часовщик. Мастерские оружейников находились в селениях Бабуково, Коново, Коголкино, Мисостово и др. В Кайсын-Анзорово, Гунделене и Урусбиевском обществе имелось по 2 мастерских. Наибольшая концентрация наблюдается в Нальчике, где, помимо 7 мастерских, располагались

ювелирные магазины Якова Гаспарова и Исаея Ханукова. Здесь же находился и единственный на весь округ «официальный» часовщик – Павел Бондарчук [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 602. Л. 31].

Необходимо отметить, что первым из известных окружных часовщиков является Захария Фрахтман, сведения о котором встречаются в документах за 1886 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 116. Т. 2. Л. 207–216]. В 1913 г. в слободе Нальчик открывает свой «Часовой магазин» татарин Ибрагим Агджигитов.

Как явствует из документов, пришедшие мастеровые, наводнившие Нальчикский округ, не спешили сразу обзаводиться необходимыми разрешительными документами. Деятельность большинства пришедших золото кузнецов и оружейников носила сезонный характер, потому в официальных документах фигурируют далеко не все из них. Очень образно реконструирует условия кустарного производства отходников Жакомихов Т.А. [Жакомихов 1965: 169]: «Серебряк работал один или с мальчиком, с помощью самых несложных инструментов и допотопного горна, заменявшего ему кухонную печь, как и само помещение служило ему и магазином, и мастерской, и спальней. Мелкие заказы серебряк изготавливал в присутствии заказчика». Такие кустари предпочитали арендовать на «сезон» помещения в селениях горцев, а осенью возвращались домой в Дагестан. Например, проживающий в 1906 г. в доме жителя сел. Тамбиево I Хатакшуки Кауфова житель селения Кудали Гунибовского округа Амир – Хан Али – Оглы «занимался починкой часов», хотя никаких разрешительных документов не имел. Сам факт его деятельности вскрылся в ходе разбирательства дела об его ограблении [УЦГА АС КБР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 5819. Л. 5]. Документы другого расследования, также связанного с кражей, позволяют установить имена сразу трех дагестанских отходников. В декабре 1916 г. «кумык Дагестанской области сел. Кубачи» Гаджи Мама Гаджи Алихан Оглы, проживающий в доме Шуйского, заявил старосте сел. Кучмазукино, что 28 августа сего года из его мастерской было похищено 10 кинжалов и 10 пистолетов, общей стоимостью в 265 руб. Часть украденного он обнаружил среди товаров купца из кумыков, торгующего на кучмазукинском базаре. Подозреваемый, проживающий в сел. Иналово кумык Саит Сабаз Оглы, показал, что приобрел эти вещи у другого кумыка, некоего Али Абакар Оглы, «также проживающего слободе Нальчик» по соседству с мастерской потерпевшего [УЦГА АС КБР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 6433. Л. 13–13 об.]. Последний при допросе заявил, что занимается исключительно скупкой и перепродажей кавказского оружия и не припомнит, у кого покупал, и кому мог продать данный кинжал [УЦГА АС КБР. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 6433. Л. 14]. Как видно из материалов дела, к началу XX в. на территории Нальчикского округа в среде дагестанских отходников уже сложилась своеобразная профессиональная специализация на производителях и торговцев оружейной, а также и ювелирной продукцией.

Показательно, что среди 22 содержателей мастерских и магазинов в 1911 г. в документах встречается лишь один кабардинец – мастер Шамиль Каражев из селения Ахлово. По-видимому, местное ювелирное производство продолжает сторнировать. Вместе с тем этот сегмент экономики края прочно удерживался пришлыми кустарями из соседних регионов. Из документов можно заключить, что дагестанские ремесленники специализировались, в основном, на производстве кавказского оружия, традиционных кавказских украшениях и предметах национального костюма (пояса, пряжки, пуговицы и проч.). Армянские мастера, наряду с традиционными, изготавливали для клиентов украшения в европейском стиле. Местное слободское купечество было представлено владельцами «магазинов» Я. Зипаловым и И. Ханукаевым.

В последующие годы число золотых и серебряных дел мастеров, как и торгующих ювелирными изделиями увеличилось почти в два раза. На 1 февраля 1915 г. пробирер Терской и Дагестанской областей утвердил разрешения

на торговлю золотыми и серебряными изделиями 40 предпринимателям Нальчикского округа. В официальном уведомлении по этому поводу уточнялся профессиональный список получивших разрешительные документы: «золотых и серебряных дел мастера, часовщики, владельцы ломбардов и торгующим золотыми и серебряными изделиями и часами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 907. Л. 79].

Следует отметить, что этот документ вызвал крайнее раздражение начальника округа, так как количество полученных патентов было значительно меньше необходимого. Только на слободу Нальчик первоначально запрашивалось 18 комплектов разрешительных документов. В списке получивших патенты за 1915 г., мы встречаем имена кабардинских мастеров. Это Б. Пшихачев и М. Бжахоконов, чьи мастерские находились в селении Наурузово, Салех Дешеков – Панагов из Исламово и др. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 907. Л. 99–99 об.].

Таким образом, можно констатировать, что к началу XX в. оружейное и ювелирное производство в Нальчикском округе начинает выходить из затянувшегося кризиса, вызванного завершением Кавказской войны и необходимостью встраиваться в новые рыночные отношения. Уже в первых десятилетиях двадцатого столетия местные кустарные промыслы смогли осуществить конверсию своего производства и освоили выпуск новой мирной продукции. Изделия кабардинских мастеров, отличительной чертой которых являлось высокое искусство в чернении серебром и огнем золочении изделий, в новых рыночных условиях нашло своего потребителя. Несомненно, что основную позитивную роль в этих процессах сыграло развитие курортного предпринимательства в крае и близость округа к основным туристическим центрам. Возрожденные ремесла втягивают в свою орбиту все большее число местной молодежи. Архивные документы свидетельствуют, что наблюдавшийся в конце XIX в. процесс замещения в кабардинских и балкарских селениях местных мастеров пришлыми отходниками из Дагестанской области был приостановлен. Кабардинские и балкарские ремесленники не только смогли сохранить свои традиционные народные промыслы, связанные с оружейным и ювелирным делом, но и вполне успешно адаптировались к пореформенным экономическим реалиям.

Список источников

Вертепов 1897 – *Вертепов Г.А.* Очерки кустарных промыслов в Терской области / Терский сборник. Вып. 4. Владикавказ, 1897. С. 1–35.

Жакомыхов 1965 – *Жакомыхов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 205 с.

Жиль 1860 – *Жиль Ф.* Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору. СПб., 1860. 368 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2022. 240 с.

Южный Край. № 8529. 1905.

References

VERTEPOV G.A. *Ocherki kustarnykh promyslov v Terskoi oblasti*. IN: Terskii sbornik. Vyp. 4. Vladikavkaz, 1897. P. 1–35. (In Russian)

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 205 p. (In Russian)

ZHIL F. *Tsarskosel'skii muzei s sobraniiem oruzhiya, prinadlezhashchego Gosudaryu Imperatoru*. SPb., 1860. 368 p. (In Russian)

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p. (In Russian)

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki*. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *S#ezdy doverennyh v politicheskoi kul'ture kabardincev i balkarcev* [Congress of entrusted in the political culture of Kabardins and Balkars]. Nal'chik: Print Centr, 2022. 240 p.

YUZHNYI KRAI. № 8529. 1905. (In Russian)

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии.

Information about the author

T.A. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Ancient History and Archeology.

Статья поступила в редакцию 29.10.2023, одобрена после рецензирования 10. 11.2023, принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 29.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 94(470.8)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-48-54

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В ПЕРИОД ОБОРОНЫ КАВКАЗА В 1942 г.

Марина Хабасовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© М.Х. Гугова, 2023

Аннотация. В статье исследована деятельность партийных и государственных органов власти Кабардино-Балкарии в условиях приближения фронта. Анализируются боевые действия подразделений Красной Армии по обороне республики, которая при активной поддержке гражданского населения в августе-октябре 1942 г. сдерживала натиск врага в тяжелейших боях и отвлекала значительную военную группировку противника, чем активно содействовала успеху войск Закавказского фронта в обороне Орджоникидзе и Грозного. Особое внимание уделено боям на Эльбрусском направлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, Красная Армия, оборона, мобилизация

Для цитирования: Гугова М.Х. Кабардино-Балкария в период обороны Кавказа в 1942 г. // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 48–54. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-48-54

Original article

KABARDINO-BALKARIA IN THE PERIOD OF DEFENSE OF THE CAUCASUS

Marina Kh. Gugova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gugowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© M.Kh. Gugova, 2023

Abstract. The article examines the activities of the party and state authorities of Kabardino-Balkaria in the conditions of approaching the front. The article analyzes the combat actions of the Red Army units in defense of the republic, which, with the active support of the civilian population in August-October 1942, held back the enemy's onslaught in difficult battles and distracted a significant military group of the enemy, which actively contributed to the success of the troops of the Transcaucasian Front in the defense of Ordzhonikidze and Grozny. Special attention is paid to the battles in the Elbrus direction.

Keywords: Great Patriotic War, North Caucasus, Kabardino-Balkaria, Red Army, defense, mobilization

For citation: Gugova M.Kh. Kabardino-Balkaria in the period of defense of the Caucasus 1942. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 48–54. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-48-54

Битва за Кавказ продолжалась 442 дня. Германское военное командование сосредоточило свои главные силы летом 1942 г. на южном крыле фронта, чтобы захватить Северный Кавказ с его богатыми нефтяными и продовольственными ресурсами и решить в свою пользу судьбу всей войны. Для советского руководства и командования Красной Армии немецкое наступление на юге стало неожиданным. Главный удар германских войск ожидали на центральном направлении, где и были сосредоточены основные силы Красной Армии. Составной частью событий, происходивших на Северном Кавказе в 1942–1943 гг., были бои за Кабардино-Балкарию.

В октябре 1941 г. для оказания помощи фронту и мобилизации жителей республики, был создан Нальчикский комитет обороны. В состав вошли: первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) З.Д. Кумехов (председатель), Председатель Совнаркома КБАССР Х.К. Ахохов, Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР И.Л. Ульбашев и др. [Хакуашев 1978: 54] Под контролем комитета находились все органы власти, предприятия, колхозы, совхозы, МТС, органы противовоздушной обороны, противопожарная, медико-санитарная службы, отделы связи и информации, вокзалы и т. д. В короткие сроки открывались различные центры обучения военным специальностям. Из добровольных пожертвований и взносов населения формировался фонд обороны. Мужчины и женщины Кабардино-Балкарии уходили на фронт добровольцами на защиту Отечества.

Осенью 1941 г. в Кабардино-Балкарии стала формироваться 115-я кавалерийская дивизия из 3500 бойцов. В нее вошли представители всех народов, проживавших в республике. Колхозы выделили для дивизии кабардинских скакунов, снабдили кавалеристов всем необходимым, в том числе седлами, обмундированием и продовольствием. Командиром дивизии был назначен полковник А.Ф. Скороход. Комиссаром дивизии был утвержден Ф.С. Иголкин, а начальником политотдела – секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии М.Т. Селяев [Тетуев 2015: 58]. В мае 1942 г. дивизия выступила на фронт.

В Кабардино-Балкарии одновременно с всеобщей мобилизацией шла перестройка народного хозяйства на военный лад. Помимо выпуска основной продукции предприятия наладили производство боеприпасов и различных видов оружия.

В первые дни войны свыше 5 тыс. жителей республики ушло на фронт добровольцами. Для Красной Армии было собрано 23 вагона теплых вещей. За годы войны труженики сельского хозяйства сдали государству около 300 тыс. т. зерна, 97 тыс. ц. мяса, 56 тыс. лошадей кабардинской породы. За счет средств жителей Кабардино-Балкарии были созданы эскадрилья истребителей, танковые колонны. Всего в фонд обороны было собрано 170 млн. руб. [Хакуашев 1978: 88]

7 августа 1942 г. на территории КБАССР было введено военное положение. Исходя из приказа Государственного Комитета Обороны (ГКО), Нальчикский комитет обороны принял решение о возведении вокруг Нальчика оборонительных сооружений, а затем и по всей Кабардино-Балкарии. Однако немцы без особого труда обходили их и продвигались в нужном направлении.

Командующий группой армии «А» фельдмаршал В. Лист решил развивать наступление в направлении Грозный–Баку. Действовавший здесь 50-й танковый корпус генерала фон Швеппенбурга своими двумя дивизиями в течение 10–15 августа 1942 г. овладел городами Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск, Минеральные Воды. Бои в этом районе продолжались до 25 августа.

Во второй половине августа 1942 г. под Моздок был переброшен 3-й танковый корпус генерала фон Макензена – 13-я танковая и 16-я моторизованная дивизия, а через калмыцкие степи к 18 августа на моздокское направление прибыл 52-й армейский корпус генерала Отта.

В то же время на нальчикском направлении оставались 23-я танковая и румынская 2-я горнострелковая дивизии. Таким образом, для захвата Грозненского – Бакинского нефтяного района враг смог сосредоточить части трех танковых (340 танков) и трех пехотных дивизий.

Немецким войскам противостояли подразделения Северной группы войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Соотношение сил было в пользу Красной Армии (кроме танков), но превосходство сводилось на нет линейным расположением войск на огромном фронте: 44-я армия генерал-майора И.С. Петрова тремя дивизиями заняла оборонительный рубеж по р. Терек, Сулак, Самур. 9-я армия генерал-майора К.А. Коротеева силами пяти дивизий и четырех стрелковых бригад занимала оборону по рекам Терек и Урух, а 37-я армия генерала П.М. Козлова силами пяти стрелковых дивизий прикрывала нальчикское направление, 58-я резервная армия генерал-майора В.А. Хоменко в составе трех дивизий и двух бригад занимала Махачкалинский укрепрайон [Опрышко 2015: 72].

Целью немецкого командования было прорвать оборону советских войск на р. Терек и захватить Малгобек, после чего танковыми соединениями прорваться между Терским и Сунженским хребтами и вдоль Алхан-Чуртского канала выйти к Грозному и Махачкале.

13 августа подразделения 2-й гвардейской стрелковой дивизии вступили в бой с противником в районе с. Куба КБАССР. Вражеская атака была отбита и противник вынужден был отступить.

Выйдя передовыми отрядами к рубежам рек Баксан и Гунделен противник 15 августа неоднократно пытался прорвать оборону Красной Армии на нальчикском направлении. Однако успеха не имел.

16 августа 1942 г. враг занял с. Алтуд и Ново-Полтавку. Прохладный был обложен с трёх сторон. 25 августа 1942г. из г. Пятигорска для обороны города прибыл отряд курсантов Полтавского танкового училища (700 курсантов), у которых было 7 противотанковых ружей и 3 пушки.

24–25 августа шли тяжелые бои за подступы к городу. 26 августа немцы бросили на город 50 танков и 200 мотоциклов. Курсанты героически сражались до последнего и почти все погибли. Многим из погибших едва исполнилось 18 лет.

26 августа Прохладный пал. Немцы обманули защитников города. Их ждали со стороны техникума, а они, нарисовав звезды на своих танках и надев красноармейскую форму, зашли в Прохладный со стороны железнодорожного поселка. На переднем танке реяло красное знамя с портретами Сталина и Ленина и местные жители подумали, что это советские войска, и не оказали сопротивления. Оставшиеся в живых курсанты отступили к Прималке.

В районе горы Хара-Хора, с. Заюково и Кызбурун I, где враг пытался развить наступление на Нальчик и вверх по Баксанскому ущелью к перевалам Главного Кавказского хребта – Донгуз-Орун-Баши, Бичо, к Тырнаузскому вольфрамо-молибденовому комбинату советские войска успешно отражали многочисленные атаки противника.

Ареной жестоких сражений стала высота 910 в районе села Кызбурун I, через которую противник пытался прорваться к Нальчику. Неоднократно она переходила из рук в руки.

В ходе оборонительных боев защитникам Северного Кавказа удалось сорвать наступление немецко-фашистских войск. Противник был остановлен на рубеже рек Баксана и Терека, где бои приняли позиционный характер.

Не добившись успеха на нальчикском направлении, немецкое командование решило произвести перегруппировку своих сил, форсировать р. Терек в районе Моздока и по кратчайшему пути выйти к грозненской нефти. Так началась Малгобекская операция наших войск (1–28 сентября 1942 года).

Ночью 2 сентября 1942 года немецкие войска форсировали р. Терек в районе Предмостного и Кизляра, а к исходу дня 3 сентября подошли к ст. Вознесенской. На этом рубеже части 11-го гвардейского стрелкового корпуса оставили врага.

К 20 сентября 1942 года противник снова перешел в наступление. Основным удар он нанес 13-й танковой дивизией из района Хамидие на Куян, Арик и Котляревскую, где оборонялся 581-й стрелковый полк 151-й стрелковой дивизии. Против этого полка враг бросил 55 танков и пехоту на 35 автомашинах. Вспомогательный удар он нанес из района Нижнего Курпа на Верхний Акбаш и Плановское частями 370-й пехотной дивизии, усиленной танками. 40 танков и автоматчики противника захватили с. Урожайное, Арик и пос. Терек.

Стремясь ворваться в Эльхотовские «ворота», Клейст участвовал в атаке. Бросая в бой танки группами от 100 до 150 машин, он сумел захватить Тамбовское, Верхний Акбаш и Дейское. Под напором превосходящих сил противника части 151-й и 275-й стрелковых дивизий отступили на левый берег р. Терек.

Развивая успех, противник атаковал части 59-й и 60-й стрелковых бригад, несколько потеснил их к Сунженскому хребту и к исходу 24 сентября захватил Плановское и Илларионовку (ныне с. Янтарное).

Форсировав р. Терек, немецко-фашистские войска повели наступление и в сторону Пришибской, пос. Майского и ст. Котляревской.

К исходу 24 сентября немцам удалось захватить небольшой плацдарм на левом берегу р. Терек в районе Пришибской, Майского и Котляревской.

В конце сентября 1942 года закончилась Малгобекская операция Северной группы войск Закавказского фронта. В ходе ее войскам 9-й и 37-й армий удалось остановить продвижение врага на юг и заставить его перейти к обороне. План гитлеровского командования по захвату к 25 сентября Грозного и Баку с малгобекского направления был полностью сорван.

Одновременно с Малгобекской оборонительной операцией проходила оборона перевалов, ведущих из Кабардино-Балкарской АССР в Закавказье.

14 августа 1942 г. подразделения 49-го горнострелкового корпуса «Эдельвейс», которые имели специальную подготовку для ведения боев в горах и соответствующее альпинистское снаряжение заняли селения Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук.

15 августа 1942 г. отряд 99-го альпийского полка 1-й горнострелковой дивизии под командованием капитана Грота, пройдя ущельем реки Уллу-Кам, вышли к перевалу Хотю-Тау. Путь через него ведет в Баксанское ущелье Кабардино-Балкарии и горным проходам Донгуз-Орун и Бечо, за которыми – Грузия. 16–18 августа 1942 г. после противник занял высокогорную гостиницу «Приют – 11», «Ледовую базу» и метеорологическую станцию. К перевалам Главного Кавказского хребта выдвинулись части 49-й армии, в районе Эльбруса находилась 63 кавалерийская дивизия под командованием И.О. Ромазова. 18 августа противник силами двух батальонов попытался спуститься в Баксанское ущелье по ледникам Азау и Гара-Баши, но они были атакованы 8-м моторизованным полком НКВД и 63-й кавалерийской дивизией и вынуждены были перейти к обороне. Утром 19 августа враг снова предпринял попытку прорваться к Терсколу, но был отброшен с восточных склонов Эльбруса [Опрышко 1976: 93].

21 августа 1942 г. альпинисты из высокогорного батальона под командованием Грота поднялись на Эльбрус и установили фашистские флаги, вымпелы.

В этих условиях на помощь 214-му кавалерийскому полку на Эльбрусское направление выдвинулась 242-я горнострелковая дивизия, которая затем заменила 63-ю кавалерийскую дивизию полностью. 28 августа эскадрон 214-го полка атаковал позиции противника и выбил его из Нового Кругозора, затем совместно с подразделениями полка НКВД освободили поляну Азау и Старый Кругозор.

В начале сентября 1942 г. 214-й кавалерийский полк сдал свои позиции 897-му горнострелковому полку и 242-й горнострелковой дивизии под командованием Г.Т. Курашвили. 9 сентября подразделения 897-го полка и 106-го горнострелкового отряда НКВД небольшими группами прошли в тыл противника и в результате яростных боев, временами переходивших в рукопашную схватку, освободили 105 пикет, Ледовую базу, Базу МГУ и Нижний Кругозор.

18 сентября на Эльбрус выступили бойцы 106-го горнострелкового отряда, приданного 242 дивизии. Отряд имел задачу подняться из района Тегенекли вверх по ущелью Ирик и освободить перевал Хотю-Тау. Однако вытеснить немцев с их позиций не смогли.

27 сентября 1942 г. наступление на «Приют – 11» начал отряд из 102 человек во главе с лейтенантом Г. Григорьянцем, хорошо знавшим район боевых действий. Несмотря на то, что противник имел превосходство в живой силе и технике, а также занимал командные высоты, отряд упорно продвигался вперед. И только тогда, когда отряд потерял три четверти личного состава, остатки закрепились и вели бой до 14 часов 28 сентября. Немцам удалось окружить остатки отряда. Из окружения вышел один раненый политрук и три раненых бойца. Командир отряда лейтенант Григорьянц, раненый в обе ноги, остался на поле боя. Высланный на помощь отряд был встречен в пути огнем противника и не смог оказать помощи группе лейтенанта Григорьянца.

Отражая наступательные действия противника, наши войска производили перегруппировку сил для последующего контрудара по уничтожению вражеской группировки на правом берегу р. Терек. Но, противник опередил советские войска. 25 октября 1942 г. Клейст перешел в наступление на нальчикском направлении.

Особенно ожесточенными были бои во время Нальчикской оборонительной операции (25 октября – 12 ноября 1942 г.). Противник, имея тройное превосходство в пехоте, одиннадцатикратное в артиллерии, десятикратное в минометах, абсолютное превосходство в танках и самолетах, утром 25 октября 1942 г. предпринял наступление на участке Баксан – Кызбрун III. Атаке переднего края обороны советских войск предшествовала мощная артиллерийская подготовка и налет вражеской авиации (до 100 самолетов) на боевые позиции и тылы частей 37-й армии. В конце октября 1942 г. командованию Красной Армии стало ясно, что Нальчик не удержать. В городе остались бойцы 11-й стрелковой дивизии войск НКВД (1956 человек).

Наступление немцев на столицу Кабардино-Балкарии началось утром 24 октября. Сначала над городом пролетел немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189». Зенитчики сбить его не смогли.

Утром 25 октября немецкие самолеты начали бомбить город. По военным сводкам, только на один аэродром Нальчика было совершено 42 налёта. Уже днём 26 октября после непродолжительного боя немецко-румынские войска вышли к аэродрому и стали продвигаться в сторону парка и Долинска. Нависла угроза выхода вражеских подразделений по руслу реки Нальчик в тыл частям РККА.

27 октября рано утром снова разгорелись ожесточенные бои. Враг захватил Промгородок, железнодорожную станцию и большую часть города. Вечером 28 октября немецкие войска при поддержке румынской пехоты полностью овладели Нальчиком. Части Красной Армии были вынуждены отходить в сторону Черекского ущелья по склонам Кизиловки и через селение Хасанья по лесной дороге. Слишком велико было превосходство противника на этом участке. В течение 3-х дневных боев за Нальчик по приблизительным подсчетам противник потерял до 1570 убитых и раненых солдат и офицеров, 13 подбитых танков, 2 бронемашин, 12 грузовых автомашин, 1 минометную батарею, 1 пушку... Потери 11 стрелковой дивизии НКВД за дни обороны убитых, раненых и пропавших без вести – 664 человека [Опрышко 1976: 149].

28 октября в ходе боевых действий немцам удалось выйти на рубеж: Старый Урух, Хазнидон, Жемтала, Белая Речка, Лечинкай и Заюково и отрезать пути отхода советских войск, которые оказались исключительно в тяжелом положении.

30 октября 1942 г. советские войска отошли на оборонительный рубеж по линии Бабугент – Голубое озеро – Ташлы-Тала – верховья р. Урух. Таким образом, почти вся территория Кабардино-Балкарии была оккупирована, за исключением села Ташлы-Тала и высокогорной части республики, которые оставались под контролем Красной Армии и избежали фашистской оккупации. Около 9 тыс. солдат и офицеров 37-й армии погибли, защищая Кабардино-Балкарию. Несмотря на захват основной территории Северного Кавказа, германские войска не смогли прорваться в Закавказье, их планы овладеть закавказской нефтью провалились.

Список источников

- Гречко 1969 – *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. 563 с.
- Кабардино-Балкария... 1975 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1975. 795 с.
- Лики войны... 1996 – Лики войны: сборник документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. 500 с.
- Опрышко 1976 – *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М.: Воениздат, 1976. 149 с.
- Опрышко 2015 – *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь 1943 года. Нальчик: Эльбрус, 2015. 288 с.
- Тетуев 2015 – *Тетуев А.И.* Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.//Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 54–61.
- Хакуашев 1983 – *Хакуашев Е.Т.* Боевое братство: 1941–1945 гг. Нальчик: Эльбрус, 1983. 167 с.
- Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.

References

- GRECHKO A.A. *Bitva za Kavkaz*. [Battle for the Caucasus]. Moskva: Voenizdat, 1969. 563 p. (In Russian)
- Kabardino-Balkariya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945]. IN: *Sbornik dokumentov i materialov*. Nal'chik: Ehl'brus, 1975. 795 p. (In Russian)
- Liki vojny*. [Faces of War]. IN: *Sbornik dokumentov i materialov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)*. Nal'chik, 1996. 500 p. (In Russian)
- OPRYSHKO O.L. *Zaoblachnyj front Priehl'brus'ya*. [Sky-high front of the Elbrus region]. Moskva: Voenizdat, 1976. 149 p. (In Russian)
- OPRYSHKO O.L. *Boevye dejstviya na territorii Kabardino-Balkarii. Avgust 1942 – yanvar'1943 g.* [Combat operations on the territory of Kabardino-Balkaria. August 1942 – January 1943.]. Nal'chik: Ehl'brus, 2015. 288 p. (In Russian)
- TETUEV A.I. *Otechestvennaya istoriografiya ob uchastii narodov Kabardino-Balkarii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Domestic historiography on the participation of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945]. IN: *Vestnik Kalmyckogo instituta humanitarnykh issledovanij RAN*. 2015. № 4. P. 54–61. (In Russian)
- HAKUASHEV E.T. *Boevoe bratstvo: 1941–1945 gg.* [Combat Brotherhood: 1941–1945]. Nal'chik: El'brus, 1983. 167 p. (In Russian)
- HAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)*. [Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nal'chik: Ehl'brus, 1978. 318 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.Х. Гугова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

M.Kh. Gugova – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Contemporary History Sector.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-55-62

АДЫГЭБЗЭМ ПСАЛЪЭЗЭХЫХЪЭКІЭ КЪЭХЪУА ЦІЭХЭМ ЩЕКІУЭКІ МАКЪЗЭБЛЭХЪУХЭР

Дзыгъуанэ Ритэ Хъэбалэ инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ Іуэхушлалэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Дзыгъуанэ Р.Хъ., 2023

Аннотаци. Адыгэбзэм шыІэцІэ псалъэ къэхукІэ нэхыбэрэ узрихьэлІэхэм шышш *псалъэзэхыхъэ* къэхукІэр. ШІэныгъэлІхэм зэрыхуагъэфашэмкІэ абы и тхыдэр абхъаз-адыгэ бзэ гупыр зэгъусэу шыпсэуа зэманым къыщожь. Апхуэдэ псалъэшІхэм шыІэцІэрэ лэжыгъэцІэрэ зэхыхъэ къэхукІэр нэхыбэу хыболъагъуэ, ШыІэцІитІ зэхыхъуэу къэхуцІэхэм, шыІэцІэрэ плъыфэцІэрэ зэхыхъуэу къэху псалъэшІхэми я бжыгъэри мащІэкъым. Псалъэпкытлым зэзыпх *-ры-* я кум дэу зэхыхъуэрэ шыІэцІэ куэд къагъэхъу. Апхуэдэу зэзыпх *-ры-* шыІэцІэрэ лэжыгъэцІэрэ, е лэжыгъэцІэ псалъэпкытлым, е шыІэцІэ псалъэпкытлым я кум дэуэрэ псалъэцІэ куэд къагъэщІ. ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ а цІэхэм макъзэблэхъу зэмышхъ куэд адыгэбзэм къышагъэхъу. Мы лэжыгъэм и мурадър апхуэдэ шыІэцІэ псалъэзэхыхъэкІэ къэхуахэм щекІуэкІ аблаут лІэужыгъуэхэмрэ, ахэм я къэхукІэмрэ, абыхэм адыгэбзэм шагъэзашІэ къалэн нэхышхъэхэмрэ дыштыгъэпсалъы-хынырш. Ди лэжыгъэм къызэрышщІгъутамкІэ, зи гутъу тшІы псалъэзэхыхъэкІэ къэхуа шыІэцІэхэр псалъэпкытлым я гъунапкъэм щекІуэкІ аблаут лІэужыгъуэхэм елыгъауэ гуп зыбжанэу бгуэш хъунуш: псалъэ зэхыхъэхэм я лъабжъэ кІэухыр хъума хъуауэ; псалъэ зэхыхъэхэм я япэ Іыхъэм и лъабжъэ кІэухыр *a* макъзешэм хуэкІуауэ; псалъэ зэхыхъэхэм я кум макъзешэ *ы* кыдэхъуэу; псалъэ зэхыхъэ Іыхытлым я лъабжъэр *ы* макъзешэкІэ иухрэ и иужь итым и кІэухыр пыкІуэдыкІуэ; псалъэ зэхыхъэм и етІуанэ Іыхъэм макъзешэ пымыту къакІуэу; шыІэцІэрэ лэжыгъэцІэрэ щызэхыхъэкІэ япэ Іыхъэр пычыгъуэзакъуэрэ кІэух макъзешэ *ы-*р къызэтенэу; псалъэ зэхыхъэхэм я кум зэпызышІэ *-ры-* кыдэхъуэу.

Къэхутэныгъэхэм къызэрагъэлъэгъуамкІэ, дызыкІэлъыплъ гъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ шыІэцІэ гупым макъзэблэхъу лІэужыгъуэ зыбжанэ шокІуэкІыр. Бзэм зэрызиужьым и щыхъэту, абыхэми зэхъуэкІыныгъэ куэд ягъуэт. Псалъэпкъ зэхыхъэхэр бзэм и фонетикэм и жыпхэм къызэрэзэгъкІэ ирегъэувэр.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: псалъэзэхыхъэ, адыгэбзэ, макъзэблэхъу лІэужыгъуэ, шыІэцІэ, плъыфэцІэ, зэпызышІэ Іыхъэ

Цитатэ къызэрыхъхыну: Дзыгъуанэ Р.Хъ. Адыгэбзэм псалъэзэхыхъэкІэ къэхуа цІэхэм щекІуэкІ макъзэблэхъухэр // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 55–62. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-55-62

Original article

ABLAUT ALTERNATIONS IN NAME COMPOUNDING IN THE KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© R.Kh. Dzuganova, 2023

Annotation. The purpose of the study is to identify ablaut alternations that occur at the junction of emerging nominal stems. A comprehensive analysis of the word-formation and morphological capabilities of these models in the Kabardian-Circassian language is considered one of the pressing problems. The scientific novelty of this study lies in the identification of all morphonological, lexical and distributional possibilities in nominal composition. The work uses methods of synchronous, distributional and contextual analysis. Compounding is considered one of the ancient methods of nominal word production in the Abkhaz-Adyghe languages. In this case, the stems of a noun and a verb are most often formed. The combination of a noun with a noun or a noun with an adjective also forms a large number of complex nominal stems. Various ways of forming complex models in the name system are accompanied by the emergence of different types of ablaut alternations. The alternations that arise depend on the vocalization of the combining root morphemes. According to this criterion, they can be divided into several groups: complex names, where the root morpheme of both components is preserved; complex models where the vocalization of the first component e turns into a; addition, where there is a vowel ы at the junction of the folding stems; addition, where the vowel of the root of the second component disappears, while the vowel of the first component is preserved; addition, where the first component is a monosyllabic noun with vowel ы, and the second component is a preverb verb without vowel; complex names with the connecting element -ры-. Research has shown that in noun word formation, compounding is the most common method. It should be noted that in connection with the development of language, the models under consideration undergo many changes. Ablautic alternations that occur at the junction of emerging stems depend on the phonological structure of the combining root morphemes.

Keywords: composition, Kabardian-Circassian language, ablaut alternations, noun, adjective, connecting element

For citation: Dzuganova R.Kh. Ablautnye in nominal collocation in the Kabardian-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 55–62. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-55-62

Научная статья

АБЛАУТНЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ В ИМЕННОМ СЛОВОСЛОЖЕНИИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Дзуганова Рита Хабаловна

Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-7600>

© Р.Х. Дзуганова, 2023

Аннотация. Целью исследования является выявление аблаутных чередований, происходящих на стыке складывающихся именных основ. Комплексный анализ словообразовательных и морфонологических возможностей указанных моделей в кабардино-черкесском языке считается одной из актуальных проблем. Научная новизна данного исследования заключается в выявлении всех морфонологических, лексических и дистрибутивных возможностей в именном словосложении. В работе использованы методы синхронного, дистрибутивного и контекстуального анализа. Словосложение считается одним из древних способов именного словопроизводства в абхазско-адыгских языках. При этом складываются чаще всего основы существительного и глагола. Сочетанием существительного с существительным или существительного с прилагательным образуется также большое количество сложных именных основ. Разнообразные способы образования сложных моделей в системе имени сопровождается возникновением разных типов аблаутных чередований. Возникающие чередования зависят от огласовки сочетающихся корневых морфем.

По этому критерию их можно разбить на несколько групп: сложные имена, где корневая морфема обоих компонентов сохраняется; сложные модели, где огласовка первого компонента э переходит в а; сложения, где наличествует гласный *ы* на стыке складывающихся основ; сложения, где огласовка корня второго компонента исчезает, а огласовка первого компонента при этом сохраняется; сложения, где первым компонентом выступает односложное существительное с огласовкой *ы*, а вторым компонентом превербный глагол без огласовки; сложные имена с соединительным элементом *-ры-*.

Исследования показали, что в именном словообразовании словосложение является наиболее распространенным способом. Следует отметить, что в связи с развитием языка рассматриваемые модели претерпевают множество изменений. Аблаутные чередования, возникающие на стыке складывающихся основ, зависят от фонологической структуры сочетающихся корневых морфем.

Ключевые слова: словосложение, кабардино-черкесский язык, аблаутные чередования, существительное, прилагательное, соединительный элемент

Для цитирования: Дзуганова Р.Х. Аблаутные чередования в именном словосложении в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 55–62. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-55-62

ЩыIэцIэ псалъэщIым *псалъэзэхыхъэ* къэхъухэмкIэм увыпIэшхуэ щеубыд. Псалъэзэхыхъэ щыIэцIэ къэхъукIэр Къумахуэм М.И. кызырилъытэмкIэ, зитхыдэр нэхъ жыхъэ дыдэ кIуэ псалъэ къэхъукIэхэм ящыщ. ПсалъэзэхыхъэкIэ къэхъу щыIэцIэхэм я лъабжъэ кIэухым макъзэблэхъу земыщхъ зыбжанэ щокIуэкI. Ар кызыыхэкIыр псалъэ зэпхэхэр псалъэзэхыхъэ хъуныр зэпымыууэ екIуэкI Iуэхугъуэу зэрыщытырщ. Псалъэзэхыхъэхэм кыыщыхъу аблаутхэм елътыгауэ ахэр гуп-гупу бгуэш хъуноуш:

- 1) Псалъэзэхыхъэхэм я лъабжъэ кIэухыр хъума хъуауэ.
- 2) Псалъэзэхыхъэхэм я япэ Iыхъэм и лъабжъэ кIэухыр *а* макъзешэм хуэкIуауэ.
- 3) Псалъэзэхыхъэхэм я кум макъзешэ *ы* кыдэхъуэу.
- 4) Псалъэзэхыхъэ IыхытIми я лъабжъэр *ы* макъзешэкIэ иухрэ и ужь итым и кIэухыр пыкIуэдыкIуэ.
- 5) Псалъэзэхыхъэм и етIуанэ Iыхъэм макъзешэ пымыту къакIуэу.
- 6) ЩыIэцIэрэ лэжыгъэцIэрэ псалъэзэхыхъэм япэ Iыхъэр пычыгъуэзакъуэ щыIэцIэрэ кIэух макъзешэ *ы-* р кызыттенуэ
- 7) Псалъэзэхыхъэхэм я кум зэпызыщIэ *-ры-* кыдэхъуэу.

1. Псалъэзэхыхъэхэм я лъабжъэ кIэухыр хъумауэ къакIуэ псалъэщIхэм я бжыгъэр псом нэхърэ нэхъыбэ мэхъу. Апхуэдэ псалъэкъэхъукIэкIэ *щыIэцIэрэ лъабжъэпэ зи гъусэ лэжыгъэцIэрэ* зэхыхъуэ бзэм псалъэ куэд кыыхохъукI. Щапхъэ: *шхылэн-щIэ-бзэ* (шхылэныр зыкIуэцIылыр), *дамэ-те-ль* (дзэм къулыкъу щызыщIэ цIыхухэм я дамитIым тралъхъэ дамыгъэ). *Япэ иту унэм кыыщIыхъар, бжэным ецхъу и нэр кыхуу, афицар ныбаджэ гуэрт, джэдыгу кIагуэ цыгъыу, дамэтелъ телъу, лъэдакъэ лъагэ хъужауэ къатыр фIыцIитI цыгъыу, маузер кIэрахъуитIи гуэлъу, щIопц быдэфIи иыгъыу* (Кышчокъуэ 2005: 28). Апхуэдэ дыдэщ щыIэцIэ псалъэпкъытI щызэхыхъэм дежи. Щапхъэ: *бжээн-лъакъуэ* (гъэ къэс дыгъапIэхэм кыыщыкI удз гъэгъа гъуэжыкIфэ), *нартыху-щхъэц* (щхъэцым хуэдэу бапхъэу нартыху сэмбым дищIэр), *пхъэ-Iэбжъанэ* (мажъэ теплъэу хъэсэ ирагъэкъабзэу, ирагъэщабэу, зыгуэрхэр иризэхуатхъусу мэкъумэш лэжыгъэхэм кыышагъэсэбэп Iэмэпсымэ), н.къ. *Хэти и хадэр белкIэ къытIт, пхъэIэбжъанэкIэ игъэщабэти, щIым зыгуэр зэрыхилъхъэным щIэкъурт* (Гъуэщокъуэ 1973: 56).

2. Псалъэзэхыхъэхэм я япэ Iыхъэм и лъабжъэ кIэухыр *а* макъзешэм хуэкIуауи куэдрэ урохъэлIэ, езыр сыт хуэдэ макъзешэкIэ иухыу щытами е макъзешэ пымыту къэкIуауи. Макъзешэ *а-р* кызытекIа илъэныкъуэкIэ къэпхутэнэ нэхъ гугъуш, — етх бзэ шIэныгъэлI цIэрыIуэ Къумахуэ М.И. Ар кызыыхэкIыу щIэныгъэлIым къылъытэр псалъэ зэхыхъэхэм я кум кыдэхъуэ макъзешэ *а-р* бзэм кыыщыхъэхъуа

лѣхъэнэхэр зэхуэмыдэнклѣ зѣрыхъуми зыкъомклѣ епхаш (Кумахов 1981: 48). Къумахуэм и Іуэхуеплъыклѣр диыгъщ абхъазыбзѣ абазѣбзэхэм клѣлпыплъу къэхутѣныгъѣ лѣжыгъѣ куэд езыгъѣклѣуклѣ К.В.Ломтатидзе (1979: 76). Ахэм къызэралпытѣмклѣ пычыгъуѣ закъуѣ псалъѣзэхыхъэхэм я кум макъзешѣ **а** къыдѣувер зы лѣхъэнѣм къэхъуауѣ щытми, къэхъуклѣ зэхуэмыдѣ ялѣнклѣ зѣрыхъум нѣхъ гугъу ещѣ абы и тхыдѣр зэхѣгъѣкыныр. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *унѣ+цхъѣ>уна-цхъѣ* (унѣм и цхъѣ), *ауѣ жьы+(е)пцѣ(н) > жьа-пцѣ* (жьы къепщѣн), *е бжъамий+(е)пцѣ(н)>бжъамия-пцѣ* (бжъамий епщѣн), н.кѣ. Зэхуеплъ: *Абдеж дьыдѣм автоматклѣ унацхъѣм* зыгуѣр къѣуац, *кхъуѣщын телъыр зѣхигъѣацѣу* (Кыщокъуѣ 2006: 285). **Жъапцѣмрѣ** бгым къѣх уѣсымрѣ *ягъѣгужъѣя мѣлхѣр зѣрызѣхъу хуѣжъѣри зѣадѣзѣкъуѣм яхуѣзѣтемыубыдѣу бгъуѣнцѣлагъым къызѣрыцѣлѣхаш* (Журт 2015: 110).

3. Псалъѣзэхыхъэхэм я кум зѣпызыщѣ **ы** макъзешѣ дѣту къаклѣум тхыдѣ зэхуэмыдѣхѣр илѣнклѣ мѣхъу: а) псалъѣзэхыхъэхэм я япѣ Іыхъѣм и лѣабжѣ клѣухыу щытауѣ: *цѣыху(ы)-псѣ* (цѣыхум и псѣ)<*цѣыхуы//цѣыфы+псѣ*; б) макъ зѣпызыщѣлѣу псалъитѣым я кум къыдѣхъуауѣ: *нѣхъы-цхъѣ* (нѣхъ мыхъѣнѣшхуѣ зилѣ, псом я цхъѣ)<*нѣхъ+цхъѣ*; в) псалъѣзэхыхъэхэм фонетикѣ илѣѣныкъуѣклѣ къыупсѣлѣыну гугъуу къыщыхъу Іуэхугъуѣхэм епхашѣ къѣклѣуѣнклѣ мѣхъу: *тѣмакъ-ы-дѣз* (щѣлѣм къишѣ тѣмакъ уз)<*тѣмакъ+дѣз, лѣэс-ы-дѣз* (<*лѣэс+дѣз*. *Аргъѣру сыхъѣт ныкъуѣ хуѣдиз дѣклѣри, цѣыхухѣм ялѣѣгъуац хъѣлѣзѣшѣ машинѣ цѣыкхъѣр, улѣѣгъѣхѣр цхъѣхуѣу зѣрылѣ обозхѣр, куѣду къызѣрыкхъуѣхаш лѣэсыдѣзѣр* (Абытѣ 1991: 78).

4. Зи лѣабжѣр **ы** макъзешѣклѣ иух щѣлѣцлѣхѣр псалъѣзэхыхъѣм и етѣуанѣ пкъыгъуѣу къаклѣумѣ, макъзешѣр поклѣудыклѣ. Макъхѣм я къѣхъуклѣмрѣ я зыужыкѣлѣмрѣ теухашѣ къѣхутѣныгъѣ кууѣу езыгъѣклѣуклѣ Н.Трубецкой адыгѣбзѣм хѣт макъхѣм я хъѣлѣмѣтагъым гу лѣымытѣу къѣнакъым. Абы зѣрыхуигъѣфашѣмклѣ адыгѣбзѣм макъзешѣу (*а, ы, ѣ*) къыхагъѣклѣхѣм щыщѣ **ы** –р и къѣхъуклѣклѣ нѣхъ зѣхуѣщѣлауѣ зѣрыщытырщ нѣхъыбѣрѣ пыклѣудыкыны хуѣй щѣлѣхъур (Трубецкой 1960: 108). Щапхъэхэм зэхуеплъ: *лѣы-жъѣ < лѣы+жъы* (жьы хъуа лѣы), *пцѣы-пхъу < пцѣы+ пхъу(ы)* (цѣыхубзым и лѣым и шыпхъу), *цѣыху(ы)-хъу < цѣыху(ы)+хъу(ы)* (хъульхугъѣ – щѣлѣлѣ, лѣыжъ), н.кѣ. **Лѣыжъыр** куѣдым *яцѣыхурт, ар шы завод зилѣ Куѣцѣ Хъѣзѣшѣт* (Кыщокъуѣ 2005: 127).

5. Псалъѣзэхыхъэхэм япѣ Іыхъѣм и лѣабжѣ клѣухыр **ѣ** макъзешѣклѣ иухмѣ, етѣуанѣ Іыхъѣм и лѣабжѣ клѣух **ы** макъзешѣр поклѣудыклѣ. Щапхъѣ: *мафлѣ-гу* (мафлѣклѣ зѣклѣу гу(ы))<*мафлѣ+гу(ы)*, *шабзѣ-кѣу* (шабзѣм и кѣу(ы)р)<*шабзѣ+кѣу(ы)*, *анѣ-гу* (анѣм и гу(ы)р)<*анѣ+гу(ы)*. Зэхуеплъ щапхъѣхѣм: *Шабзѣшѣ къаклѣур къѣубыдри Шабзѣкъум* быдѣу ныдѣлѣхъѣ, *Ди бѣлыхъышхуѣу, уѣй,ябгѣ, Щѣлѣлѣ сѣламыр узох, Уѣ уи шабзѣшѣр ноклѣужѣ* (Кыщокъуѣ 2004: 426). *Езы Чачѣ и нитклѣ илѣѣгъуауѣ жицѣлѣрт: духъѣшыуѣ хѣкум исыр ирашыну мафлѣгум ирагъѣтѣысхъам...* (Кыщокъуѣ 2005а: 648).

6. Щѣлѣцлѣрѣ лѣжыгъѣцлѣрѣ щызѣхыхъѣм, пычыгъуѣзакъуѣ щѣлѣцлѣ зи лѣабжѣр **ы** макъзешѣклѣ иухыр япѣ Іыхъѣу къаклѣумѣ, макъзешѣр къызѣтѣонѣ. Щапхъѣ: *шы-гъаѣжѣ* (уанѣшхѣр къызѣдагъѣажѣу ирагъѣклѣуклѣ зѣхъѣзѣхуѣ), *лѣы-хѣш* (лѣы хѣшыныр зи лѣщѣлагъѣ), *пцѣлѣ-упс* (пѣж жызымылѣ цѣыху).

Апхуѣдѣ дьыдѣу псалъѣзэхыхъѣм щызѣпыщѣла лѣабжѣ Іыхытѣлѣми я лѣабжѣ клѣуххѣр хъума шохъу щѣлѣцлѣрѣ плѣыфѣцлѣрѣ щызѣхыхъѣ щѣлѣцлѣ псалъѣ къѣхъуклѣм. Щапхъѣ: *вы-цѣлѣ* (илѣѣситѣлѣ-щы зи ныбжѣ танѣхъу), *гу(ы)-пцѣланѣ* (гумащѣлѣ, гуцѣлѣгъузилѣ); *гу(ы)-мацѣлѣ* (лѣагъуныгъѣрѣгуцѣлѣгъурѣзилѣ). Щапхъѣхѣм зэхуеплъ: *Ауѣрѣ мацѣлѣ дѣклѣ, куѣди дѣклѣ, Кулисум матѣ цѣыкхъѣр илѣгъыу жьылѣр къызѣхыкхъуауѣ зигъѣнсѣхуу жьыгъ цѣлагъым здыцѣлѣсым, «шокъу» жицѣлѣу фызым зи гугъу ицѣла лѣым ирихъѣлѣац, выцѣлѣ танѣм и пцѣм клѣпсѣ лѣрыгъу ицѣлауѣ я унѣ шиѣу* (Кыщокъуѣ 2007: 34). *Ауѣ адѣкхъуѣши гумацѣлѣм* апхуѣдѣу *цѣлѣмыцѣлар* езым и гур къызѣфлѣнѣнклѣ тешыныхъауѣ *арати, цѣлѣлѣ цѣыкхъѣм дѣжскѣлѣ мыгурылѣуѣгъуѣу къѣнац* (Къѣрмокъуѣ 1984: 73).

7. ПсалтэзэхыхэкIэ гъэпса щыIэцIэхэм я кум кыдэуэ **-ры-** Iыхьэм Яковлев Н.Ф. зэпызыщIэ *Iыхьэ* фИщаш, ар зэпыщIа хъуа псалытIми я лъабжьэм зэрыхэмыхьэр кыхутэри (Яковлев 1948: 245).

ЛэжыгъэцIэхэр омоним къэхъуу зэхэмызэрыхьын папщIэ, **-ры-** псалтэзэпыщIэм макъзэблэхъу кьалэн щегъэзашIэ, мыхьэнэ гуэри псалтэхэм химылъхьэми, – кышIегъур адэкIэ Щэрдан А.Хь. и къэхутэныгъэхэр щапхъэхэмкIэ щигъэбыдэурэ: *нэ-ры-тын* (IэнатIэ, лэжыгъэ гуэр бгъэдэтын), ауэ *нэ-тын* (зыгуэрым елIэлэн, зэман егъэхьын) (Шарданов 1999:149).

ПсалтэзэпыщIэ **-ры-**м адыгэбзэхэм зэдай лексикэм куэдрэ ущрохьэлIэ, – етх Къумахуэм. Зэхуеплъ: *ку-ры-т* (и кум ит), *лъэ-ры-хь* (хэлъ-хэсу щымыгу зи лъэкIэ къэзыкIухь; лъэкIыныгъэ зилэ, кьару зыхэлъ). (*Хьидэ*) *Къыхуэпэж, сьт ищIыскIи узыщыгугъ хъун зылI. лъэрызехьэ зыцIигъуц, пIалтэ лъэпкъ къыхимыгъэкIыжыуи кIуэц, Гуацэкъарэ кыхьэри ежъэжащ* (Хьэх 2013: 43).

ЩIэныгъэлI цIэрыIуэ Къумахуэм и къэхутэныгъэ лэжыгъэхэм кызырэыхэщымкIэ, зэпызыщIэ **-ры-**р сонант **й-**м кытекIауи куэдрэ урохьэлIэ. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *гу-йы-х, гу-ры-х* (шынагъуэ, псэр зыщыщтэ). ЗэрыгурыIуэгъуэщи, **й:р** макъзэблэхъур а щыкIэм тету гъэпса щыIэцIэ псоми щекIуэкIкыым, зы зэманым псалтэхэр псори зэуэ къэхъуауэ зэрыщымытым кыхьэкIу, етх Къумахуэм (Кумахов 1989: 56).

Дызытепсалъыхь Iуэхугъуэм теухуауэ щIэныгъэлIхэм я IуэхуеплъыкIэхэр кышIыхэтлътэтер псалтэзэпыщIэ **-ры-**р зыхыхъуэ къэхъу щыIэцIэхэм щекIуэкI макъзэблэхъу зэхуэмыдэхэр нэхъ наIуэ къэхъун папщIэщ. Абы ипкъ иткIэ зэпызыщIэ **-ры-**кIэ къэхъуа щыIэцIэхэр гуп щхьэхуэ-щхьэхуэу бгуэш хъунуш:

Псалтэзэхыхьэхэм **-ры-** зэпызыщIэ дэуэу нэхьыбэ дыдэу дызрихьэлIэр щыIэцIэхэмрэ плгыфэцIэхэмрэ лъабжьэпэншэ лэжыгъэцIэхэм япыувзурэ гъэпсыкIэ зэхэлъ яIэ хъуауэ къакIуэ щыIэцIэхэрщ. Щапхъэ: *цабэ-ры-кIуэ <цабэ+ры+кIуэн* (макъ, Iуэлъауэ иримыгъэщIу зекIуэ). *ЩабэрыкIуэ мзэ кIуэрэй* (Къуажэхь).

ЩыIэцIэрэ лъабжьэпэншэ лэжыгъэцIэрэ псалтэзэпыщIэ **-ры-**кIэ зэпхауэ кышчыкIуэхэм деж лъабжьэужь **-жэ** къашчыпыувэ щыIэш: *ИуэрыIуэтэжэ <Иуэ+ры+Иуэтэ+жэ* (жэкIэ яIуатэурэ къекIуэкI хьыбар). *Зым шхьэкIэ Къэзэным и псынэ жаIэ, адрейм зэреджэр Псынэ гъуагъуэц, ещанжэми Иныжэ нэпс фIащаш, ИуэрыIуэтэжу мыхъумэ, а цIэхэр кызытекIамерэ ахэр цыфIаца зэманымрэ ищIэжэу жылэ кIыхьым зы цIыхуи дэсыжтэкъым* (Журт 2006: 94).

ЩыIэцIэрэ плгыфэцIэрэ **-ры-** псалтэзэпыщIэмкIэ зэпхауэ къэхъу щыIэцIэхэм лъабжьэ кIэух макъзешэхэр кышчызэтенауэ куэдрэ урохьэлIэ. Щапхъэ: *жъэ-ры-Iэзэ <жъэ+ры+Iэзэ* (жъакIуэ, псэлъэкIэ Iэзэ). (*Къуэшырокъуэ Дахэлинэ*) *...Яхэтт къулыкъуцIэхэм зыхуей псори яхуицIэу, жиIэри яфIэц ищIыфырт, жъэрыIэзэти* (Хьэх 2013: 89).

Псалтэзэхыхьэхэм щыIэцIэрэ лэжыгъэцIэрэ **-ры-** псалтэзэпыщIэ я кум дэту кышчыкIуэм дежи лъабжьэ кIэух макъзешэхэр куэдрэ хъума мэхъу. Щапхъэ: *махуэ-ры-лажъэ <махуэ+ры+ лэжъээн* (махуэкIэ лажъэ), *дыгъэ-ры-жъэ <дыгъэ+ры+исын* (дыгъэм ижъа, иса), *лъакъуэ-ры-гъажэ <лъакъуэ+ ры+гъажэ* (тесу лъакъуэкIэ ягъэкIэрахъуэрэ кызыражыхь машинэ), н.кь. Щапхъэ: *Ганнэ и макъым зримыгъэIэту, зэрихабзэу, цабэу икIи гуатэу и нысэгъум кыгуригъэIуат лъакъуэрыгъажэсэр зэрыспортыр, уи Iэпкълъэпкъыр зэрызэригъэкIынуыр, нэгъуэцI зэран кызызримыхьынуыр* (АбытIэ 1991: 94).

ЛэжыгъэцIэ лъабжьэм кытригъэзэжурэ зэпызыщIэ **-ры-**м зэрипхыу куэдрэ къэхъукIэцIэ кышцагъэщI щыIэш. Зэхуеплъ щапхъэхэм: *жэ-ры-жэ* (жэ зашIэкIэ); *кIуэ-ры-кIуэ* (зэрыкIуэм хуэдэурэ). (*Долэт*)... *Жылэ кызыэхуэсар зэрызехьэу Щэрданхэ я унэм еиэ, дээ иришэжауэ зауэм Iуишэ хуэдэу, жэрыжэу дэджэм унафэ мыцхьэпэр ищIу: – ФынакIуэ, маржэ!* (КIышчокъуэ 2005: 254). *Езы Жансэхъуи кIуэрыкIуэм тету, и словарым иплъэрт, псалтэ гуэрым лыхъуэу* (КIышчокъуэ 2005а: 613).

Къытезыгъээзэ етIуанэ Iыхъэм гъэпсыкIэ зэхэлъ илэ хъункIэ мэхъу. Апхуэдэхэм деж макъзэблэхъухэр псалъэ лъабжъэ кIэуххэм къыщымышъуу къанэркъым. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *Iуэ-ры-Iуэ-дз* (шэрыуэу псалъэ, гушыIэрей), *гъуэ-ры-гъуа-тицкIуэ* (зызыгъэпщкIуахэр зым къилъыхъуэу зэрыджэгу сабий джэгукIэ), *гъуэ-* (*гъуэ-ры-гъуэ* – чэзууэ – гъэкIэщIа гъэпсыкIэ зилэ лэжыгъэцIэ лъабжъэш), *-ры-* зэпызыщIэ Iыхъэш, *-тицкIуэ* (*зыгъэтицкIуэ* – укъамылъагъуу къуэгъэнапIэ зыщIын – гъэкIэщIа гъэпсыкIэ зилэ лэжыгъэцIэ лъабжъэш). *Iуэ-* (*Iуэтэн* – зыгуэр жыIэжын – гъэкIэщIа гъэпсыкIэ зилэ лэжыгъэцIэ лъабжъэш), *-ры-* зэпызыщIэ Iыхъэш, *-дз-* (*дзын* – зыгуэр утыпщын – гъэкIэщIа гъэпсыкIэ зилэ лэжыгъэцIэ лъабжъэш).

ЩыIэцIэрэ пычыгъуэзакъуэ лэжыгъэцIэ лъабжъэрэ *-ры-* псалъэзэпыщIэ кIэ зэпхауэ къыщымышъухэм деж, лэжыгъэцIэ лъабжъэм макъзешэр покIуэдыкIри, макъ дэкIуашэкIэ иухъу къокIуэ. Щапхъэ: *бгы-ры-с* < *бгы+ры+исын* (бгылъэ щыIпIэхэм щыпсэххэр); *шэ-ры-нI* < *шэ+ры+нIын* (зи шырыр, зи быныр шэкIэ зыпI псэущхэ, п.п., жэм, аслъэн, дыгъужь); *бгы-ры-пх* < *бгы+ры+пхэн* (бгыр зэрышIапхэ, п.п., фэ, шэкI сыт хуэдэхэм къыхэщIыкIауэ), *цIыIэрыс* < *цIыIэ+ры+(и) сы(н)* (хуабэ зыфIэфI), н.кь. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *Дыгъэр зытхэсэ лъэныкъуэмкIэ цызыхэст жыгъейхэм я цхъэкIэм цызэхуэсат нэхъ бзу цIыIэрысу* мычэм хуабанIэ лъыхъуэхэр (АбытIэ 2005:28). *Бгырысхэм жалэу соцIэ тхыдэ, Блэм цIыхур дэнэ цыхуэзэми* (Имышуу си гум илъи ар быдэу) *КъоувыIэр дыгъэр уэгум къиплгу* (КIыщокъуэ 2004а: 56).

ПсалъэзэпыщIэ *-ры-* м пыт макъзешэр пыхуауэ зэзэмызэххэ къыщыкIуэ щыIэщ. Щапхъэ: *гъы-р-нэIу* (гъыринэ, куэдрэ гъы е гъа). *АпцIэндэхукIэ жьыIурыхъэгъуэ зыгъуэтыжа Аннэ Сергеевнэ и нэ гъыринэIухэмкIэ Володя гуанэу къеплурэ, цIэгумэцIар къыжриIэжсац* (Кхъуэхъу 1980: 67).

ГъэщIэгъуэнщ кIахэбзэм псалъэзэхыхъэхэр зэпызыщIэ *-ры-* м нэгъуэщI макъзешэ (*э*) пыту къызэрыщыкIуэр. Щапхъэхэм зэхуеплъ: къэбэрдей-шэрджэсыбзэм – *пхъу-ры-лху*, ауэ кIахэбзэм – *пхъу-рэ-лъф* < *пхъу+ры=лху//пхъу-рэ-лъф* (уи пхъум и бын) (Дзуганова 2016: 86). Щапхъэ: *Къетау выфэр фэдэн псыгъуэ цIыкIуу иригъабзэри бэлыхъу кIыхъ яцIа нэужь, унафэ ицIац:* *Иджы фыкIуэ си благъэм дежи, мы кIапсэм къиубыд цIыр къыпыфчи, мыр уи пхъурылхум ептар арац жыфIи схужефIэ* (КIыщокъуэ 2006а: 62).

Къэхутэныгъэ лэжыгъэ едгъэкIуэкламкIэ адыгэбзэм псалъэзэхыхъэкIэ къэхъуауэ хэт щыIэцIэ лIэужыгъуэхэм псоми уакIэлъыплъыныр къыпху-зэщIэубыдэнукъым. Мы лэжыгъэм нэхъыбэрэ бзэм къыщыкIуэ псалъэзэхыхъэкIэ къэхъуа щыIэцIэхэр, абыхэм къыщыхъу аблаут лIэужыгъуэхэмкIэ гуп-гуп тшIуэрэ дыкIэлъыплъащ. ПсалъэзэхыхъэкIэ къэхъу щыIэцIэхэр зы аблаут лIэужыгъуэм зэрымизагъэр наIуэщ. Абы цхъэусыгъуэ куэд илэщ. Ахэр зэхэбгъэкIынри лэжыгъэ тыншкъым. Япэрауэ, псалъэзэхыхъэ къэхъукIэм и тхыдэр жыжъэ къышежъэкIэ, псалъэзэхыхъэкIэ къэхъуа щыIэцIэхэр бзэм лъэхъэнэ зэхуэмыдэхэм къыхыхъащ. ЕтIуанэу, зэпымыуэу зызыужь бзэм зы жыпхэм иту псалъэщIэхэр къыхыхъэркъым. АдэкIэ псалъэхэр щызэхыхъэкIэ абы къыщыхъу фонетикэ зэхъуэкIыныгъэхэри къыхэлъытэн хуейщ, н.кь. Абыхэм дэтхэнэми куууэ узэгупсысын хуей лэжыгъэ хэлъщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников

АбытIэ 1991 – *АбытIэ В.Къу.* Ирамышыжа нысашIэ. Роман. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1991. 264 н.

АбытIэ 2005 – *АбытIэ В.Къу.* Къэрэш и къуэхэр // Индыл и зы шэху. Повестхэр Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 2005. 284 н.

Гъуэщокъуэ 1973 – *Гъуэщокъуэ Хъу.* Адэмрэ и къуэмрэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1973. 383 н.

Дзуганова 2016 – Дзуганова Р.Х. Сложные слова с соединительным элементом –ры- в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практике. 2016. № 4-3 (58). С. 85–87.

Журт 2006 – Журт Б.Къу. Сэ аузым сыщопсэу. Повесть тхылъитIу. Т. 1. Налшык: Эльфа, 2006. 551 с.

Журт 2015 – Журт Б.Къу. Мэрэмэжьей // Iуашхэмахуэ, 2015. № 3. Н. 107–114.

Кумахов 1981 – Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.

Кумахов 1989 – Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языках. М.: Наука, 1989. 383 с.

Кыщокъуэ 2004 – Кыщокъуэ А.П. Дыгъэр къепсын папшIэ. «Шум и гъуэгугу» // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.

Кыщокъуэ 2004а – Кыщокъуэ А.П. ЩIалэгъуэ шыналгъэ // Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Т. 1. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.

Кыщокъуэ 2005 – Кыщокъуэ А.П. Хъуэпсэгъуэ нур // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.

Кыщокъуэ 2005а – Кыщокъуэ А.П. Мазэ ныкъуэ шхъуантIэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 2005. 752 н.

Кыщокъуэ 2006 – Кыщокъуэ А.П. Нал къута // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 4. Налшык: Эльбрус, 2006. 688 н.

Кыщокъуэ 2006а – Кыщокъуэ А.П. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.

Кыщокъуэ 2007 – Кыщокъуэ А.П. Нэгъуху // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхьэсауэ. Т. 6. Налшык: Эльбрус, 2007. 544 н.

Къэрмокъуэ 1984 – Къэрмокъуэ М. Азэмэт. Налчык Эльбрус. 1984. 392 н.

Кхъуэхъу 1980 – Кхъуэхъу Ц. Дыгъужыхуэ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапIэ. Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1980. 248 н.

Ломтатидзе 1979 – Ломтатидзе К.В. К вопросу о вокализме адыгских языков // ЕИКЯ. Тбилиси, 1979. Т. 6. С. 75–80.

Трубецкой 1960 – Трубецкой Н. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

Хъэх 2013 – Хъэх С. Лъагъуэр гъуэгум хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.

Шарданов 1999 – Шарданов А.Х. Проблемы кабардино-черкесской грамматики. Налчык: Изд-во «Полиграфсервис и Т», 1999. 233 с.

Яковлев 1948 – Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.

References

ABYTIE V.K"u. *Iramyshyzyha nysashchle* [Unmarried bride]. Roman. Cherkessk: Stavropol' tkhyl' tedzaple. K"ereshei-Sherdzhes otdelene, 1991. 264 n. (In Kabardino-Circassian)

ABYTIE V.K"u. *K"eresh i k"uekher* [Sons of Kerash]. IN: Indyl i zy shchekhu. Povest-kher Cherkessk: Stavropol' tkhyl' tedzaple. K"ereshei-Sherdzhes otdelene, 2005. 284 n. (In Kabardino-Circassian)

G"UESHCHOK"UE Kh"u. *Ademre i k"uemre* [Father and son]. Cherkessk: Stavropol' tkhyl' tedzaple. K"ereshei-Sherdzhes otdelene, 1973. 383 n. (In Kabardino-Circassian)

DZUGANOVA R.Kh. *Slozhnye slova s soedinitel'nyim elementom -ry- v kabardino-cherkesskom yazyke* [Compound words with a connecting element -ry- in the Kabardino-Circassian language]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktike. 2016. №4-3(58). S. 85–87. (In Russian)

ZHURT B.K"u. *Se auzym syshchopseu* [I live in the valley]. Povest' tkhyl'itlu. T. 1. Nalshyk: El'-fa, 2006. 551 s. (In Kabardino-Circassian)

ZHURT B.K"u. *Meremzh'e* [Maramazhey]. IN: Iuashchkh'emakhue, 2015. № 3. N. 107–114. (In Kabardino-Circassian)

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1981. 288 s. (In Russian)

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika adygskikh (cherkesskikh) yazykakh* [Comparative-historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1989. 383 s. (In Russian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Dyg"er k"epsyn papshchle* [For the sun to shine]. IN: Shum i g"uegu. Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 1 Usekhemre poemekhemre. Nalshyk: El'brus, 2004. 512 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Shchhaleg"ue shchhynal"e* [Land of youth]. IN: Usekhemre poemekhemre. T. 1. Nalshyk: El'brus, 2004. 512 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Kh"uepseg"ue nur* [Yawn beam]. IN: Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 2 Nalshyk: El'brus, 2005. 488 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Maze nyk"ue shchkh"uantle* [Green crescent]. IN: Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 3. Nalshyk: El'brus, 2005. 752 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Nal k"uta* [Broken horseshoe]. IN: Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 4. Nalshyk: El'brus, 2006. 688 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *L"apse* [Land of ancestors]. IN: Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 5. Nalshyk: El'brus, 2006. 552 n. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Neg"ukhu* [Blindness]. IN: Tkhyg"ekher tomikhym shchyzekhuekh'esaue. T. 6. Nalshyk: El'brus, 2007. 544 n. (In Kabardino-Circassian)

K"ERMOK"UE M. *Azemet* [Azamat]. Nal'chik El'brus. 1984. 392 n. (In Kabardino-Circassian)

KKH"UEKH"U Ts. *Dyg"uzh'ykhue* [Wolf tendon]. Cherkessk: Stavropol' tkhyl' tedzaple. K"ereshei-Sherdzhes otelene, 1980. 248 n. (In Kabardino-Circassian)

LOMTATIDZE K.V. *K voprosu o vokalizme adygskikh yazykov* [To the question of the vocalism of the Adyghe languages]. IN: EIKYa. Tbilisi, 1979. T. 6. S. 75–80. (In Russian)

TRUBETSKOI N. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1960. 372 s. (In Russian)

KH"EKH S. *L"ag"uer g"uegum khuoklue* [The path leads to the road]. Roman. Nalshyk: El'brus, 2013. 624 n. (In Kabardino-Circassian)

SHARDANOV A.Kh. *Problemy kabardino-cherkesskoi grammatiki* [Problems of Kabardino-Circassian grammar]. Nal'chik: Izd-vo «Kotlyarov i T.», 1999. 233 s. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.–L., 1948. 372 s. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Дзыгъуанэ Р.Хь. – филологие щІэныгъэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ пашэ.

Информация об авторе

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

R.Kh. Dzuganova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 26.08.2023; одобрена после рецензирования 07.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 26.08.2023; approved after reviewing 07.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОНТРАСТА В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ПАРЕМИЯХ. КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ

Дина Мухарбиевна Кумыкова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© Д.М. Кумыкова, 2023

Аннотация. Статья посвящена особенностям реализации принципа контраста в кабардино-черкесских пословицах и поговорках. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что паремии в силу лаконичности своей формы и иллокутивной направленности используют наиболее эффективные средства достижения выразительности речи. Именно контраст, как принцип оппозитивной организации структуры текста, является одним из наиболее ярких паремических маркеров, способствующих достижению основных прагмакогнитивных функций паремий.

Показано, что инвентарь контрастообразующих средств в кабардино-черкесских паремиях отличается большим разнообразием и имеет полевую структуру, в которой в зависимости от языковой репрезентативности выделяются ядерная зона и периферия. В статье отдельно рассматриваются конвенциональные оппозиции, составляющие ядерную зону поля контраста, – это языковые антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные глагольные оппозиции.

Эмпирической базой исследования послужили основанные на принципе контраста кабардино-черкесские пословицы и поговорки, извлеченные методом сплошной выборки из сборников адыгских пословиц, составленных З. Кардангушевым, А. Гукемух, Л. Гutowой.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, контраст, паремия, конвенциональные оппозиции, языковые антонимы, конверсия, утвердительно-отрицательные глагольные оппозиции

Для цитирования: Кумыкова Д.М. Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях. Конвенциональные оппозиции // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 63–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70

Original article

MEANS OF CREATING CONTRAST IN THE KABARDIAN-CHERKASSIAN PAREMIES. CONVENTIONAL OPPOSITIONS

Dina M. Kumykova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© D.M. Kumykova, 2023

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the implementation of the principle of contrast in Kabardian-Circassian proverbs and sayings. Interest in this problem is due to the fact that proverbs, due to the brevity of their form and illocutionary orientation, use the most effective means of achieving expressiveness of speech. It is contrast, as the principle of oppositional organization of the structure of the text, that is one of the most striking paremic markers that contribute to the achievement of the basic pragmatic functions of proverbs.

It is shown that the inventory of contrast-forming means in Kabardian-Circassian proverbs is very diverse and has a field structure, in which, depending on the linguistic representativeness, the core zone and the periphery are distinguished. The article separately examines the conventional oppositions that make up the core zone of the field of contrast – these are linguistic antonyms, conversions, affirmative-negative verbal oppositions.

The empirical basis of the study was Kabardian-Circassian proverbs and sayings based on the principle of contrast, extracted by continuous sampling from collections of Adyghe proverbs compiled by Z. Kardangushev, A. Gukemukh, L. Gutova.

Keywords: Kabardian-Circassian language, contrast, paremia, conventional oppositions, language antonyms, conversion, affirmative-negative verbal oppositions

For citation: Kумыкова Д.М. Means of creating contrast in the kabardian-cherkasian paremies. Conventional oppositions. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 63–70. (in Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70

Контраст, как принцип оппозитивной организации структуры текста, признается исследователями proverbialного пространства одним из наиболее ярких паремнологических маркеров. По меткому замечанию Г.Л. Пермякова, «подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1988: 107]. Упрощенная схематичность парных противоположностей, присущая контрасту, создает обобщенное, лишенное подробностей представление о предмете речи и одновременно, через свойственное им эмоционально-оценочное наполнение, способствует максимальному достижению образной выразительности и перлокутивного потенциала паремнологической единицы (ПЕ). Т.Г. Бочина полагает, что контраст является «единым структурным принципом внешнего и внутреннего планов пословицы, соединяет ее поверхностную и глубинную семантику, фактуальную информацию собственно текста и концептуальную информацию подтекста» [Бочина 2003: 44].

Изучению паремийных противопоставлений посвящены работы многих лингвистов: Бочина Т.Г., Крюкова К.С., Голембовская Н.Г. и др. [Бочина 2002, 2022; Крюкова 2016; Голембовская 2013]. Однако наблюдающийся с начала 2000-х годов всплеск интереса к определению категориальных черт конститuentов единой паремической системы, к которым относится и принцип контраста, практически не затронул изыскания в области кабардино-черкесского пословичного фонда. Наряду с серьезными исследованиями синтаксических, национально-культурных особенностей, ценностных ориентаций кабардино-черкесских паремий, лингвокультурологическим анализом их концептуальной составляющей [Балова 1999; Кудаева 2001; Балова, Кумыкова 2005; Балова, Кремшокалова 2011; Балова, Будаева 2015; Кремшокалова 2022, и др.], обнаруживается лишь одна работа, затрагивающая интересующую нас тему [Унатлоков, Унатлокова, Шогенова 2021].

Данным обстоятельством объясняется избрание в качестве объекта исследования кабардино-черкесских оппозитивных паремических единиц с целью выявления и систематизации средств выражения реализуемых в них контрастивных отношений. Одновременно решается задача структурирования системы контрастных оппозиций, представленных в кабардино-черкесских паремиях, с учетом их языковых и речевых разновидностей.

Эмпирической базой исследования послужили основанные на принципе контраста кабардино-черкесские пословицы и поговорки, извлеченные методом сплошной выборки из сборников пословиц разных лет: [Адыгэ псалъэжхэр... 1965], [Адыгэ псалъэжхэр... 1967], [Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ... 2016].

Одним из основных контрастообразующих средств в паремическом тексте выступают антонимические оппозиции. Это могут быть как стандартные, конвенциональные бинарные оппозиции, члены которых стабильно воспринимаются языковым сообществом как противоположные (например, в пословицах: *ФЫм флы къыпкIуэрI, Iейм Iей покIуэж* «**Добро** оборачивается добром, **зло** – злом», *Iей тцIауэ фIы уцымыгуэ* «Сделав **зло**, не надейся на **добро**» (здесь и далее приводится буквальный перевод паремий – К.Д.) контрастность строится на антонимическом бинOME *фIы – Iей* «добро – зло»), так и неконвенциональные оппозиции, противоположность членов которых детерминруется прагматическими, контекстуальными факторами (так, в ПЕ *Шы дахэ мыжэ нэхрэ, шы гъуабжэ жэр* «Чем конь **красивый** и не быstroногий, лучше конь **серый** (в значении «невзрачный»)), но резвый» представлена контекстуальная антонимическая оппозиция *дахэ – гъуабжэ* «красивый – серый»; а в ПЕ *Бажэм сыхх нэхрэ дыгъужьым среих* «Чем **лиса**, пусть лучше **волк** меня съест» контрастирующей семантикой контекстуально обладают согипонимы *бажэ – дыгъужь* «лиса – волк», которые в языке не выражают противоположных понятий).

Асимметричность в способах экспликации контраста обусловила формирование представления об инвентаре лексических средств выражения контраста в паремиях разных языков как о системе с полевой структурой, имеющей ядро – центр – периферию [Бочина 2002, 2022], ядро – ближнюю периферию – дальнюю периферию – крайнюю периферию [Голембовская 2014], ядро – околоядерную зону – периферию [Крюкова 2016].

Анализ кабардино-черкесских оппозитивных паремических единиц демонстрирует неоднородность системы контрастообразующих средств, подтверждая ее полевую структуру. В зависимости от языковой репрезентативности условно выделим ядерную зону и периферию лексико-семантического поля контраста кабардино-черкесских ПЕ.

Ядерную зону занимают наиболее стабильные и репрезентативные средства передачи контраста – конвенциональные оппозиции – языковые антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные глагольные оппозиции. Данные оппозиции характеризуются единой категориальной принадлежностью, рекуррентностью, одинаковой лексической сочетаемостью и одинаковой стилистической окраской. В рамках настоящей статьи рассмотрим ядерные средства выражения контраста.

Наиболее часто в кабардино-черкесских паремиях представлены противопоставления на основе разнокорневых языковых антонимов, которые могут быть выражены разными частями речи:

– прилагательными: *Акъыл кIэщIыр бзэгу кIыхыщ* «**Короткий** умом имеет **длинный** язык»; *Iунэ зэв, джий быху* «Губы **узкие**, а глотка **широкая**»; *Гъатхэ-пэ уэгъурэ бадзэуэгъуэ уэлбанэрэ* «Ранней весной (хороша) **сухая** погода, в середине лета (хороша) **дождливая** погода»; *Нэм и узыр нахуэщи, гум и узыр щэхуи* «Болезнь глаз **очевидна**, болезнь сердца [души] **скрыта**»; *Я выр уэдрэ, я хьэр пшэрым унагъуэи* «Если у них вол **худой**, а собака **упитанная** – это хорошая семья»;

– существительными: *Дунейкъым, ахьрэткъым* «Не жизнь, не смерть»; *Бей зыщыкуэдым тхьэмыщкIи щыкуэди* «Где много **богатых**, там и **бедных** много»; *Губзыгъэр делэ мэху, делэр губзыгъэ хьуркъым* «**Умный** может сойти с ума, но **дурак** умным не станет»; *Жагъуэгъум и кIапэ нэхрэ ныбжэгъум и хьудырытс* «Чем курдюк у **врага** (есть), лучше похлебку у **друга** (хлебать)»;

– наречиями: *Гъуцъыр къыцъу ныуцъи пхъэр кыхъу ныуцъи* «Металл отрезай **покороче**, дерево **подлиннее**»;

– глагольными формами: *Губгъуэм уцымыкъэрабгъэ, унэм уцымылыхъуэжэ* «**Не будь** в поле **трусом**, **не будь** дома **героем**»; *Уи гъунэгъу умыуб, уи благъэцъи уцымыхъу* «Не ругай соседа, не хвали новых родственников».

Однокорневые антонимы представлены оппозитивами со словообразовательными формантами, эксплицирующими контрадикторную противоположность (См. об этом в наших работах [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 а: 84], [Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 б: 234–235]). Так, коррелирующие суффиксы *-гъуафлэ / -гъуей* указывают, соответственно, на то, что действие или состояние, заложенное в семантике исходной основы, легко производимо и трудно производимо: *Егъур гъуэтыгъуафлэц, благъэр гъуэтыгъуейц* «Недоброжелателя **легко** обрести, близкого (родню) **сложно** обрести». Антонимичные оппозиции образуются с помощью пары суффиксов, передающих наличие в достаточной степени или в большом количестве того, что обозначается производящей основой (суффикс *-фл(э)-*), с одной стороны, и полное отсутствие или наличие в недостаточной мере (суффикс *-ниэ*) десигната производящей основы, с другой стороны. Например: *Акъылыниэр, псэуми, лаш, акъылыфлэр, ламы, псэуц* «Глупец, хоть и живой, умер, умный, хоть и мертвый, но живет». Интересно наблюдать также, что в данной ПЕ семантика контраста достигается с помощью такого стилистического приема, как оксюморон, который заключается в сочетании полярных по своему значению, взаимоисключающих слов *ла – псэу* «живой – мертвый». Неожиданное объединение полюсов создает эффект отстранения, вызывая эстетическую реакцию противочувствия [Бочина 2003: 25]. Ср. также: *Псэу ла нэхърэ, ла псэу* «Чем мертвый живой, лучше живой мертвый».

Контрастная сущность сопоставляемых предметов речи может усиливаться взаимной актуализацией отношений противоположности двух или трех антонимических оппозиций в составе одной ПЕ. Так, в пословицах (1) *Губзыгъэм и гулэгъуэр делэм и гуфлэгъуэц* «Что **умному** **огорчение**, то **дураку** в **радость**», (2) *Тэмаккыхъыгъэр насыныфлагъэц, тэмакккъыцъыгъэр насынышагъэц* «Сдержанность – счастье, вспыльчивость – несчастье», (3) *Гухэхъуэ цлэц, гухэцлэ жыц* «Радость нова, горе старо» используется по две оппозитивные пары: в (1) *губзыгъэ – делэ* «умный – дурак» и *гулэгъуэ – гуфлэгъуэ* «огорчение – радость», в (2) *тэмаккыхъыгъэ – тэмакккъыцъыгъэ* «сдержанность – вспыльчивость», «счастье – несчастье», в (3) *гухэхъуэ – гухэцлэ* «радость – горе», *цлэ – жыц* «новый – старый». Контрастность пословицы *Акъылыниэр, псэуми, лаш, акъылыфлэр, ламы, псэуц* «Глупец, хоть и живой, умер, умный, хоть и мертвый, но живет» основана на трех антонимичных парах: *умный – глупец, живой – мертвый, умереть – жить*.

К ядерной зоне семантического поля контраста относятся и конверсивы в силу их регулярности, частотности и повторяемости в паремическом дискурсе. Оппозиты с семантикой «взаимной обратности» одного и того же действия с позиций двух противопоставленных его участников выражают в кабардино-черкесских пословицах противоположные стороны в социальных или родственных отношениях людей (*адэ – анэ* «отец – мать», *хъэцлэ – бысым* «хозяин – гость», *цыхухъу – цыхубз* «мужчина – женщина», *пыц – пыцлэ* «князь – холоп» и т.п.), а также взаимно противоположные действия двух субъектов (*цэн – къэцэхун* «продавать – покупать», *кфудын – къэгъуэтын* «терять – находить», *егъэджэн – еджэн* «обучать – учиться», *етын – къеыхын* «давать – брать» и т.п.). Приведем примеры: *Анэр нэм хуэдэц, адэр дэм хуэдэц* «Мать глазам подобна, отец ореху подобен»; *Пыц зыфлэпыцым пыцлэ къыпфлец* «Кого **князем** назовешь, тот тебя **холопом** назовет»; *Делагъэм уритепщэ нэхърэ, акъылым урипщылым нэхъыфлэц* «Чем быть **повелителем** глупости, лучше быть **рабом** разума»; *Зыцэм и напэр,*

къэзыщэхум и **уасэр** «Совесть **продавца** равноценна достоинству **покупателя**»; **Зы хъэщIэм зы хъэщIэ** и **жагъуэщи хъэщIитIыр бысымым** и **жагъуэщ** «Один **гость** неприятен другому **гостю**, а два **гостя** неприятны **хозяину**»; **ПфIэкIуэдам ицхэкIэ умыгъ**, **къэбгъуэтам ицхэкIи умыгуфIэ** «О том, что **потерял**, не плачь, и не радуйся тому, что **нашел**»; **Акъылыр ящэркъым икIи къащэхуркъым** – **зыхалъхъэ** «Разум **не продают** и **не покупают**, его обретают».

Значительное место в национальном паремийном фонде занимают словообразовательно маркированные конверсивные оппозиции, контрастность которых создается корреляцией направительных превербов, характеризующихся стандартной полярностью выражаемых ими значений: **хуэ-** («направление в сторону от говорящего: отсюда – туда»), **е-** («направление в сторону от говорящего») и **къ-** («направление в сторону говорящего: оттуда – сюда»): **Анэнэлэсым хуэщIэр фIэмащIэщ**, **къыпхуищIэр фIэкуэди** «Мачехе что **ты ни сделаешь** – ей всё мало кажется, что **она ни делает** – всё ей много кажется»; **Къогуауэм шыгъу-пIастэкIэ егуэуэж** «**Кто тебя обидит, того обидь** хлебом-солью»; **Мывэ хъурейкIэ къоуэм кхъуей хъэлкIэ еуэж** «**Кто в тебя круглый камень бросил, в того брось** круг сыра»; **Зы-хуэпхыым къыпхуехъыж** «Кому несешь, тот и тебе приносит» (Если уважаешь людей, то они тоже в ответ будут уважать тебя); **Делэм уэ фIэкI, губзыгъэр езыр къыпфIэкIыни** «С глупым ты мирно разойдись, а умный сам с тобой разойдется (не станет связываться); **Къотэ йотэж** «Кто дарит тебе, тому и ты даришь»; **Узы-щидыхъышхыр къыпщодыхъышхыж** «Над кем ты смеешься, тот сам же над тобой смеется»; **УзэпэгъIыр къопэгъIыж** «Кем пренебрегаешь, тот и сам тобой пренебрегает»; **Узэур къоуэж** «Кого ударишь, тот тебя же ударит»; **УзытелIэ нэхрэ къыптелIэ** «Чем тот, **по ком умираешь**, лучше тот, кто **по тебе умирает**»; **Уэ ущыкIуэм, сэ сыкъэкIуэжащ** «Когда ты (только) **шел (туда)**, я уже **возвращался (оттуда)**»; **Жъым кыхъыр псым ехъыж** «Что ветром **принесло**, то водой **уносится**»; **Зыбым пабжъэм хедзэри**, **зыдым кыхыхыж** «Кто кроит, тот в бурьян **бросает**, а кто шьет, тот **вытаскивает**».

Суффиксальные конверсивы представлены в паремиях в меньшем количестве; как правило, они маркированы контрастообразующими суффиксами – **гъуафIэ / -гъуей**: **Щыхуэр къэщтэгъуафIэ ицхэкIэ тыжыгъуейи** «В долг **брать** легко, но **отдавать** тяжело». Данная словообразовательная модель продуктивна и при создании векторной противоположности: **КъэкIуэгъуафIэ кIуэжыгъуафIэи** «То, что легко приходит, легко уходит»; **Лажъэр къэкIуэгъуафIэ ицхэкIэ, кIуэжыгъуейи** «Проблема **легко** приходит, но **тяжело** уходит»;

Утвердительно-отрицательные оппозиции, основанные на противопоставлении позитивных и негативных форм глаголов, демонстрируют полярность двух ситуаций. В кабардино-черкесском языке основными средствами негирования выступают суффикс **-къым** и префикс **мы-** : **Анэ зымыIэ сабийр, адэ иIэми, ибафэи** «Ребенок, который **не имеет** матери, выглядит сиротой, если даже **имеет** отца»; **Натэ зымыIэм дзасэпкъ иIэи** «У кого **нет** совести, тот **имеет** (крепкие) ребра» (Тот у кого нет совести, везде может вырвать себе лакомый кусок); **КIэн ухънми, фызым ухъмын** «Пусть ты **лишишься** игры в альчики, но пусть **не лишишься** женитьбы»; **Гуэн нэщI щыIэи, хадэ нэщI щыIэкъым** «Амбар бывает пустой, но огород не бывает пустым»; **Дыгъужыым лы игъуэтимэ, псы игъуэтыркъым**. «Волк если мясо **находит**, то воду **не находит**»; **Уэгъум ихъар уэлбанэм къехъыжри, уэлбанэм ихъар уэгъум кыхъыжыркъым** «То, что засуха **унесла**, ливень **вернет**, но то, что ливень **унес**, засуха **не вернет**»; **КIуэм уцIохъэри ицхэм уцIыхъэркъым** «Идущего **догонишь**, едящего **не догонишь**»; **Псэур мэзугъэри, лар гугъэжыркъым** «Живой **надеется**, мертвый уже **не надеется**».

Наиболее рельефно контрастная семантика проявляется в ситуации, когда отрицается то же самое действие, что и утверждается: **БгитIыр зIуицIэркъым, цIыхуитIыр зIуошIэ** «Две горы не сходятся, а два человека сходятся»; **Фызабэм и**

бын *епIыж*, *лIыгъуабэ* и бын *ипIыжкыым* «Вдова своих детей **поднимает**, вдовец своих детей **не поднимет**»; *Сабийм адэ имыIэжмэ, зейнишкыым, анэ имыIэжмэ, зейнишэц* «Если у ребенка не стало отца, он **не осиротел**, а если не стало матери, он **осиротел**»; *Лажъейм уфIокIуэри, узейм уфIэкIуэркыым* «От тяжелой проблемы **сможешь уйти**, от тяжелой болезни **не сможешь уйти**»; *Зэрымылгагъумэ, зэцIолIэ, зэрылгагъумэ, йолIыкI* «Когда **не видятся**, тоскуют (друг по другу), а когда **видятся**, не выносят (друг друга)».

Но могут в паремическом тексте противопоставляться и разные действия: *ЩIэр жьы мэхъури, жьыр щIэ хъужыркыым* «Новое **старится** (молодой стареет), старое **не новеет** (старый не молодеет)». Поскольку в формально-логическом плане утверждение и отрицание представляют собой полярные, взаимоисключающие противоположности, в тексте паремии утвердительно-отрицательные глагольные противопоставления могут восприниматься как контрастные даже в тех случаях, когда они контекстуально или экстралингвистически обусловлены: *хъур жьыIэгуафIэ цхъэкIэ, щIэгуафIэкыым* «О деле **легко сказать**, но **не легко сделать** (его)». *Хабзэр сщIэ цхъэкIэ, ирабзэр сIэщIэлыкыым* «Хоть и **знаю** обычаи, но **не располагаю** (инструментом) для (их) соблюдения». Однако такие случаи представляют собой неконвенциональные оппозиции и относятся к периферии поля контраста.

Список источников

Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ... 2016 – *Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ (абыхэм я мыхъэнэр гъэщыпкъауэ)* / зэхэзылхъар Л.И. Гъут. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъ кыдэгъэкIынымкIэ и къудамэ, 2016. 364 н. (Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями) / сост. Л.А. Гутова. Налчык: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.

Адыгэ псалъэжхэр... 1965 – *Адыгэ псалъэжхэр*. Т. 1. (Адыгские пословицы и поговорки / Сост. А. Гукемух, З. Кардангушев). Налшык, 1965.

Адыгэ псалъэжхэр... 1967 – *Адыгэ псалъэжхэр*. Т. 2. (Адыгские пословицы и поговорки / Сост. А. Гукемух, З. Кардангушев). Налшык, 1967.

Балова 1999 – *Балова И.М.* Синтаксис кабардинских пословиц и поговорок: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Налчык, 1999.

Балова, Кумыкова 2005 – *Балова И.М., Кумыкова М.М.* О символике числа «один» в кабардинских паремиях // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2005. № 3 (12). С. 77–79.

Балова, Кремшюкалова 2011 – *Балова И.М. Кремшюкалова М.Ч.* Паремии как форма синтеза смысловых миров русской и кавказских культур // *Философские науки*. 2011. № 51. С. 108–124.

Балова, Будаева 2015 – *Балова И.М., Будаева Л.А.* «Правда» как ценностный ориентир в паремиологических картинах мира народов Северного Кавказа (на материале русского, кабардино-черкесского, карачаево-балкарского и осетинского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 2-2 (44). С. 29–32.

Бочина 2002 – *Бочина Т.Г.* Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 196 с.

Бочина 2003 – *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. Казань, 2003. 50 с.

Бочина 2022 – *Бочина Т.Г.* Контраст в тувинских пословицах // *Новые исследования Тувы*. 2022, № 1. С. 37–46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Голембовская 2013 – *Голембовская Н.Г.* Национально-культурные особенности вербализации антиномии «жадность – щедрость» русскими и литовскими паремиями // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн.* 2013. № 1 (17). С. 175–179.

Кремшюкалова 2022 – *Кремшюкалова М.Ч.* Культурные коды в паремиологии // *Язык: история и современность*. 2022. № 1. С. 76–82.

Крюкова 2016 – *Крюкова К.С.* Особенности выражения контраста в трансформированных вариантах пословиц // *Вестник Костромского государственного университета*. № 4. 2016. С. 134–136.

Кудаева 2001 – *Кудаева З. Ж.* Адыгская паремия: система, поэтика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 88 с.

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 а – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Особенности структурной классификации антонимов кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 3 (46). С. 82–89.

Кумыкова, Кумыкова (Гучапшева) 2020 б – *Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* Средства экспликации семантики контрадикторности в производных антонимах (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-229-239>

Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 107.

Унатлоков, Унатлокова, Шогенова 2021 – *Унатлоков В.Х., Унатлокова Л.С., Шогенова А.Т.* Фигуры, построенные на основе контраста, в кабардино-черкесских пословицах и поговорках // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. Сборник научных трудов, приуроченной к году науки и технологий. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2021.

References

Adyge psal' ezh'hemre psal' e sheryuekhemre (abyhem ya myh'ener g'eshchypk' aue). (Adygskie posloviцы i pogovorki (s ih tolkovaniyami) [Adyghe proverbs and sayings (with their interpretations): sost. L.A. Gutova. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel IGI KBNC RAN, 2016. 364 p. (In Russian and In Kabardino-Circassian)

Adyge psal' ezh'her. T.1. (Adygskie posloviцы i pogovorki. Sost. A. Gukemuh, Z. Kardangushev) [Adyghe proverbs and sayings]. Nalshyk, 1965. (In Kabardino-Circassian)

Adyge psal' ezh'her. T. 2. (Adygskie posloviцы i pogovorki. Sost. A. Gukemuh, Z. Kardangushev) [Adyghe proverbs and sayings]. Nalshyk, 1967. (In Kabardino-Circassian)

BALOVA I.M. *Sintaksis kabardinskih poslovic i pogovorok* [Syntax of Kabardian proverbs and sayings]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Nal'chik, 1999. (In Russian)

BALOVA I.M., KUMYKOVA M.M. *O simbolike chisla «odin» v kabardinskih paremiyah* [On the symbolism of the number “one” in Kabardian proverbs]. IN: Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2005. № 3 (12). P. 77–79. (In Russian)

BALOVA I.M. KREMSHOKALOVA M.CH. *Paremi kak forma sinteza smyslovyh mirov russkoj i kavkazskih kul'tur* [Proverbs as a form of synthesis of the semantic worlds of Russian and Caucasian cultures]. IN: Filosofskie nauki. 2011. № S1. P. 108–124. (In Russian)

BALOVA I.M., BUDAEVA L.A. *“Pravda” kak cennostnyj orientir v paremiologicheskikh kartinah mira narodov Severnogo Kavkaza (na materiale russkogo, kabardino-cherkesskogo, karachaevo-balkarskogo i osetinskogo yazykov)* [“Truth” as a value reference point in the paremiological pictures of the world of the peoples of the North Caucasus (based on the material of the Russian, Kabardino-Circassian, Karachay-Balkar and Ossetian languages)]. IN: Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 2-2 (44). P. 29–32. (In Russian)

BOCHINA T.G. *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkih poslovic* [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]. Kazan': Izd-vo Kazan, un-ta, 2002. 196 p.

BOCHINA T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj posloviцы* [Contrast as a linguocognitive principle of a Russian proverb]: Avtoref. ... diss. dokt. filol. nauk. Kazan', 2003. 50 p. (In Russian)

BOCHINA T. G. *Kontrast v tuvinskih poslovicah* [Contrast in foreign proverbs]. IN: Novye issledovaniya Tuvy. 2022, № 1. P. 37–46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3> (In Russian)

GOLEMBOVSKAYA N.G. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti verbalizacii antinomii «zhadnost' – shchedrost'» russkimi i litovskimi paremiyami* [National and cultural features of the verbalization of the antinomy “greed – generosity” by Russian and Lithuanian proverbs]. IN: Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2, YAzykoz. 2013. № 1 (17). P. 175–179. (In Russian)

KREMSHOKALOVA M.CH. *Kul'turnye kody v paremiologii* [Cultural codes in paremiology]. IN: YAzyk: istoriya i sovremennost'. 2022. № 1. P. 76–82. (In Russian)

KRYUKOVA K.S. *Osobennosti vyrazheniya kontrasta v transformirovannyh variantah poslovic* [Features of expressing contrast in transformed versions of proverbs]. IN: Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. №4.2016. P. 134–136. (In Russian)

KUDAEVA Z.ZH. *Adygskaya paremiya: sistema, poetika* [Adyghe proverb: system, poetics]. Nal'chik: El'brus, 2001. 88 p. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Osobennosti strukturnoj klassifikacii antonimov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Features of the structural classification of antonyms in the Kabardian-Circassian language]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnykh issledovanij. 2020. № 3 (46). P. 82–89. (In Russian)

KUMYKOVA D.M., KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T. *Sredstva eksplikacii semantiki kontradiktornosti v proizvodnyh antonimah (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka)* [Means of Explication of the Semantics of Contradiction in Derived Antonyms (Based on the Material of the Kabardino-Circassian Language)]. IN: Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya". 2020. № 4. P. 229–239. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-229-239> (In Russian)

PERMYAKOV G.L. *Osnovy strukturnoj paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. M.: Nauka, 1988. P. 107. (In Russian)

UNATLOKOV V.H., UNATLOKOVA L.S., SHOGENOVA A.T. *Figury, postroennye na osnove kontrasta, v kabardino-cherkesskih poslovicah i pogovorkah* [Figures built on the basis of contrast in Kabardian-Circassian proverbs and sayings]. IN: Aktual'nye voprosy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Sbornik nauchnykh trudov, priurochennoj k godu nauki i tekhnologii. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2021. (In Russian)

Информация об авторе

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

D.M. Kumykova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 08.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 81(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-71-79

АДЫГЭБЗЭМ И ЛЕКСИКЭ-СТИЛИСТИКЭ СИСТЕМЭР: ЗЭРЫЗЭПСАЛЪЭ ЛЕКСИКЭР

Токмакь Мадинэ Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакь М.Хь., 2023

Аннотаци. Мы лэжыгъгъэр зытеухуар адыгэбзэм и лексикэ-стилистикэ системэ иджыри и кIэм нэсу джа мыхъуарш. Адыгэ, урыс бзэшIэныгъэлIхэм я бгъэдыхъэкIэ зэмплIэужыгъуэхэр тегъэшIапIэ тшIыуэрэ дытопсэлтыхъ стилистикэм и къалэнхэм, абы хиубыдэ лIэужыгъуэхэм, нэгъуэшIхэми. Апажэ М.Л. и стиль гуэшыныгъэр и лъабжэ тшIыуэрэ иджырей адыгэбзэ стилистикэм къыхыдогъэкI нейтрал, жъэрыIуатэ (зэрызэпсалъэ), тхыгъэ стилхэр. Стиль къэс езым и шхъэхуэныгъэхэр иIэжш. Мыбдеж абыхэм яшышу жъэрыIуатэ жьабзэм хыхъэ зэрызэпсалъэ лексикэм и гугъу шыдошI. Къыхыдогъэщ зэрызэпсалъэ лексикэм бзэм и къалэн нэхъышхъэр – цыхухэр зэпсэлъэн, я гурылхэр зэхуаIуэтэн, зэпышIа зэрыхъу къалэныр – адреи стилхэм елбытауэ нэхъыбэрэ зэригъэзащIэр. А стилимкIэщ цыхухэр унагъуэм, лэжьапIэм и кIуэщIкIэ, къафIэмыIуэхуу, псэлъэкIэм емылIалIэу, зыхуамыгъэхъэзырауэ зэрышIызэпсалъэр. Зэрызэпсалъэ стилим и къышхъэщыкIыныгъэу къыдогъэлъагъуэ абы тхыбзэ псалъэу, ублэмэ литературэбзэу шымыт псалъэ, гъунэжу зэрыхэтыр; бзэм и лэныкIуэ псоми – фонетикэм, морфологиэм, синтаксисым, егъэлеяуэ къыпшызыгъэхуэ Iэмалу яIэр гъунэжу къыгъэсэбэпу зэрышIытыр; псалъэ, псалъэ зэпха, псалъэшIэ–окказионализм, шхъэ цIэпапшIэ, зэрызыхэпшIэр нэхъ игъэлъэщын папшIэ пльыфэцIэм къытригъазу куэду зэрыхэтыр, шытхъу псалъэ, гуемыIу псалъэ, ауанышI псалъэ, нэгъуэшIыбзэ псалъэ къызэригъэсэбэпыр, нэгъуэшIхэр. Налуэ къыдошI мыхъуныгъэ пльыфэ яIэу зэрызэпсалъэ жьабзэм къышхъэ псалъэ зыкъомым нейтрал лексикэм апхуэдэ мыхъэнэ ямыIэу хэт псалъэхэр къежьапIэ зраухуэхъур. ЯзыныкIуэкIэрэ псалъэр зышышыну стилир абы и къэпсэлъыкIэм елбытауэ зэрышIытри ди къэхутэныгъэм хэлущыIу ещI: къапштэмэ, иджырей литературэбзэм шынейтрал псалъэхэр къызэрыгуэкI мэхуф.

Зэрыгуэзэ псалъэхэр: лексикэ-стилистикэ системэр, жъэрыIуатэ, къызэрыгуэкI стиль, жьабзэ, къалэн, къышхъэщыкIыныгъэ

Цитатэ къызэрыхэпхъу: Токмакь М.Хь. Адыгэбзэм и лексикэ-стилистикэ системэр: зэрызэпсалъэ лексикэр // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 71–79. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-71-79

Original article

LEXICO-STYLISTIC SYSTEM OF THE KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE: CONVERSATIONAL VOCABULARY

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Н. Токмакова, 2023

Annotation. The article is devoted to the lexical-stylistic system, which has not yet been sufficiently studied in the Kabardino-Circassian language. Having studied the works of Adyghe and Russian linguists, we note the main criteria for the concept of “style”, define its tasks, highlight the main functional styles. In this work, we adhere to the classification of the lexical-stylistic system proposed by M.L. Apazhev: neutral, oral (colloquial) and written (book) vocabulary. It was revealed that neutral or interstyle vocabulary includes words that serve as unmarked names of specific objects. It is noted that neutral vocabulary, although characterized by non-marking, zero stylistic and expressive coloring, is the basis for the formation and replenishment of lexical systems of other functional styles of the literary language. It is indicated that colloquial vocabulary is a kind of oral speech. The article analyzes morphological, syntactic and other features of colloquial vocabulary. Literary works of famous Kabardian authors are used for illustration. It is noticed that in the colloquial vocabulary there are many emotive words, expressions; a large number of phraseological units. It has been found that lexical units with a negative connotation used in colloquial speech often have a neutral vocabulary as their source, where they do not have this expressive-stylistic load, functioning only in the main (direct) meanings. The given examples testify that stylistic layers of vocabulary are not always created by words-lexemes proper, but by lexico-semantic variants. It is indicated that in some cases a change in the pronunciation of words can lead to a change in their stylistic affiliation, namely, words that are neutral for the modern Kabardino-Circassian literary language can acquire a colloquial character.

Keywords: lexical-stylistic system, functional styles, colloquial vocabulary, style, features

For citation: Tokmakova M.N. Lexico-stylistic system of the kabardian-circassian language: conversational vocabulary. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 71–79. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-71-79

Научная статья

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА: РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© М.Х. Токмакова, 2023

Аннотация. Статья посвящена еще недостаточно исследованной в кабардино-черкесском языке лексико-стилистической системе. Изучив работы адыгских и русских языковедов, мы отмечаем основные критерии понятия «стиль», определяем его задачи, выделяем основные функциональные стили. В работе мы придерживаемся классификации лексико-стилистической системы, предложенной М.Л. Апажеевым: нейтральная, устная (разговорная) и письменная (книжная) лексика. Выявлено, что к нейтральной, или межстилевой, лексике относятся слова, служащие немаркированными наименованиями конкретных предметов. Отмечено, что нейтральная лексика, хотя и характеризуется немаркированностью, нулевой стилистической и экспрессивной окраской, является базой для образования и пополнения лексических систем других функциональных стилей литературного языка. Обозначено, что разговорная лексика является разновидностью устной речи. В статье анализируются морфологические, синтаксические и другие особенности разговорной лексики. Для иллюстрации использованы литературные произведения известных кабардинских авторов. Замечено, что в разговорной лексике много эмотивных слов, выражений;

большое количество фразеологизмы. Обнаружено, что лексические единицы с негативной окраской, используемые в разговорной речи, часто имеют своим источником нейтральную лексику, где они не обладают данной экспрессивно-стилистической нагрузкой, функционируя лишь в основных (прямых) значениях. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что стилистические пласты лексики создаются далеко не всегда собственно словами-лексемами, а лексико-семантическими вариантами. Указано, что в ряде случаев изменение произношения слов может привести к изменению их стилистической принадлежности, а именно, нейтральные для современного кабардино-черкесского литературного языка слова могут приобрести просторечный характер.

Ключевые слова: лексико-стилистическая система, функциональные стили, разговорная лексика, стиль, особенности

Для цитирования: Токмакова М.Х. Лексико-стилистическая система кабардино-черкесского языка: разговорная лексика // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 71–79. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-71-79

Зэрытщэщи, бзэм хэт псалъэхэм зэрызэпха щхьэусыгъуэмкIэ – псалъэщI мыхьэнэкIэ, псалъэ лъэпкыгъуэкIэ, нэгъуэщI кIынэмышщIкIэ – гуп зэмылIэужыгъуэхэр къагъэхьу. Апхуэдэ зы лIэужыгъуэу щытщ цIыху гуп хэхам къагъэсэбпсалъэхэр, абыекIуну псалъэкIыхэпхынымрэ псалъэухарбухуэнымрэ. БзэщIэныгъэм и унэтIыныгъэу псалъэхэр жьабзэм кызырэыщагъэсэбпыр зыджыр стилистикэращ. Урыс Хь.Щ. зэритхымкIэ, «стилистикэ» терминыр кыщещьбар XVIII лIэщIыгъуэм и кум дежщ, ауэ нобэ кыздэсым ар и пIэ иувауэ, абыкIэ зы еплъыкIэ щыIэу щыткъым [Урыс 2002]. Абы елэжь щIэныгъэлIхэм стилистикэр зищIысыр, абы иджыр, абы хиубыдэр зэмышщхьу къагурыуэ. Къапштэмэ, стилистикэм и къалэным ипкъ иткIэ, Виноградов В.В. кыхегъэкI «стилистикэу» щы [Виноградов 1963]: 1) бзэм и стилистикэ, зэхэлъыкIэ стилистикэ, бзэм и пщэрылI стилир зищIысыр (щIэныгъэ-гуэху зэрызэрахьэ, зэрызэпсалъэ псалъэкIэ, газет-публицистикэ, н.; 2) жьабзэм и стилистикэ (лекцэ, пресс-конференц, доклад, н.; 3) художественнэ литературэм и стилистикэ. Шарль Балли «стилистикэу» щы кыгъэлъагъуэ, ауэ ахэр нэгъуэщIщ: 1) «зэдай стилистикэ», 2) «зэныкIэу стилистикэ», 3) «зырыз стилистикэ» [Балли 1961]. Стилистикэм иджын хуейуэ абы кылIыгъэр гурыщIэуатэм, зыхэщIэм ехьэлIауэ бзэм (псалъэхэм) хэлъхэращ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, стилистикэм иджыну кыхуэнэр псалъэм кыкI (логикэ жыхуэтIэр) мыхьэнэращ. Шарль Балли и еплъыкIэм Касарес Х. и бгъэдыхьэкIэри, стилистикэм иджын хуейуэ кылIыгъэри тохуэ [Касарес 1958]. Ахмановэ О.С. зэритхымкIэ, «Стилистикэм и къалэну щытщ логикэм тет бзэм и нейтрал лъэныкIэуэм нэмышщI адреи и элемент псори кыхутэну» [Ахманова 1958: 27–28].

Иджырей зызыужьа литературэбзэхэм илъэсищэкIэрэ я псалъэ гуп зэрагъэпэщэхэм а бзэхэм ирипсалъэ лъэпкхэм я къэзыухуэрейхь гъащIэр сыт и лъэныкIэуэкIи къагъэлъагъуэ. А бзэхэм я художественнэ, цIыхубэ-политикэ тхыгъэхэм, щIэныгъэ лэжыгъэхэм кызырэагъэпэщаш икIи тхыбзэкIэ щIагъэбыдащ лъэпкъым и щIэныгъэхэр, и лексикэ къулеягъэр (терминологиерэ яхэту), минищэ бжыгъэ хьу занэхэр хиубыдэу, сыт хуэдэ гурылуэгъуэкIи я зэхэщIыкIыр къагъэлъэгъуэфу. Абы щыхьэт тохьуэ энциклопедиехэмрэ стилистикэ нэщэнэгъэлъагъуэ зигэ псалъалъэ зэмылIэужыгъуэхэмрэ.

Стиль гуэхугъуэм, щIэныгъэлI куэдым лингвистикэ стилистикэм и Iыхьэ нэхьыщхьэу къалыгъэм, ахэр зэхуэмыдэу бгъэдохьэ. Урыс Хь.Щ. кызырэыхигъэщымкIэ, ахэр зэрызэтемыхуэр мыхэращ: 1) «пщэрылI стилир» зытеухуар, абыкызызэщIиубыдэр; 2) гуэшыкIэр, зэхьэщыгъэкIыкIэр зытешIыхар, абы ипкъ иткIэ кыхагъэщхьэхукI стилхэм и бжыгъэр; 3) литературэ-художествэ стилим литературэбзэм щуубыд увыпIэр [Урыс 2002:6]. Къапштэмэ, Мурат В.П. пщэрылI стилир мыпхуэдэу егуэш: 1) зэрызэпсалъэ-литературэ, 2) усыгъэ, 3) газет-политикэ, 4) официал-гуэху зэрызэрахьэ, 5) щIэныгъэ, 6) IэщIагъэ-техникэ, 7) кызырэыкIуэ-накIуэпакIуэ [Мурат 1957]. Абы нэхьэрэ нэхьэ зэщIэкъуауэ

егуэш Пиатровскэ Р.Г.: 1) тхылъыбзэ, 2) литературэ-кызырыгуэкл, 3) кызырыкгуэ – иужьрейтыр кызырыгуэкл-зыхэщлэу шыгту кылъыгтэу [Пиатровский 1960: 20–21].

Гвоздев А.Н. кыхегъэщ мыпхуэдэ стилхэр: Іуэху зэрызэрахъэ, художествэ, публицистикэ, куэдым яхуэгъэза щлэныгъэ (тхылъыбзэ стиль), кызырыгуэкл (псэуклэм кышагъэсэбэп стиль) [Гвоздев 1965: 19–33]. Ефимов А.И. кыхигъэкІ, кылъыгтэ стилхэр: художествэ-беллетристикэ, жылагъуэ-публицистикэ, щлэныгъэ, Іэщлагъэ-техникэ, официал-документ, эпистоляр [Ефимов 1961: 21–27]. Будагов Р.А. кьегъэлабгъуэ мыпхуэдэ пщэрыль стилхэр шыгтэу: жьэрылуатэ, тхыгъэ, щлэныгъэ, художествэ [Будагов 1958: 396–411]. Пщэрыль стилхэр нэгъуэщлэу зыгуэши шыгтэу.

КІэщлэу жыплэмэ, пщэрыль стиль кьрабжэкІхэм я нэхьыбэм шызэтохуэ мыхэр: 1) щлэныгъэ (куэдым яхуэгъэза щлэныгъэ), щлэныгъэ-Іуэху зэрызэрахъэ, щлэныгъэ-техникэ); 2) публицистикэ (жылагъуэ-публицистикэ); 3) Іуэху зэрызэрахъэ (кьекІуэкІ-Іуэху зэрызэрахъэ), официал-документ, официал-канцеляр); 4) художествэ (художествэ-беллетристикэ). Мыхэр тхыбзэм и стилу ябж, жьэрылуатэбзэм и стилу зыбжанэм кьалъыгтэ кызырыгуэкл стилир.

Языныкгуэ щлэныгъэлхэм жалэ стиль зэхуэмыдэхэр бзэхэм ялэныр литературэбзэм зэрызиужьам елытауэ – тхыбзэм, литературэбзэм нэхь зиужьауэ, ар нэхь кьулейуэ шытыху, стилхэр нэхь Іупщлэу зэщхьэщыклауэ шытынуш [Тхаркахо 1982: 23].

Тхыгъэжыбзэхэм (п.п. урысыбзэм) елытауэ адыгэбзэм стиль куэд кыхагъэкІыркым. Апхуэдэу, Щауэ Ж. 1974 гъэм ди Іыхылы гъунэгъубзэу шыгт кІахэбзэм кыхигъэклауэ шытащ кызырыкгуэ стилимрэ тхыбзэ стилимрэ; тхыбзэ стилим икІуэцІкІэ – художествэ, щлэныгъэ, публицистикэ стилкгуэжжхэр [Шъаукъо, КІуба 1974: 14–19]. 1979 гъэм Къумахуэ Зарэрэ, Къумахуэ Мухъединрэ адыгэ бзэщлэныгъэм нэгъуэщлэу стиль гуэшыкІэ кьахалъхьауэ шытащ: жьэрылуатэ-усыгъэ, литературэ-художествэ, щлэныгъэ-публицистикэ стилхэр [Кумахова, Кумахов 1979: 8]. 1982 гъэм Тхэрыкгуахуэ Ю.А. езым зэхилъхьа гуэшыныгъэ кыгъэлыгъуащ [Тхаркахо 1982: 27], абы стилигтху кыхигъэклащ: жьэрылуатэ-усыгъэ (Іуэрылуатэ), кьекІуэкІ-псэукІэ, литературэ-художествэ, газет-публицистикэ стилхэмрэ, зэреджэ-педагогикэмрэ щлэныгъэ литурагъэмрэ я стилхэр.

Зэрытлабгъуэщ, щлэныгъэлхэм кыхагъэкІ стилхэр шыхьэт тохуэ адыгэбзэм и стилистикэ гуэшыныр зым теухуауэ зэрыщымытым, иджыри нэгъэсауэ кьэхута зэрымыхьуам. Урыс Хь.Щ. зэритхымкІэ, «стилир зыхуэдэн хуейр щІа, убзыхуа мэхуэ мы Іуэхугъуэхэр зэщыгъуу кьалъыгтэклэрэ: 1) зи гугъу ящІым, речым и тематикэм, 2) жызылэр кьэлъытауэ, 3) зыжрилэр кьэлъытауэ, 4) жызылэмрэ зыжралэмрэ я зэхушытыклэр кьэлъытауэ, 5) жалэмкІэ мурадыр кьэлъытауэ, 6) речыр шыжалэр (ситуациер) кьэлъытауэ, 7) речым и формэр (тхыгъэкІэ, жьэрылуатэу) кьэлъытауэ, нэгъуэщІхэри» [Урыс 2002: 8].

Стилир – ар псалъэкІэ лІэужьыгъуэщ, цыхухэм я ІуэхушІафэм епхауэ. Щлэныгъэ Іуэхур – щлэныгъэ стилим, Іуэху зехьэныр – Іуэху зэрызэрахъэ стилим, кьекІуэкІ Іуэхур – жьэрылуатэ, кызырыгуэкл псалъэкІэ стилим, цыхубэ-информагъэ Іуэхур – публицистикэ стилим кызырфлагъэкІыр.

Стиль кьэсыхукІэ щхьэхуэныгъэ ялэу зэрыщытыр аркудейкым зы стилир адрейм кыщхьэщызыгъэкІыр, атІэ стиль кьэс абы кыщемызэгъ псалъэ, псалъэ зэпха, лъабжъэгъусэ хэбгъэхьэ зэрымыхьумкІи зэщхьэщокІ. Къапщтэмэ, Іуэху зэрызэрахъэ стилим кыщезэгъынукуым *тІасэ, мыгъуэ, Алыхьым и шыкуркІэ, алей, псэм хуэдэ, цхьэр гъэвэн, тІэкІунитІэ, тІэкІунигъэ, цІыкІунитІэ, цІыкІунигъэ, цІыкІуништІэ, Іеижъ цІыкІу, Іейуэ фІыц*, н.ж. субъектив уасэгъуэв зыхэлъ псалъэ, лъабжъэужъ с.ху. Публицистикэ стилим и псалъафэхэщ мыхэр: *Республикэм итрагъэкІуэкІ субботник, жьыджэру хэтын, кьалэнхэр убзыхун, дунейр нобэ, общественнэ зыужьыныгъэ, гуащІэрыпсэхуэ – Іуэхутхьэбзэу нэхьыбэ*, н.

Абы кыкІыркым дэтхэнэ стилри щхьэхуэу, адрейхэм зэпыщлэныгъэ лъэпкь яхуимылэу. Языныкгуэхэр нэхь зэхуэщІауэ, адрейхэр нэхь кызырлуауэ шыгтщ. Къапщтэмэ, публицистикэ стилир Іуэху зэрызэрахъэ стилим елытауэ нэхь

кызылхуауэ щытщ; шлэныгъэ терминым нэгъуэщл стилхэм и уащрихьэлэнущ (дунейр шэрхъици мэкIэрахъуэ; уэ езым зыхуэбгъэувыжасщ уи диагнозыр; абы езым ищIэжасщ и судыр); публицистикэ стилим (цыхухэм драгъэкIуэкI псалтэмакхэм инэхъыбэм (интервью)) куэд кыгъэсэбэп жьэрыуатэ стилим хэт псалтэхэр.

Иджырей адыгбзэ стилистикэм дэ тегъэщлэлэ тшыр Апажэ М.Л. и стиль гуэшыныгъэраш [Апажев 1992: 110]; нейтрал, жьэрыуатэ, тхыгъэ (тхылтыбзэ) стилхэр.

КъызэрыгуэкI жьабзэр

Жьэрыуатэ—къызэрыгуэкI псалтэкIэ стилкIэ зэджэр тхыгъэкIэ мыхъуу, жьэрыуатэу шыIэ жьабзэм, литературэбзэ зылулхэм я жьабзэм и щхьэхуагъэр арш [Урыс 2002: 12]. Мыбдеж кыхьэгъэщыпхъэщ жьэрыуатэ стилир тхыгъэ гъэпсыкIэуи къызэрыкIуэфыр, псалтэм папщIэ, зыгуэрым хуатх письмо, запискэ сыт хуэдэхуэ. Жьэрыуатэ лексикэм и кIуэцIкIэ лIэужьыгъуитI кыхьыдогъэщ: къызэрыгуэкI жьабзэмрэ Iуэрыуатэ лексикэмрэ.

Бзэм и къалэн нэхъыщхьэр – цыхухэр зэпсалтэн, я гурылхэр зэхуалуэтэн, зэпыщIа зэрыхуэ къалэныр – зыгъэзашIэу щытщ къызэрыгуэкI жьабзэр (зэрызэпсалтэ-къэкIуэкI стилир) икIи адрей стилхэм елтытауэ ар нэхъыбэрэ къагъэсэбэп. А стилирщ шызекIуэр унагъуэм, лэжъапIэм, къафIэмыIуэхуу, псалтэкIэм емылIалIэу, зыхуамыгъэхъэзырауэ шызэпсалтэкIэ. IуэхукIэ шызэпсалтэхэм деж, тхыбзэ псалти, къызэрыгуэкI псалти зэхэту – стиль зэхэт яIурылтынкIэ мэхуэ, псалтэм папщIэ, дохутырым, тыкуэнтетым, мыхэгъэрей цыхум; мыбы шыгъуэ тхыбзэм и стилим зэрытетыным пылщ. Урыс Хь.Щ. къызэрихигъэщымкIэ, къызэрыгуэкI стилим убгъуауэ къыдэщIыгъуш шыпсалтэкIэ Iэр, Iэпэр, Iупэр, щхьэр ящIу, зэпсалтэныгъэр шыщылэ зэманыр (ситуацэр), цыху зэпсалтэм я хьэл-щэныр икIи нэгъуэщI бзэщIыб Iуэхугъуэхэр [Урыс 2002: 12].

КъызэрыгуэкI (жьэрыуатэ) стилим и къыщхьэщыкIыныгъэу щытщ абы тхыбзэ псалтэ, уеблэмэ литературнэу шымыт псалтэ гъунэжу зэрыхэтыр; бзэм и лээныкыуэ псоми – фонетикэми, морфологиэми, синтаксисми, егъэлеяуэ къыпшызыгъэхуэ я Iэмалхэр гъунэжу къыгъэсэбэпу зэрыщытыр; псалтэ, псалтэ зэпха, псалтэщIэ—оказионализм, щхьэ цIэпапщIэ, зэрызыхэпщIэр нэхъ игъэлэщын папщIэ плыфэцIэм къытригъазу куэд зэрыхэтыр, шытхуэ псалтэ, гуемыIу псалтэ, ауаныщI псалтэ, нэгъуэщIыбзэ псалтэ къызэригъэсэбэпыр, нэгъуэщIхэри: *Уи тцэдджыжъ фIуэ, лэжъакIуэжъ, зиунагъуэрэ, дэгъуэщхуэ, цIыкIунитIэ, узынижъ, си псэм хуэдэ, уэдыкъуэн, цэныбэ, мэлыхьылIэ, угъурсызфэ, дзэмыкъ, къэбыцхьэ, цхьэгъуэз, Iуплэгъуей, нэху цIыкIу, быхъурэ-бахъуу, флейрэ-флейуэ, Iеижъ цIыкIу, ана гуицэ, уэлэхьы хъэзим, дэнэлэ (дэнэ цыIэ), дэхэнэ (дэтхэнэ), н. Щапхьэхэр: Хъуэхуэ къекIуэкIыр зыIэрыхьа лIы цхьэфэкъу цIыкIур къызэфIзуащ: – **Давай-тIэ, тэварыцхэ**, иджы мы Лермонтовым и узынишагъэкIэ мы зырызым дэвгъафэ, – **жесIэ, зигъэделэм и апхуэдиз и дэлагъэм и къыпхуэмьыцIэу** [Къэрмокъуэ 2004: 284]. – **Дуррррач!** – **жиIэри Биджи (Инармэс цхьэкIэ) и джыдэр телуцIыкIыпIэм хиупцIэри тIысащ** [Нало 1981: 179].*

КъызэрыгуэкI стилим псалтафэ куэд кыхьохьэ, гурышIэ мыхьэнэ къаIуатэу, псалтэм папщIэ: **джабэр цIэудын, блэ зэраукIа баш, и гум жьы дэгъэхун, и гуапэ цIын, и жагъуэ цIын, гуицIэгъу хуэцIын, и пэр цIым хуицыхуэн, дуней егъэлъагъун, напэр техын, нэкIэ ихын, и фэр зэкIуэкIын, цхьэр гъэвэн**, н. Щапхьэхэр: **Зи кIэр исауэ цIэпхъуар къыуыгъэувыIэмэ, цхьэпридзынкIэ мэхуэ. Къыдэмыдалуэрэ – шыбжый едгъэщхьыниц**. [КIышোকъуэ 1984б: 472] **ТхьэмицIыгъуныбэ (аращ абы зэреджэр) пIы зацIэкIэ уицIыхумэниц, уи нэр къижу уицэници укыицэхуэжыниц**. [КIышোকъуэ 1984а: 36].

КъызэрыгуэкI лексикэм хыхьэнущ стилкIэ нейтралу шыт псалтэхэр лъабжьэужь –*жъ*, *-ихуэ*, *-цэ* сыт хуэдэхэр къапыувэу зыгуэрым и зыхэщIэм епха хушытыкIэр

кьауатэмэ. Псалъэм папщӀэ: *Щымахуэжыыр* къэсащ. *Исхъкьыжыым дигъэпсэукьым*. – *Сыт-тӀэ уцӀэгъыр*, *умыгъ*, *уэ хъыджэбзышхуэ* *ухъуащ*, – зэгуэр езым *Есэнкьулхэ* *я нэхъыжхэр* *кызырэпсэлым ещхуэ*, *ар* (*ГъуэгулӀ*) *и шыпхъум епсалъэрт* [Журт 2004: 60]. – *Аращ*, *си шыпхъушхуэ* *Хъалидэ*. *УкъэзгъащӀэ* *уи мыгугъэ* [Кыщокъуэ 2006: 127]. *Хъэгъуэллыгъуэр дахащӀэу* *зэфӀэклащ*.

Негатив теплъэ зиӀэ псалъэхэр кызырэгуэкӀ жьабзэм куэдэ хэтщ: *джэдэн* «зыщӀыплӀэ кӀуэн», *къэвэн* «лей куэд жыӀэн», *исыкӀын* «зыгъэбзэхыкӀын», *ӀупӀэн* «укӀын», *кӀэцӀӀуэн* «ныкьусаныгъэ кыыхэгъэкӀын», *пыхун* «къемыхъулӀэн (экзамен с.ху.)», *игъэсыкӀын* «иӀэр (ахъшэ, мылъку с.ху.) зыгуэрым тегъэкӀуэдэн», *мацӀэ* «куэдыӀуэ», *бэзэр* «Ӏуэлъауэ, зэрызехъэ», *кӀэкӀэн* «увыӀӀӀэ имыӀэу псалъэн», *бажэ* «бзаджэ», *шыд* «акъылыншэ», *дыгъужь* «нӀӀэсей», *Ӏэц* «мыгъасэ», *хъэбз* «лӀы зезышэ цыхубз», н.кь. ЗэрытӀагъуэщи, щапхъэу къэтхъа псалъэхэр инэхъыбэм нейтрал лексикэм щыщ, нӀгъуэщӀ мыхъэнэ ягъуэтауэ. ЗэвгъапщӀэ: *къэвэн* «ткӀуаткӀуэ гуэр къэпщтыру, бахъэ кыыхихуу, къэкъуалъэу хъун», *исыкӀын* «зыгуэрым илъыр исурэ иухын», *бажэ* «и теплъэкӀэ хъэм ещхъ, кӀэ бацӀшхуэ зэпыт хъэкӀэкхъуэкӀэ лъэпкъ», *кӀэцӀӀуэн* «зыгуэрым и лъабжьэмкӀэ, и кӀэмкӀэ, и щӀагъымкӀэ еуэн», *пыхун* «зыгуэрым кӀуэцӀрыхун», *ӀупӀэн* «зыгуэрым зыгуэр Ӏуплъхъэу, Ӏуупхъэу, щӀэхъумэн, зыгуэр зэхуэщӀын», *кӀэкӀэн* «макъ гъӀун (къанжэм хужалэ)», *мацӀэ* «Ӏэрамэ-Ӏэрамэурэ мэкъумэшым теуэу изых, пкӀауэм ещхъ хъӀацӀэ», *бэзэр* «цыыхухэр щызэхуэсу шхын, хъӀпшып с.ху. щӀацӀ-къыщӀацӀэху щӀыплӀэ», *шыд* «шы лъэпкхъэм щыщ, зи щхъэр ин, зи тхъэкӀумэхэр кӀыхъ псэушхъэ мыин», *дыгъужь* «хъэкӀэкхъуэкӀэхэм ящыцу Ӏэщ, кӀинэмыщӀ псэушхъэхэм, цыыхухэм яхуэлъэ лъэпкъ», *Ӏэц* «унагъуэм, цыыхум зэрахуэ былым, хъеуан», *хъэбз* «бзыуэ щыт хъэ».

Мыбы хэбгъэхъэ хъунуш нӀгъуэщӀ мыхъэнэ зыгъуэта псалъэхэмрэ жыӀэгъуэхэмрэ: *ФӀэхъусыж!* (псалъэгъум узэрыхуэмыарзыр къебгъашӀэу); *Щхъэ гъэва!* (Сыт къӀпхъа? Сыт къӀпщӀхуа?.. хуэдэ упщӀэхэмкӀэ зыгуэрым кӀӀрыхъыжэм ират жэуап); *ШыкӀуртӀым!* (Сыт бгъӀпщкӀуа? Сыт пӀыгъыр? Уи жыпым сыт илъыр?.. хуэдэ упщӀэхэмкӀэ зыгуэрым щхъэгъэужэгъуу зыхуагъазэмэ кърат жэуап); *Куэдэ фӀыц!* («ФӀы дыдэщ!», «Апхуэдэу щырырет!» къикӀыу); *Хъэдрыхэ!* (ДӀнэ укӀуэрэ? упщӀэмкӀэ къӀӀрыхъыжэм ират жэуапыр); *ТхъэкӀумэ яцэ, жи!* (къыжралам щӀэупщӀэжым, е фӀыуэ зыхъзыхым жралэ); *ТӀэрч кхъуэ зӀпросыкӀ, жи!* (щхъэгъэужэгъуу къапкърыупщӀыхым жралэ). Щапхъэу къатхъахэм хуэдэхэм куэдэ бзэм ушыхуозэ, ахэр, Апажэ М.Л. зэрыжиӀэмкӀэ [Апажэв 1992: 112], джын хуей Ӏуэхуш.

Къэтхъа щапхъэхэм кызырагъэлагъуэщи, лексикэм и стилистикэ къатхэр псалъэ закъуэкӀэкъым зэрызэхэтыр, абы лексико-семантикэ лӀэужыгъуэ куэд хохъэр. Абы нэмыщӀ нейтрал стилим и мыхъэнэбз псалъэ куэд жьэрыӀуатэ, кызырэгуэкӀ, тхылыбзэ фӀэщыгъэцӀэ мэхъухэр. «Мыхъэнэбз псалъэм и стилистикэ зыгъэм нэхърэ бзэм нэхъыбэрэ ушыхуозэ ар стилкӀэ зэрызэтӀпщӀыкӀым» [Калинин 1978: 169].

КъӀӀпсалъыкӀэми псалъэм и стилир зырехъуэкӀ. Апхуэдэу, иджырей адыгъбзэм нейтралу псалъэ кыыхыхъахэр, псалъэм папщӀэ, *офицер*, *генерал*, *Америкэ*, *Японие*, с.ху., кызырэгуэкӀ фӀэщыгъэуи къагъэсэбӀп. ЗэвгъапщӀэ: *офицер* – *Ӏэфицар*, *генерал* – *инӀэрал*, *фельдшер* – *фершыл*, *революцэ* – *ервэлүцэ*, *Америкэ* – *ӀэмыркӀ*, *Японие* – *Япон*, *Ростов* – *Арэстоф*, *Англие* – *Инджлыз*, *Францие* – *Франдж*, н. Апхуэдабзэу языныкьуэ щӀыплӀэцӀэхэри нейтрал лӀэужыгъуэхэм къадэкӀуэу кызырэгуэкӀ фӀэщыгъэхэри къагъэсэбӀп. ЗэвгъапщӀэ: *Къызбрун Ецанэ* – *Третэ Къызбрун*, *ЛӀсчэн ЕтӀуанэ* – *Второй ЛӀсчэн*, *Къулькъужын Ицхъэрэ* – *Нижнэ Къулькъужын*, *ШӀэджэм Иццэ* – *Верхнэ ШӀэджэм*, н. Мыбы хэбгъэхъэ хъунуш къулыкьушӀаплӀэхэм я жьэрыӀуатэ, официал фӀэщыгъэхэр: *Дом совет* – *Советхэм* *я унэ*, *Дом културэ* – *Културэм* *и унэ*, *председатель колхоз* – *колхозым* *и председатель*, *Совет министр* – *министрхэм* *я Совет*, н.

Урыс Хь.Щ. кызырихутамкӀэ [Урыс 2002:13], кызырэгуэкӀ стилим и нӀӀӀӀӀӀ щыӀӀӀӀӀӀӀӀ, плъыфӀӀӀӀӀӀӀӀ, лӀжыгъэцӀӀӀӀӀӀ зэрызӀӀӀӀӀӀӀӀ

щымылэу кызырыщыкыуэр. Нэхыбэрэ абы ущыхуэзэнуш цлэпапщлэхэм, лэжыггэцлэхэм. Псом хуэмыдэу гъэщлэгъуэнщ лэжыггэцлэм и зэман гъэпсыклэ куэд кызырегъэсэбпыр. Куэд дыдэрэ ит зэманыр къэхъауэ ухуэзэнуш блэкла зэманым и мыхъэнэр илэу: *Абдежым, зэныбжыгъуитыр, къралитым* хуэдэу, *бий зэхуохури, я дипломат лыкыуэхэр зэтрахыжа нэхъей, зэпсэлгэн цагъэтыж, я тцлантлэхэри* зым удэкыу адрейм удыхъэ мыхъуу зэтрахуыж [Нало 1981: 126]; *Хъэмзэт жэри колхоз тхъэмадэм и тешанкэжыбыр кыпрыхри, Нэзэрыр, а зэрызэпкырымтлэтым* хуэдэурэ, *иралгъэщ аби, район сымаджэщым ишац* [Нало 1981: 259]. Мы стилизм гъунэжу хэтщ псалтэклапэхэр, макъыцлэхэр: *Арац-млэ; баргъ-баргъ жиу фочыр уац; – нтлэ! – Хъэуэ! Ду-у жиу хыбарыр туац; ху-ху-ху! Цлэпхуэри, бгъуэтмэ къацтэ, н. Цлэпхъэхэр: Кхъылэ, сэри сыздэфшиэ, – желэри Зауэсан закыкылэреицлэ (митинг кыуэнхэм)* [Нало 2012: 15]; – *Тай! – И жагъуэ дыдэ хуауэ къоулэбжэ Хуэхъужыокыуэр* [Нало 1981: 154]; «*У-уа, у-уа, у-уа-а!*» – *Епэкылаам* хуэдэу кыхокыицлэ сабийр [Хъэх 2008: 50].

Кызырыгуэклэ жъабзэм кыщокыуэррей псалтэуха иримыкыуэхэр, гурыщлэуатэ зибэ псалтэуха, унафэ, тхъэлгъанэ, зэрыупщлэ псалтэухахэр, зэрызыхагъазэ псалтэ, хэдзэ псалтэ: (*Мыкъэ Зулий зыхуигъазэу:*) – *Дзасэ, дзасэ! Псыныцлэу, дзасэ гъэплэ!* [Шортэн 1978: 61]; – *Ныбэ узым ихъын! Уэ къэбвым дедэлуэну ара уи гугъэ мыбы деж дыщлызэхэтыр?* [Кыщокыуэ 1984а: 94]; (*Исмел полковникым жрелэ:*) – *Тхъэр согъэпцлэ, уэ сыпхуэдам, а лейр хъэгъэттэм езыр мылицэм, фи напэр трихуу* [Къэрмокуэ 2004: 79]; (*Кулисум Къэрэлыашэ жрелэ:*) *Тхъэм жиуэмэ, гъатхэм дытхъэмэ, лъхуэныци аргуэру шэ пэгун кыныцлэтиныци* [Кыщокыуэ 2007: 45]; – *Дэнэ уздэжэр, тласэ?; – Ар дауэ хъун, зиунагъуэрэ!; – Наклуэт, наклуэт, дыщлэгъэкыт... н.*

Псалтэуха зэхэлъ-зэгъусэхэр кыуэдрэ кыщокыуэ кызырыгуэклэ жъабзэм: (*Нажмудин Мурид жрелэ:*) – *Къэсылхуакъым... Жэири кыфлм, икы сыкыэцтати зыри сылэжакъым...* [Журт 1987: 31]; (*Хъэту Гъуэгъулэ жрелэ:*) – *Иджы, илэ, иэдджэгъуаишхэр дгъэхъэзырыныц, армыхъумэ, иэдджэгъуаишхэр мыхъэзыру мохэр (мэкъуауэхэр) кытхъэжэмэ, дэ даишынкытлэу ептынкыым* [Журт 2004: 82]; (Беквич-Черкасскэм Шейх-Али-Хъан зыхуигъазэу:) – *Уи гугъэ уэ зыр угубзыгъэу, а зи ужы уидгъэхъэну мюридхэр делэу, хъэмэрэ дэ зыри кыдгъурымылуэ?..* [Шортэн 1975: 230].

Урыс Хь.Щ. кызырыхигъэщымкылэ [Урыс 2002: 14], кызырыгуэклэ жъабзэм псалтэухахэм я зэзыгъапщэ зэхыхъэм «ещху», «хуэдэу», «нэхъей» псалтэхэр дигъэхуу зэрыщытыр и хабзэщ. Псалтэм папщлэ: *Къашыргъэ зыхъуа джэд гуны (...джэд гуным ещху / хуэдэу / нэхъей) зэбгъылъэтри (гупсысэхэр), ежъэжаш, хъэпцлэу хэши, кыхъэшыж.* [Хъэх 2004: 282].

Кызырыгуэклэ жъабзэм и кыщхъэщыкыныгъэхэр литературэ тхыгъэхэм кыщагъэсэбэп, персонаж гуэрым и бзэм хэту. Псалтэм папщлэ: (*Мыкъэ:*) – *Ди адэм жиуэжу зэхэсхыгъащ, аркъэ-ицэ, куэдрэ зэхэсхыгъащ Истамбыл и хыбар.* [Шортэн 1978: 128]; (*Лейтенантым:*) – *Уэлей, зысэнымэ! Тхъэ, зысэнымэ!* [Нало 1981: 132]. (*Юланэ Азэмэт зыхуигъазэу:*) – *Ей, зо, мазитлэ нэсаици, сэр флэкла луэху ялэжкыым мы сымаджэщ псом* [Къэрмокуэ 2004: 15]. *Мэгъуфлэ Юрэ, дамэ ещлэ: – Уэтэби рас! Уэтэби рас!* [Нало 1981: 243].

Тегъэщлэплэхэр Список источников

Апажэв 1992 – *Апажэв М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

Ахманова 1958 – *Ахманова О.С.* О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета акад. В.В. Виноградову. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 27–28.

Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.

Будагов 1958 – *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 436 с.

- Виноградов 1963 – Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 255 с.
- Гвоздев 1965 – Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Учпедгиз, 1955. 463 с.
- Ефимов 1961 – Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во МГУ, 1961. 607 с.
- Журт 1987 – Журт Б. Адэжъ лъапсэ. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
- Журт 2004 – Журт Б. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
- Калинин 1978 – Калинин А.В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978. 232 с.
- Касарес 1958 – Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Изд-во ин.лит., 1958. 354 с.
- Кумахова, Кумахов 1979 – Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. Функциональная стилистика адыгских языков. М: Наука, 1979. 360 с.
- Кышোকъуэ 2006 – Кышোকъуэ А. Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. Н. 3–370.
- Кышোকъуэ 1984а – Кышোকъуэ А. Тхыгъэхэр томипллым шызэхуэхъэсауэ. (Собрание сочинений в четырех томах). Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1984. 600 н.
- Кышোকъуэ 1984б – Кышোকъуэ А. Тхыгъэхэр томипллым шызэхуэхъэсауэ. (Собрание сочинений в четырех томах). Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1984. 856 н.
- Кышোকъуэ 2007 – Кышোকъуэ А. Нэгъуху // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Т. 6. Налшык: Эльбрус, 2006. Н. 19–51.
- Къэрмокъуэ 2004 – Къэрмокъуэ М. Тхыгъэхэр. Ещанэ тхылъ. Роман. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 536 н.
- Мурат 1957 – Мурат В.П. Об основных проблемах стилистики. М.: Изд-во моск. ун-та, 1957. 44 с.
- Нало 2012 – Нало З. Дыджым и ІэфІыгъэ. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
- Нало 1981 – Нало З. Къру закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1981. 400 н.
- Пиатровский 1960 – Пиатровский Р.Г. Очерки по стилистике французского языка: морфология и синтаксис. Л.: Учпедгиз, 1960. 224 с.
- Тхаркахо 1982 – Тхаркахо Ю.А. Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1982. 190 с.
- Урыс 2002 – Урыс Хь. Ш. АдыгэбзэмкІэ практическэ стилистикэ. Налшык: Эльбрус, 2002. 208 н.
- Хьэх 2008 – Хьэх С. Курых: рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 602 н.
- Шортэн 1978 – Шортэн А. Бгырысхэр, Япэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1978. 383 н.
- Шортэн 1975 – Шортэн А. Бгырысхэр. ЕтІуанэ тхылъ. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.
- Шъаукъо, КІуба 1974 – Шъаукъо Ж., КІуба Б. Адыгенбзэм и стилистикэ. Мыекъуапэ, 1974.

References

- APAZHEV M.L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- AKHMANOVA O.S. *O stilisticheskoy differenciarii slov* [On the stylistic differentiation of words] IN: Collection of articles on linguistics. Professor of Moscow University acad. V.V. Vinogradov. M.: Publishing House of Moscow State University, 1958. P. 27–28. (In Russian)
- BALLY S. *Francuzskaya stilistika* [French style]. M.: Izd-vo inostr. lit., 1961. 394 p. (In Russian)
- BUDAGOV R.A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 436 p. (In Russian)
- VINOGRADOV V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. M.: AN SSSR, 1963. 255 p. (In Russian)
- GVOZDEV A.N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on the style of the Russian language]. M.: Uchpedgiz, 1955. 463 p. (In Russian)
- EFIMOV A.I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [Stylistics of artistic speech]. M.: Publishing House of Moscow State University, 1961. 607 p. (In Russian)
- ZHURT B. *Otchij dom. Povest'* [Father's house. The story]. Nalchik: Elbrus, 1987. 188 p. (In Kabardino-Circassian)

- ZHURT B. *Sem'ya. Roman* [Family. Novel]. Nalchik: Elbrus, 2004. 200 p. (In Kabardino-Circassian)
- KALININ A.V. *Leksika russkogo yazyka* [Vocabulary of the Russian language]. M.: Publishing House of Moscow State University, 1978. 232 p. (In Russian)
- CASARES H. *Vvedenie v sovremennuyu leksikografiyu* [Introduction to modern lexicography]. M.: Izd-vo in.lit., 1958. 354 p. (In Russian)
- KUMAKHOVA Z.YU., KUMAKHOV M.A. *Funkcional'naya stilistika adygskih yazykov* [Functional style of the Adyghe languages]. M.: Nauka, 1979. 360 p. (In Russian)
- KESHOKOV A. *Korni* [Roots] IN: Collected works in six volumes. Vol. 5. Nalchik: Elbrus, 2006. 3–370 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah* [Collected works in four volumes]. Vol. 1. Nalchik: Elbrus, 1984a. 600 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah* [Collected works in four volumes]. Vol. 2. Nalchik: Elbrus, 1984b. 856 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Kurinaya slepota* [Chicken blindly] IN: Collected works in six volumes. Vol.5. Nalchik: Elbrus, 2007. 19–51 p. (In Kabardino-Circassian)
- KARMOKOV M. *Izbrannoe. Kniga tret'ya. Roman. Rasskazy* [Favorites. Book three. Novel. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2004. 536 p. (In Kabardino-Circassian)
- MURAT V.P. *Ob osnovnykh problemakh stilistiki* [On the main problems of style]. M.: Publishing House of Moscow. un-ta, 1957. 44 p. (In Russian)
- NALOEV Z. *Sladost' gorechi. Povesti* [The sweetness of bitterness. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2012. 368 p. (In Kabardino-Circassian)
- NALOEV Z. *Odinokij zhuravl'* [Lonely Crane]. Nalchik: Elbrus, 1981. 400 p. (In Kabardino-Circassian)
- PIATROVSKY R.G. *Ocherki po stilistike francuzskogo yazyka: morfologiya i sintaksis* [Essays on the style of the French language: morphology and syntax]. L.: Uchpedgiz, 1960. 224 p. (In Russian)
- THARKAKHO YU.A. *Stanovlenie stilej i norm adygejskogo literaturnogo yazyka* [Formation of styles and norms of the Adyghe literary language]. Maykop: Adyg. otd. Krasnodar. book. publishing house, 1982. 190 p. (In Russian)
- URUSOV KH. SH. *Prakticheskaya stilistika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Practical style of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Elbrus, 2002. 208 p. (In Kabardino-Circassian)
- KHAKHOV S. *Serdcevin: rasskazy, povesti* [Core: stories, novels]. Nalchik: Elbrus, 2008. 602 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHORTANOV A. *Gorcy. Pervaya kniga*. [Highlanders. First book]. Nalchik: Elbrus, 1978. 383 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHORTANOV A. *Gorcy. Vtoraya kniga* [Mountaineers. The second book]. Nalchik: Elbrus, 1975. 403 p. (In Kabardino-Circassian)
- SHAUKO ZH., KUBA B. *Stilistika adygejskogo yazyka* [Stylistics of the Adyghe language]. Maykop, 1974 (In Adyghe).

Авторым теухуауэ

Токмакъ М.Хъ. – филологие шлэныгъэхэмкIэ кандидат, доцент, адыгэбзэ секторым и лэжъаклуэ нэхъыжъ.

Информация об авторах

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the authors

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023 ; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 15.11.2023

ЗЭРЫУПШЦЭ ТЕШЭМ И МОРФОЛОГИЕ НЭЩЭНЭГЪЭЛЪАГЪУЭХЭР АДЫГЭБЗЭМ

Хэжэ Залинэ Рашад ипхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ кърал бюджет шIэныгъэ лъэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Хэжэ З.Р., 2023

Аннотаци. Лэжыгъэр теухуаш адыгэбзэм зэрыупшцIэ тешэр морфологии и лэныкъуэклIэ къэгъэлъэгъуа зэрыхуу шыкIэхэм. Тешэм ехъэлIа шIэныгъэ лэжыгъэхэм кызырыхэшымыкIэ, зэрыупшцIэ мыхъэнэ зиIэ гъэпсыкIэхэр тешэ парадигмэм и лэужыгъуэхэм хэбгыхъэныр икIэм нэсу убзыхуауэ шыткъым. Статьям кы-хош апхуэдэ еплъыкIэр нэхъыбзу кызыхэкIыр языныкъуэ бзэлъэхушцIэхэм упшцIэм уасэхуэщI кымыгъэлъагъуэу кызыралытэр зэрыарар.

ДызэригугъэмкIэ, зэрыупшцIэ гъэпсыкIэхэм уасэхуэщI мыхъэнэ ямыIэу къэплыгъэ-тэныр пэжкъым, сыту жыпIэмэ, псалъэухамрэ уасэхуэщIымрэ зэпхаш, икIи упшцIэм уасэхуэщI имыIэу убжыныр псалъэухам уасэхуэщI имыIэу къэплыгъэным хуэдэш.

Мы упшцIэм ди еплъыкIэр нэхъыбзу кышыгъэлъэгъуаш тешэм теухуа шIэныгъэ лэжыгъэмрэ зэрыупшцIэ тешэм и уасэхуэщIым теухуа статья щхъэхуэхэмрэ [2015 а, 2015, 2022].

Лэжыгъэм кышыдгъэлъэгъуаш, зэрыупшцIэ тешэм уасэхуэщI къалэн нэхъыш-хъуу упшцIэныгъэ мыхъэнэ зэриIэр икIи псалъэухам упшцIэр Iэмал зэхуэмыдэхэмкIэ хэлъхъа зэрыхуэр. Адыгэбзэм зэрыупшцIэ тешэр лэужыгъуиплIу бгуэш хъунуш, абы и къэхукIэкIи и зэхэлъыкIэкIи тешэм и нэхъ къулей лэужыгъэхэм яшышцI.

Статьям кышыдгъэсэбэпаш БишIо Б.Ч. (ф. шI. д.) адыгэбзэкIэ зэридзэкIа бзэшIэныгъэ фIэшыгъэцIэхэмкIэ урыс-адыгэ псалъальтэм хэт бзэ къэхуэгъуэхэр.

Зэрыгуауэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, уасэхуэщI, тешэ, зэрыупшцIэ тешэ, лэжыгъэцIэ, лъабжьэужь, ит зэман, блэкIа зэман, къэкIуэну зэман

Цитатэ кызырыхэнхыну: Хэжэ З.Р. ЗэрыупшцIэ тешэм и морфологии нэщэнэгъэлъагъуэхэр адыгэбзэм // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 80–88. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-80-88

Original article

MORPHOLOGICAL WAYS OF EXPRESSING INTERESTING MODALITY IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zalina R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2023

Abstract. The article is devoted to morphological ways of expressing interrogative modality in the Kabardino-Circassian language. In the specialized literature, the problem of the interrogative is considered one of the most debatable, since there is an opinion that the interrogative mood is not so much a modal formation proper, but a means of representing the purpose of the statement, which casts doubt on the very existence and expediency of highlighting this mood. It is noted that in connection with the fact that modality contains the speaker's assessment of the correlation of the content of the sentence with reality, it is necessary to recognize the modal meaning of the question, since the sentence and modality, in principle, are inseparable from each other. In this aspect, the monographic study and a number of scientific articles by the author of this publication are informative, where, based on the morphological and syntactic principle, the place of interrogative forms in the paradigm of moods of the Kabardino-Circassian language is determined [201a, 2015, 2022].

The article deals with the forms of the interrogative mood, which, as a rule, are identified with the functionally corresponding forms of the Indo-European languages, especially the Russian language. However, in the Russian language interrogative forms are expressed only in semantic-syntactic and intonational ways, while in the Kabardino-Circassian language these forms are also characterized by morphological features.

The study concludes that the Kabardino-Circassian language has several subspecies within the interrogative mood. This is explained by the specifics of the content of this mood – the presence in it of an interrogative meaning, usually accompanied by interrogative intonation and the richness of shaping and a wide range of its use in speech.

The system of Adyghe linguistic terms developed by Doctor of Philology Bizhoyev B.Ch. was used in the work.

Keywords: Kabardino-Circassian language, modality, mood, interrogative mood, verb, suffix, present tense, past tense, future tense

For citation: Khezheva Z.R. Morphological ways of expressing interesting modality in the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 80–88. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-80-88

Научная статья

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Залина Рашиadowна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zalinathamadokova9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2023

Аннотация. Статья посвящена морфологическим способам выражения вопросительной модальности в кабардино-черкесском языке. В специальной литературе проблема интеррогатива считается одной из самых дискуссионных, поскольку существует мнение, что вопросительное наклонение не столько собственно модальное образование, сколько средство репрезентации цели высказывания, что ставит под сомнение само наличие и целесообразность выделения данного наклонения. Отмечается, что в связи с тем, модальность содержит в себе оценку говорящим соотносительности содержания предложения с действительностью, нужно признать за вопросом модальное значение, так как предложение и модальность, в принципе, неотделимы друг от друга. В этом аспекте информативны монографическое исследование и ряд научных статей автора данной публикации, где на основе морфолого-синтаксического принципа определено место вопросительных форм в парадигме наклонений кабардино-черкесского языка [2015a, 2015, 2022].

В статье рассматриваются формы вопросительного наклонения, которые, как правило, отождествляются с функционально соответствующими формами индоевропейских языков, в особенности русского языка. Однако в русском языке

вопросительные формы выражаются только лишь семантико-синтаксическими и интонационными способами, в то время, как в кабардино-черкесском языке данные формы характеризуется еще и морфологическими признаками.

В исследовании делается вывод, что кабардино-черкесском языке выделяется несколько подвидов внутри вопросительного наклонения. Объясняется это спецификой содержания данного наклонения – присутствием в нем вопросительного значения, обычно сопровождаемого вопросительной интонацией и богатством формообразования и широким диапазоном его применения в речи.

В работе использована система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, модальность, наклонение, вопросительное наклонение, глагол, суффикс, настоящее время, прошедшее время, будущее время

Для цитирования: Хежева З.Р. Морфологические способы выражения вопросительной модальности в кабардино-черкесском языке // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 80–88. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-80-88

Тешэ категорэр и зэхэлъыклэклэ, и ухуэклэклэ, и къэхъуклэклэ къызэрымыклуэу гугъущ, абы и джыным, парадигматикэр зэпкърыхыным упщлэу къыгъэуу псор апхуэдизклэ куэдщи, зы мардэм ибгъэууэныр къызэрымыклуэу гугъущ. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и тешэ категорэм къегъэлъагъуэ лэжыгъэр, щытыклэр зыхуэдэн хуейм зэрыхушытыр. Тешэ категорэр къэгъэлъэгъуа мэхъу лъабжьэгъусэ зэмылэужыгъуэхэмклэ, къэпсэлъыклэклэ, макъщыклэклэ.

Зэрыгурылуэгъуэщи, тешэр убзыхунымклэ нэхьыбэу тегъэщлэлэ хъуар жъабзэм и къалэныр къыгъэлъагъуэнырщ. Щлэныгъэ-къэхутэныгъэ лэжыгъэхэм къызэрагъэлъагъуэмклэ, уасэхуэщлым (уасэхуэщл лэжыгъэцлэхэм) псалъэр къызыбгъэдэклым луэху и еплъыклэр, абы зэрыхушытыр, и зыхэщлэ, и гурыщлэр къызэригъэлъагъуэр. Псалъэм папщлэ, зэрыупщлэ псалъэухами зэралуатэ псалъэухами къагъэлъэгъуэнур зы мурад пыухыклауэ щытми, контекстхэм уасэхуэщл и лъэныкъуэклэ лэмал имылэу зэщхьэщыкыныгъэ ялэнущ [Хежева 2022].

Адыгбзэм зэрыупщлэ уасэхуэщл зилэ гъэпсыклэхэр мыхьэнэ къагъэлъагъуэмклэ индоевропеибзэхэм, псом нэхьэр нэхьыбэу, урысыбзэм, техуэу къалыгтэ. Ауэ, зэрытщлэщи, урысыбзэм зэрыупщлэ гъэпсыклэхэр къэгъэлъэгъуа зэрыхъур синтаксис лэмалхэмрэ макъщыклэмрэх. Адыгбзэхэм, къэбэрдей-шэрджэсыбзэри къыдэклуэу, зэрыупщлэ тешэр синтаксис, мыхьэнэ, макъщыклэ къэгъэлъэгъуэклэхэм къышчымынэу, морфологие нэщэнэхэри илэщ.

Тешэхэр уасэхуэщл къызэрагъэлъагъуэ илэныкъуэклэ къапщтэмэ языныкъуэхэм зэдауэ къыхэмыкылу зыхуэпхь хъунур гурылуэгъуэщ, языныкъуэхэми, псалъэм папщлэ, зэрыупщлэ тешэм, упщлэр лэмал куэдклэ къэгъэлъэгъуа зэрыхъум къыхэкклэ, тешэ системэм хэбгъыхьэ хъунрэ мыхъунрэ гурылуэгъуэкъым. Адыгбзэщлэныгъэм тешэм ехьэллэ лэжыгъэхэм къызэрыхэщымклэ зэрыупщлэ гъэпсыклэхэм уасэхуэщл мыхьэнэ ямылэу, атлэ псалъэухам и къалэн нэхьыщхьэр къыгъэлъагъуэу къалыгтэ [Зекох 1991: 109]. Зэрыгурылуэгъуэщи, мыпхуэдэ еплъыклэм зэрыупщлэ гъэпсыклэ зилэхэр тешэ парадигматикэм и лэужыгъуэхэм ящыщу къэплъытэныр захуэкъым.

Морфологием ехьэллэ къэхутэныгъэ-лэжыгъэхэм къызэрыхэщымклэ, зэрыупщлэ гъэпсыклэхэр тешэ парадигмэм хэбгъыхьэныр захуэкъым. Псалъэм папщлэ, Зекох къызэрилъытэмклэ, зэрыупщлэ мыхьэнэ зилэ псалъэухахэр уасэхуэщлтеклэ къэгъэщыгъуэщ, языныкъуэ тешэхэм къытеклауэ ебж икли абы къыхэкклэ тешэу убж хъунукъым [Зекох 1966:161]. Нэгъуэщл еплъыклэ мы луэхугъуэм теухуауэ къыгъэлъэгъуащ Щауэ Ж.А. Щлэныгъэллым зэрыупщлэ гъэпсыклэхэм уасэхуэщл мыхьэнэ илэу къелыгтэ, сыту жьплэмэ, псалъэухамрэ уасэхуэщлымрэ гуэх ямылэу зэпхаш: Упщлэм уасэхуэщ имылэу убжыныр псалъэухам уасэхуэщл имылэу къэплъытэным хуэдэщ [Шаов 1965:109]. Авторым зэрыупщлэ тешэр убгъуауэ зэпкърех, лыхьэ зыжанэ къыхегъэкл икли тешэ системэм хэтхэм мы лэужыгъуэр нэхь гугъу дыдэхэм щыщу елыгтэ.

Зэрыупшцлэ гъэпсыклэхэр тешэм хигъыхэкъым Къумахуэ I.A. Щэныггэллым и лэжыггэхэм зэрыупшцлэ мыхьэнэ зилэ гъэпсыклэхэмрэ мыхьуныггэ гъэпсыклэхэмрэ зэхэту зы лыхьэм шызэпкърихашц [Кумахов 1971: 242].

Шэч хэмылгу, зэрыупшцлэ тешэм и уасэхуэщл кьалэн нэхьышхьэр упшцлэныггэ мыхьэнэ кьэггэлгэггуэнырщ.

Адыгэбзэ псалтэухам упшцлэныггэ мыхьэнэр лэмал зэхуэмыдэхэмклэ хэлъхьа мэхьу:

- 1) макъщлхьклэклэ
- 2) льябжэужь хэхахэр лэжыггэцлэм пыувэклэрэ
- 3) псалтэклапэ *нлэрэ* пыувэклэрэ.

Зэрыупшцлэ тешэр ллэужыггуиплгу бгуэш хьунушц:

1. Зэрыупшцлэ дьдэ тешэ
2. Гъэщлаггуэныггэ зыхэлъ зэрыупшцлэ тешэ
3. Шэч кьытехэныггэ зэрыупшцлэ тешэ
4. Шыхьэт техьуэ зэрыупшцлэ тешэ

Зэрыупшцлэ дьдэ тешэ

Ит зэманым ит лэжыггэцлэ хьейхэм льябжэужь *-рэ* япыувэрэ кьохьу зэрыупшцлэ дьдэ тешэм и гъэпсыклэр: [*Мэмэт-цлэ*кгуэ и кгуэм *жрелэ:*] – *Мо шыр цлэ*кгуэр *пльаггуэрэ?* *Жэ, кьэубыди, ууейш. Ухуеймэ, кьыпхуэзуклэныц* [Кышчокгуэ 2006: 72]. *Укгуэрэ, Аслээн?* – *жилэри Ахьмэд и шынэхьышцлэм кьеушцлаш, ар Мадинэ зэрыбггэдэтыр а ушцлэмклэ зытрильэщлхьыкгуэрэ* [Лэдэмокуэ 1959: 41]. *Сыт, Кгуэсэринэ, сыту лейуэ зуплхьхэрэ, ушцлашцлэрэ?* – *гу лъитащ абы Кьарэ* [Клэрэф 2009: 555].

Льябжэужь *-рэ* пыувэрэ блэкла зэманым ит лэжыггэцлэм кьытекла зэрыупшцлэ тешэр мыхьуныггэ гъэпсыклэм ит хабзэщ: *Уэ зым флэкл а шы жаггьыныр кьэзышцэхун мы дунеижьым цхьэ кьытемыхьларэ?* [Клэрэф 2009: 153]. *Беслэней цлалэм ар иггэщлэггуашц: «Кьуажэм кьэсащ, зиггэпсэхуну хуеймэ, зыгуэрым и хьэщлэщ цхьэ цымыггуэлгэрэ?* [Мафлэдз 1974: 90]. *«Шхьэ сшабзышца?» – иггэкгуанишэрт Амиран зыплатлри. – Зыгуэр кьызгурыгуэ зэрыхьуу цхьэ кьызжсамыхьларэ?* [Шэджыхьэщлэ 1989: 57].

Сыкгуэнрэ, седжэнрэ жыхуилэхэм хуэдэ лэжыггэцлэхэр зэрыупшцлэ тешэм и шапхьу кьэтлгытэнэ кьозэгг. Ауэ кьыжылэн хуейш мыпхуэдэ лэжыггэцлэхэр контекстым хэмыту кьызэрамыггэсэбэпыр икли сыт шыггуи мыхьуныггэ гъэпсыклэм иту кьэклау псалтэрэ псалтэзэпышцлэ хьэмэ жыхуилэмрэ яшцлыггуу зэрышцытыр: *седжэнрэ хьэмэ семьдженрэ, сытхэнрэ хьэмэ сымытхэнрэ? Пшцлэрэ уэ, сэ а уи мыхьурыр зытель реестрхэр абы лэрызггэхьэмэ, уи лъапсэм Кьазий-Мухьэмэд псы зэрыриггэжыхьыжыну?* *Пшцлэрэ хьэмэрэ умышцлэрэ?* [Шортэн 2016: 472].

Бзэм куэдрэ кьышчокгуэ льябжэужь *-рэ* зыпыт зэрыупшцлэ псалтэхэм псалтэклапэ *-млэ* яшцыггуу: *семьдженрэ-млэ, сымыкгуэнрэ-млэ, укгуэрэ-млэ? Соуклытэри араш, – жилэщ нысащлэми и тхьэклумитл кьыпылэлыр нишыхьлыу шцлидзащ.– Анхуэдизу цхьэ ужьэггуаишхэрэ-млэ?* [Таурыхьхэр 1975: 20].

Льябжэужь *-рэ, -т*–хэр зэщцыггуу лэжыггэцлэм пыувэрэ кьэггэлгэггуа мэхьу зэрыупшцлэ тешэм и гъэпсыклэр: *Жанболэт, уэ си адэр флэгуэ пшцлхьхэрэ?* [Мафлэдз 1974: 87]. *Зэзэмызэххэ хьэлгэ-хьэлгэу псалтэ закгуэтлэкуэ кьышцыхидзэ цылэт, ахьумэ – адрейм жалэм едагуэрэт, хьэмэ емьдлгэххэрэ?* [Клэрэф 2009: 234].

Зэрыгурыгуэггуэщи, упшцлэ мыхьэнэ ялэщ зэрыупшцлэ цлэпапшцлэ зыхэт псалтэухахэм. Мыпхуэдэ псалтэухахэм хэт лэжыггэцлэхэр кьэклуэну шыз е блэкла зэманым итщ икли зэман кьэзыггэлгаггуэ *–ну, -а*–хэм льябжэужь *–рэ* япыувэ хабзэщ: *Кьышцлхьэхэм Бабьнэ кьырагуэкл, «Иджы даншцэщ нысэ кьэтишэуэ гуфлэгуэ дыкьышцыпхуэклгунур?» – жалэу* [Хьэхьупашцлэ 1961: 34]. *Анхуэдиз*

илъэс лъандэрэ *І*пхлгъэхуу зыІыгъа гуІэгъуэм кыххынкІэ хъуну шынагъуэр кыгурыІуу иджыпстуц цегупсысар: хъуниц, къэбгъуэтыжащ, зыпІахэм я деж укІуащ, е уэрамым уцыхуэзащ, **сыт** уэ абы **жесІэнур**? [ШэджихъэшІэ 1989: 35]. *Щ*алитІыр нэцхъейуэ щилъагъум, нэхъыцІэр аргуэру еутиІащ: – **Дауэ шыгъажэр нобэ зрекІуэкІар?** **Хэт** нэхъыцІэм цхъэгъусэ **хуэхъуар?** – жиІу [Таурыххэр 1975: 54].

ЗэрыупщІэ тешэр куэд дыдэрэ макъщыкІэкІэ къэгъэлъэгъуа мэхъу: *Нэчыхы?.. Нэчыхри зэманьжъым кыщІІэна хабзэ мыхъумыщІІэхэм ящыц зыц* [КІэрэф 2009: 67]. – *Мыр шыгу жыхуаІэращ, цІалэ, мыр абы и ш-шэрхъыриц, кыбгъурыІуа?* – а псалъэ дыдэхэмкІэ жэуап кытыжащ цІалэм [Таурыххэр 1975: 42]. *Мыбы псибл Іум?* *Хъэмэрэ... Шэрджэс цІалэхэр зыгъэлъапІуу цытар Щам зэрашэрт* [МафІэдз 1974: 74].

ЛэжыгъэцІэхэм ямызакъуэу цІэ псалъэ лъэпкыгъуэхэми упщІэныгъэ макъщыкІэ яІуу къэкІуэнкІэ хъунуц: – *Адыгэбзэ, – кыІурегъэпкІ офицерым и Іунэ Іуыр. – Адыгэбзэ. Адыгэ... Дэнэ цыпсэур?* – *Кавказым. – А-а, шэрджэс?* [ШэджихъэшІэ 1987: 60]. *Нартхэм я зэманми сцІэркыым. Бахъсэн хуэдэт, хъэмэ Балькът, е Урыхут?* [КІэрэф 2009: 189].

Шэч кытехъэныгъэ зэрыупщІэ тешэ

Псалъэклапэ *нІэрэ* пыувзурэ къэхъуа зэрыупщІэ тешэм къэгъэлъагъуэ псалъэр жызыІэм шэч кызытрихъэ лэжыгъэ е щытыкІэ. Нэхъыбэрэ псалъэклапэ *нІэрэ*-м пыувэр лъабжъэужь -у/-уэ–хэмкІэ къэхъуа ІуэхудэкІуэхэращ. Мыпхуэдэ щыкІэкІэ къэхъуа зэрыупщІэ тешэм и гъэпсыкІэр итыфынуц блэкІа зэманми, къэкІуэну зэманми, ит зэманми.

Ит зэманым: *Ярэби, ди Алексей Петрович имылъагъуу нІэрэ а зи цхъэфэр тегъукІа хъэсэхэр? Дауи, илъагъун хуейц.* [Шортэн 2016: 256]. *Ар Астемыр и гум къэкІри унэмкІэ плъащ, Думэсарэ гъунэгъуу щыту нІэрэ, жиІэри* [КІыщокъуэ 2005а: 498]. [Мадинэ]: *Мы нарыхур хъысэжар дауи Аслъэниц, икІи абы шэч хэлъкыым, ауэ куэд цІауэ нІэрэ зрыхисэжэр? Езыри дэнэ щыІуу нІэрэ? Псынащхъэм Іусу нІэрэ?* – жиІэурэ Мэшыкъуэ псымкІэ кІуэну ежъащ [Іэдэмокъуэ 1959: 40].

КъэкІуэну зэманым: *Езы Фаризи абы есати, кыщыщІлар кыгурымыІуащэу «дэнэкІэ кыщыкыуэкІыну нІэрэ, нобэ сыту нІэрэ кызэжиІэнур?» – жиІэунэплъэ хъуат..* [КІэрэф 2009: 40]. *Мы сэ кысхуэтиІлар пхуэсцІэжыфыну нІэрэ, Елдар?* – *жиІэрт Астемыр* [КІыщокъуэ 2005: 210]. *Догуэ, Нурхъэлий, уэ гъукІэ Бот деж куэдэрэ укІуэу слъэгъуащ. ІункІыбзэ быдэ пхуэмыщІыну нІэрэ?* [КІыщокъуэ 2005а: 187].

БлэкІа зэманым: *Ярэби, зыри имылъуэ нІэрэ абы, и закъуэ дыдэу псэуа апхуэдэу?* – *сеутиІащ сэ Хъэнифэ, арат кызэпсэлъылІэри* [КІэрэф 2009: 12]. *Дауэ хъуауэ нІэрэ* Елдар, дэнэ нэса, зыхуэмызэн *хуэмызауэ нІэрэ?* [КІыщокъуэ 2005а: 166].

БлэкІа жыжъэ зэфІэкІа зэман: *Дохутырыр сымаджэм еІэзэгъауэ нІэрэ? А махуэм тхылъыр стІолым телъыгъауэ нІэрэ?*

ГъэщІагъуэныгъэ зыхэлъ зэрыупщІэ тешэ

ЗэрыупщІэ тешэм хыхъуэ къэтлгытэ хъунуц лъабжъэужь -уи пыувзурэ къэхъуа гъэпсыкІэхэри. Мыпхуэдэ щыкІэкІэ къэхъуа зэрыупщІэ тешэм гъэщІагъуэныгъэ мыхъэнэ хэлъщ. Лъабжъэужь -уи пыувзурэ къэхъуа зэрыупщІэ тешэм ит лэжыгъэцІэхэр ит, блэкІа, блэкІа жыжъэ зэфІэкІа, къэкІуэну щыз зэманхэм ит лэжыгъэцІэ хъейуи, мыхъей лэжыгъэцІэуи щытынкІэ хъунуц.

ЛэжыгъэцІэ хъейхэми, мыхъей лэжыгъэцІэхэми я псалъэпкыым лъабжъэужь -уи пыувзурэ къохъу зи гугъу тщІы зэрыупщІэ гъэпсыкІэр: *сцІыуи?*, *дыщытуи?*. –

Дзэ нсо **кьежэуи?** – игэцлэггьуац Гьуэгүл. Сьту мыкыларэ зы лы закьуэм дзэ нсо кьежэну? [Журт 2004: 68]. – Пыцым **еныкьуэкьунуи?** Анхуэдэ пицы лэцым **зрпцытыфынуи?** Хьэуэ, анхуэдэ джанэр зезыхьэну хуитыр пицылхуэхэм я закьуэц [Мэлбахуэ 1986: 70]. – Уэ мыбы **уцылэуи?** – сеупшлэц абы, зэхэсхыр тельдыжэ сьыхуауэ [Шэджихьэцлэ 1989: 123].

Кьэкьуэну шыз зэманым и псалъэкьым льябжьэужь -уи пыувээрэ кьохуэ зэрыупшлэ гьэпсыклэ: **Ебгьэдэжэнуи?** Адыгэр бэлиэвыч тхыль **ебгьэдэжэнуи?** [Кышчокьуэ 2005: 123]. Мэтхэныр хэкум тет **щацлынуи?** – жиуэ цлэупшлэрт Инал, кьыжралар и флэц мыхуу [Кышчокьуэ 2005 а: 416]. Лэсу пцэдэжэжэ кьэс мастерскойм нэс **дыкьэкьуэнуи?** Езы председателы кьрекьуи ирелажэ [Шэджихьэцлэ 1987: 147].

Блэкла зэман кьэзыггэлгагьуэ льябжьэужь -а-м льябжьэужь -уи пыувээрэ кьохуэ зэрыупшлэ тешэм и гьэпсыклэр: **сепляуи?, шауи?, цыльауи?. Нэклэсауи?** [Матренэ] Пацтыхьыр уэ **бгьэшынауи?** [Кышчокьуэ 2005 а: 487]. – Сьт жыплэр, Хьэбыж, Бетлал мыбы **кьытехьауи?** – цлоупшлэ лы нацхуэр [Хьэхуапшлэ 1961: 55].

Блэкла жьжэ эфлэкла зэманым и псалъэкьым льябжьэужь -уи пыувээрэ хьей лэжыггэцлэхэми, мыхьей лэжыггэцлэхэми зэрыупшлэ тешэм и гьэпсыклэр кьатокл, ауэ мыпхуэдэ гьэпсыклэхэр бзэм куэдрэ кьышаггэсэбпыркьым: **цыльыггьауи, сыцытыггьауи. Тхыль гьэцлэггьуэн седжэггьауи? Псы лүфэм сылутыггьауи?**

Лэжыггэцлэхэм кьадэкуэу зэрыупшлэ тешэ кьэзыггэлгагьуэ льябжьэужь -уи цлэ псалъэ лэпкыггьуэхэми япыувэнклэ хьунуш. Псалъэм папшлэ:

Плыфэцлэхэм: – **Юэ, зыри цлымыггьуу, зыри клэрымыхуу, хьурейбзэуи?! – Долэт зыри жилакьым** [Клэрэф 2009: 156].

Шылэцлэ унейхэм: **Цыхубзым и цлэр жила цужэ сызыцлогупсыкыл. Сэ Фатимэт я цлэу мацлэ сьлхуркьым, ауэ мыр хэт? Кьулъкьужынуи?** [Хьэхуапшлэ 1961: 14].

Шылэцлэ зэдайхэм: **Ректорым и кьуэдзэуи?! Алыхьым сыцихьумэ а ректорым и фыз дэпсэлъей цлыкьум зриггэцлэикьуэ «Волгэм» ису кьиклхуэ, сэри машинэжэ гүэр кьыслгаггэсыну нлэрэ жыслэу зыспытлзысхуэу сыкьэнэну, сылэмэ нэхьыфли абы нэхьрэ!** [Тыуаршы 1994: 20].

Шыхьэт техуэ зэрыупшлэ тешэ

Бзэм дышрохьэллэ льябжьэужь –кьэ / –ркьэ пыувэклэрэ кьэхуа зэрыупшлэ тешэ гьэпсыклэм. Мыпхуэдэ шыкьлэклэ кьэхуа зэрыупшлэ тешэм кьеггэлгагьуэ псалъэр жызылэр арэзыггэ жэуапклэ зышыгугь упшлэ. Мыпхуэдэ гьэпсыклэхэм йоувэ:

Ит зэманым: **Фи жеин кьакьуэркьэ?** – Хьэуэ, жэц ди куэдиц иджыри [Клэрэф 2009: 513]. – **Фи кьуажэ. Фи пцлантлэр, хадэр сохьумэ, – ирихьэхац и цхьэр Фулэд. – Кьуажэбгьу дьдэр кьыхэпхац, ушынаркьэ?** [Шэджихьэцлэ 1989: 73]. Бэтокьуэ иджы **лэцылхуэ бгьэдэлэ хуац. ар – цхьэхуитиц, пцыллыжкьым, кьилэжыыр нэггьуэцлэым хуихьынкьым. Кьыбгурылэуэркьэ?** [Шортэн 2016: 302].

Блэкла зэманым: **Шэри, шхури, шатэри ди тыкуэнхэм цлэу цлэлыну жалэри жэмыжэ зырызыр цлэдубыдэжауэ цытакьэ?** [Шэджихьэцлэ 1989: 139]. Псалъэклэ яггэшынам Бибеи цыцкьым. Абы и кьуэр **плээггьуакьэ?** И цхьэр паупшлэны **теуцлыкьылэм ирашэллат, итлани уишхыным хуэдэт** [Мафлэдз 1974: 11].

Блэкла жьжэ эфлэкла хэманым: **Промбыткомбинатым цлалэ хьарзынитл кьиклри тхуацлыжац. Сэ звонит сцлауэ цытыггьакьэ?** [Клэрэф 2009: 559].

Кьэкьуэну шыз зэманым: **кьэкьуэнукьэ? Шыхэри яггэкуэнукуэ?** – кьэгузэвауэ шлоупшлэ Хьэзешэ [Мэлбахуэ 1986: 320]. – **Уэ езыр, лимам, зэ а ди хэкумклэ**

унызэпрыкI хъунукъэ? – Бэрэздэж мацIэу зыкыIэтац, Щамел цIыхъ хушцIу [Шортэн 2016: 941].

Гуэлыхъэ:

Адыгэбзэ – кабардино-черкесский язык

БлэкIа зэман – прошедшее время

БлэкIа жыжъэ зэфIэкIа зэман – давнопрошедшее время, прошедшее совершенное время, плюсквамперфект I

Грамматикэ категорэ – грамматическая категория

ГъэпсыкIэ – форма

Жъабзэ – речь

Зэман – время

ЗэраIуатэ тешэ – изъявительное наклонение

ЗэрыушцIэ тешэ – вопросительное наклонение

Категорэ – категория

КъэкIуэну зэман – будущее время

КъэкIуэну шыз зэман – будущее II, будущее категорическое, будущее фактическое, футурум II

ЛэжыгыгъэцIэ – глагол

Лъабжыгъусэ аффикс

Лъабжыэпэ – префикс

Лъабжыэужь – суффикс

МакъшыкIэ – интонация,

Мыхъэнэ – значение, семантика, смысл

Мыхъей лэжыгыгъэцIэхэр – статические глаголы

Мыхъуныгъэ – отрицание

ПсальэкIапэхэр – частицы

Псальэпкъ – основа слова

УасэхуэщI – модальность [Бижоев 2022].

**ТегъэщIапIэхэр
Список источников**

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словари лингвистических терминов. Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2022. 172 с.

Журт 2004 – *Журт Б.* Къу. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.

Зекох 1966 – *Зекох У.С.* К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. С. 158–174.

Зекох 1991 – *Зекох У.С.* Очерки по морфологии адыгейского языка. Майкоп: АНИИ, 1991. 192 с.

Кумахов 1971 – *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Издательство «Наука», 1971. 341с.

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М.Ж.* Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н.

КIыщокъуэ 2005 – *КIыщокъуэ А.П.* Хъуэпсэгъуэ нур. Роман. Тхыгъэхэр томиным шызэхуэхэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н.

КIыщокъуэ 2005а – *КIыщокъуэ А.П.* Эмирым и сэшхуэ. Мазэ ныкъуэ шхъуантIэ. Романхэр. Тхыгъэхэр томиным шызэхуэхэсауэ. III том. Налшык: Эльбрус, 2005. 752 н.

КIыщокъуэ 2006 – *КIыщокъуэ А.П.* Лъапсэ. Роман. Рассказхэр. Тхыгъэхэр томиным шызэхуэхэсауэ. V том. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н.

МафIэдз 1974 – *МафIэдз С. Хъ.* ЩIакIуэ фIыцIэ. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1974. 240 н.
Мэлбахъуэ 1986 – *Мэлбахъуэ Е.Т.* Гуашхъэмахуэ кIуэ гъуэгур шынагъуэт. Роман. Налшык: Эльбрус, 1986. 383 н.

Таурыххэр 1975 – Аслъэн сымаджэ. Таурыххэр. Налшык: Эльбрус, 1975. 152 н.

Тыуаршы 1994 – Тыуаршы А. Нобэ, е зэи. Роман. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапцэ, 1994. 424 н.

Хежева 2015а – *Хежева З.Р.* Вопросительное наклонение как средство репрезентации вопросительной модальности в адыгских языках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра Российской Академии наук. 2015. № 2 (64). С. 241–245.

Хежева 2015 – *Хежева З.Р.* Семантико-грамматическая характеристика категории наклонения в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 135 с.

Хежева 2022 – *Хежева З.Р.* Функционирование изъявительного наклонения в кабардино-черкесском языке Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 451–460.

Хъэхьуащцэ 1961 – *Хъэхьуащцэ Хъ.Хъ.* Нысащцэ. Рассказ. Налшык: Къабэрдей-Балькър тхыль тедзапцэ, 1961. 161 н.

Шаов 1965 – *Шаов Ж.А.* Категория наклонения в адыгейском языке // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский Государственный педагогический институт, 1965. Вып. 1. С.93–114.

Шэджыхъэщцэ 1987 – *Шэджыхъэщцэ Хъ.Тл.* Тэрч шыхъэтщ. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н.

Шэджыхъэщцэ 1989 – *Шэджыхъэщцэ Хъ.Тл.* Мазизэ. Повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1989. 292 н.

Шортэн 2016 – *Шортэн А.Тл.* Бгырысхэр. Роман-эпопее. Налшык: Эльбрус, 2016. 1224 н.

Иэдэмокъуэ 1959 – *Иэдэмокъуэ М.Н.* Аслъэнрэ Мадинэрэ. Черкесск, 1959. 78с.

References

Asl'en symadzhe: Taurykh" kher [Sick lion. Fairy tales]. Nalchik: Elbrus, 1975. 152 p. (In Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskij i kabardino-cherkessko-russkij slovari lingvisticheskikh terminov* [Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian dictionaries of linguistic terms]. Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2022. 172 p. (in Russ., in Kabardino-Circassian)

H'EKH"UPASHCHIE H'.H'. *Nysashchie. Rasskazkher* [Bride. Stories]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1961. 161 p. (in Kabardino-Circassian)

KHEZHEVA Z.R. *Voprositel'noe naklonenie kak sredstvo reprezentacii voprositel'noj modal'nosti v adygskikh yazykakh* [Interrogative inclination as a means of representation of questioning modality in adyghe languages]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk. 2015. № 2 (64). P. 241–245. (In Russian)

KHEZHEVA Z.R. *Semantiko-grammaticheskaya kharakteristika kategorii nakloneniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [Semantic-grammatical characteristics of the mood category in the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing Department of KBIHR, 2015. 135 p. (In Russian)

KHEZHEVA Z.R. *Zeralue tesher k"eberdej-sherdzhesybzem zeryhetyr* [Indicative mood in the Kabardino-Circassian Language]. IN: IJelektronnyj zhurnal «Kavkazologija». 2022. № 4. P. 451–460. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-451-460. (In Russian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *H"uepseg"ue nur. Roman. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. II tom* [A wonderful moment. Novel. Collected works in six volumes]. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 2. 488 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *Emiry i seshkhue. Maze nyk"ue shchkh"uantle. Romanher. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. III tom* [Saber for the emir. Valley of the White Lambs. Novels. Collected works in six volumes]. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 3. 752 p. (In Kabardino-Circassian)

KIYSHCHOK"UE A.P. *L"apse. Roman. Rasskazkher. Thyg"ekher tomihym shchyzekhuekh'esaue. V tom* [The roots. Roman. Stories. Collected works in six volumes]. Nalchik: Elbrus, 2006. Vol. 5. 552 p. (In Kabardino-Circassian)

KIEREF M.Zh. *L"euzh'e lleuzh'. Povesther* [Leave a mark]: stories. Nalchik: Elbrus, 2009. 572 p. (In Kabardino-Circassian)

KUMAKHOV M.A. *Slovoizmenenie adygskikh yazykov* [Inflection of the Adyghe languages]. M.: Publishing house "Nauka", 1971. 341 p. (In Russian)

MAFIEDZ S.H'. *Shchlakue flycle. Povest'* [Black burka. Tale]. Nalchik: Elbrus, 1974. 240 p. (In Kabardino-Circassian)

MELBAH'UE E.T. *Iuashchkh'emahue klue g''uegur shynag''uet* [Terrible way to Elbrus]: novel. Nalchik: Elbrus, 1986. 383 p. (In Kabardino-Circassian)

SHAOV ZH.A. *Kategoriya nakloneniya v adygejskom yazyke* [Mood category in the Adyghe language]. IN: *Adygejskaya filologiya*. Krasnodar: Krasnodar State Pedagogical Institute, 1965. Issue. 1. P. 93–114. (In Russian)

SHEDZHYH'ESHCHIE H'.TI.. *Terch shchhykh'etshch*. [Terek is a witness]. Nalchik: Elbrus, 1987. 392 p. (In Kabardino-Circassian)

SHEDZHYH'ESHCHIE H'.TI. *Maziza. Povest', rasskazkher* [Tale. Stories]. Nalchik: Elbrus, 1989. 292 p. (In Kabardino-Circassian)

SHORTEN A.TI. *Bgyryskher* [Highlanders]: epic novel. Nalchik: Elbrus, 2016. 1224 p. (In Kabardino-Circassian)

TYUARSHY A. *Nobe, e zei*. [Today or never]: Roman. – Cherkessk: Karachay-Cherkess book publishing house, 1994. 424 p. (In Kabardino-Circassian)

ZEKOKH U.S. *K voprosu o kategorii nakloneniya v adygejskom yazyke* [On the question of the category of inclination in the Adyghe language] IN: *Uchenye zapiski Adygejskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Maykop: Krasnodar book publishing house, 1966. P. 158–174. (In Russian)

ZEKOKH U.S. *Ocherki po morfologii adygejskogo yazyka* [Essays on the morphology of the Adyghe language]. Maykop: Adyghe Research Institute, 1991. 192 p. (In Russian)

ZHURT B.K''U. *Unag''ue* [A family]: novel. Nalchik: Elbrus, 2004. 200 p. (In Kabardino-Circassian)

IEDEMOK''UE M.N. *Asl''enre Madinere* [Aslan and Madina]. Cherkessk, 1959. 78 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Хэжъ З.Р. – филологие щлэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щлэныгъэ лэжъакIуэ нэхъыжъ.

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

The article was submitted 22.08.2023; approved after reviewing 17.09.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 15.11.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-89-96

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ
(введение в проблематику)**

Марьяна Рашидовна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© М.Р. Хежева, 2023

Аннотация. Основной целью настоящей статьи является выявление базовых способов репрезентации семантики малого количества в современном кабардино-черкесском языке. Выявлены грамматические, лексические, паремиологические средства выражения семантики малого количества. В статье проанализированы лексические средства репрезентации семантики определенно-малого и неопределенно-малого количества. Изучены грамматические средства выражения семантики малого количества, прослежены этноспецифические особенности функционирования основных (типичных) устойчивых выражений с семантикой конкретно-малого количества и неопределенно-малого количества. Отмечено, что семантика неопределенно-малого количества может выражаться в кабардино-черкесском языке существительными, обозначающими: малую частицу или часть чего-либо, мелких плодов растений, предметов обихода, малых единиц измерения веса и размера, малой денежной меры, малого временного периода, малый объем чего-л. Основной итог работы сводится к тому, что в кабардино-черкесском языке семантика малого количества выражается аналитическим и аффиксальным способом, кроме того, в кабардино-черкесском языке обнаружены языковые единицы с имплицитным значением малого количества.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык; числительное; семантика; количество; устойчивые выражения

Для цитирования: Хежева М.Р. Репрезентация семантики малого количества в кабардино-черкесском языке (введение в проблематику) // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 89–96. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-89-96

Original article

**REPRESENTATION OF SMALL QUANTITY SEMANTICS
IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE
(introduction to the issue)**

Maryana R. Khezheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, maryana.khezheva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9568-7751>

© M.R. Khezheva, 2023

Abstract. The main goal of this article is to identify the basic ways of representing small quantity semantics in the modern Kabardian-Circassian language. Grammatical, lexical, and paremiological means of expressing small semantics have been identified. The article analyzes the lexical means of representing the semantics of definite-small and indefinite-small quantities. The grammatical means of expressing the semantics of a small quantity have been studied, the ethnospecific features of the functioning of the main (typical) set expressions with the semantics of a concretely small quantity and an indefinitely small quantity have been traced. It is noted that the semantics of an indefinitely small quantity can be expressed in the Kabardian-Circassian language by nouns denoting: a small particle or part of something, small plant fruits, household items, small units of weight and size, a small monetary measure, a small time period, small volume of something. The main result of the work is that in the Kabardian-Circassian language the semantics of small quantity is expressed in an analytical and affixal way; in addition, linguistic units with an implicit meaning of small quantity have been discovered in the Kabardian-Circassian language.

Keywords: Kabardian-Circassian language; numeral; semantics; quantity; stable expressions

For citation: Khezheva M.R. Representation of small quantity semantics in the Kabardino-Circassian Language (introduction to the issue). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 89–96. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-89-96

Введение

Современные лингвистические исследования направлены на изучение тесной взаимосвязи языка и мышления. Во главу таких исследований ставится изучение весомых лингвофилософских категорий, к числу которых относится и категория количества. Понятийная категория количества – обязательная составляющая любой культуры, которая, в свою очередь, находит отражение в различных языках мира, причем в каждом по-своему [Мингазова 2013: 373–374]. Категория количества – одна из наиболее обширных и многогранных категорий мышления современного человека, поэтому неудивительно, что ее изучение вызывает устойчивый интерес ученых самых различных областей, в том числе, и исследователей в области лингвистики [Кузина 2014: 108]. В философских учениях количество выражает внешнее, формальное взаимоотношение предметов, их частей, свойств, связей: число, величину, объем, множество, класс, степень проявления того или иного свойства [Спиркин 1988: 235].

Цель исследования. Выявление способов репрезентации семантики малого количества в современном кабардино-черкесском языке.

Научна новизна исследования заключается в том, что впервые в кабардино-черкесском языке предпринята попытка комплексного анализа базисных способов репрезентации семантики малого количества на различных языковых уровнях.

Предметом исследования в настоящей статье являются семантические особенности языковых единиц с семой малого, неопределенно-малого количества в кабардино-черкесском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать основные лексические средства репрезентации семантики определенно-малого и неопределенно-малого количества в кабардино-черкесском языке.
2. Выявить грамматические средства выражения семантики малого количества в кабардино-черкесском языке.
3. Проследить этноспецифические особенности семантики устойчивых выражений с семантикой малого количества.

Теоретической базой исследования послужили научные труды, посвященные трактовке категории количества в философии [Спиркин 1988], реализации количественной семантики в языке [Тураева, Биренбаум 1988, Мингазова 2013,

Кузина 2014, Хежева 2020], лексемам с семантикой единичности и первоначально [Бижоев, Хежева 2020], качественно-количественной семантике в кабардино-черкесском языке [Бижоев, Хежева 2023], семантике фразеологических единиц [Кумыкова 2017].

В качестве базовых **методов** исследования применялась сплошная выборка лексических единиц и устойчивых выражений из различных словарей кабардино-черкесского языка по критерию наличия семантики малого количества и метод контекстуального анализа.

Практическая значимость. Полученные результаты исследования можно использовать при подготовке спецкурсов по современному кабардино-черкесскому языку для студентов филологического направления.

Лексические средства репрезентации семантики определенно-малого и неопределенно-малого количества в кабардино-черкесском языке

В лингвистике выделяют три онтологические разновидности количества. Члены этой тернарной оппозиции называются предметоколичеством, процессоколичеством и признакоколичеством [Тураева, Биренбаум 1985: 122].

Семантика предметоколичества в кабардино-черкесском языке реализуется при помощи некоторых разрядов имени числительного. Процессоколичество же репрезентируется кратными и кратно-разделительными числительными. Количественные значения присущи всем частям речи, при этом в качестве центральной количественной категории на данном уровне выделяются числительные, которые выполняют сугубо квантитативную функцию [Кузина 2014: 112]. Семантику определенно-малого количества имеют большинство языковых единиц с семой единичности. При обозначении значения единичности центральная роль принадлежит числительному *зы* «один» и его дериватам. Будучи наименьшим из натуральных чисел, числительное *зы* «один» содержит в себе семантику малого, незначительного количества. *Зы дэ цыкIукIэ уигу сыкъэкIати, ари кунэфу къыщIэкIащ / «Обещал малое и того не выполнил»* (букв.: «Подарил ты мне один орешек, и то он оказался пустым»). [Бижоев, Хежева 2020: 144].

Семантику малого количества имеет также сложные слова с составным компонентом *закъуэ* «единственный», «одинокий»: *закъуэрылажъэ* «единоличник» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 185].

Употребление с числительными или с лексемами с количественным значением частиц *къудей* «лишь» или *фIэкI(a)* «всего», «только лишь» вносит в высказывание семантику уменьшения. *Цыхум IэщIагъэ куэд илэн хуейц – егупсысырт трактористыр, – сэ сIулэр тIу къудейц – тракторымрэ комбайнымрэ* [КIэрэф 2009: 557] / «У человека должно быть много специальностей, – размышлял тракторист, а у меня **всего лишь две** – трактор и комбайн». При наличии вышеупомянутых частиц, семантику малого количества могут приобретать любые количественные числительные.

В кабардино-черкесском языке часто встречаются конструкции, реализующие в языке семантику малого количества. В ходе анализа выявлены следующие типы:

числительное + частица *къудей* «лишь» или *фIэкI(a)* «всего», «только лишь» + глагол в отрицательной или утвердительной форме: *хъэщIэу нIлы фIэкIа къэкIуакъым* «В гости пришли всего четверо». (пример и перевод автора статьи – М.Х.).

числительное + существительное + прилагательное *цыкIу* «маленький» + глагол в отрицательной форме. *Мэрэмрэ Хъангуащэрэ къалэжъат а насыпыр, я унагъуэ IуэхукIу лъабжъэ быдэ ягъуэтауэ зауэщIырт, ауэ зы бын цыкIу фIэкI зэрамыIэм я насыпыр тIэкIу къыщIыгъащхуэрт* [КIэрэф 2009: 197]. / «Марем и Ханигуаша заслужили свое счастье, семья крепко стояла на ногах и развивалась, однако их счастье немного омрачалось тем, что у них **был только один ребенок**».

числительное + существительное + местоимение *зыри* «никого», «ничего» + глагол: *Зы шыпхъу флэкIа зыри илэкъым* / «У него только одна сестра и больше никого» (пример и перевод автора статьи – М.Х.).

В кабардино-черкесском языке семантику неопределенно-малого количества передают лексические единицы *мацIэ* «мало», *тIэкIу* «немного» *зытIэкIу* «немного, мало», *зытIэкIукIэ* «чутьточку», *мацIу-куэда* «несколько» [Адыгэ псалъалъэ 1999].

Метафорическая семантика неопределенно-малого количества может выражаться в кабардино-черкесском языке существительными, обозначающими:

малую частицу или часть чего-либо: *налъэ* «волосинка, волосок» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 525], *ткIуэпс* «капля» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 633], *хъуаскIэ* «искра» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 741], *Ибжъыб* «горсть» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 826], *Ихъэ* «доля, часть, кусок чего-л.» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 837], *ИуцIэ* «часть, кусок, доля» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 847]. Малая семантика вышеуказанных лексем усиливается наличием прилагательного *цIыкIу* «маленький»: *хъуаскIэ цIыкIу* «искорка», *Ихъэ цIыкIу* «кусочек».

мелких плодов растений: *хъэдзэ* «зерно, зернышко» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 726].

мелких предметов обихода: *мастэ* «игла, иголка» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 509].

малых единиц измерения веса и размера: *мэскъал* «незначительная, мизерная величина» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 515].

малой денежной меры: *кIэлIейкIэ* «копейка». *кIэлIейкIэлнэф* = *кIэлIейкIэлнэхъурат* «грош». *кIэлIейкIэлнэф имыуэсэн* «ломаного гроша не стоит» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 338], *цай* «пятак», «пятикопеечная монета».

малого временного периода: *напIэзынIэ* «миг, мгновение», «в одно мгновение», «в один миг» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 527].

малый объем чего-л.: *Ипэцыз* = *Ипэтез* «щепоть, щепотка» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 830].

Семантика неопределенно-малого количества передается в кабардино-черкесском языке при помощи лексем с общей семантикой «имеющийся в недостаточном количестве», «дефицитный», «редкий»: *зепэубыда* «дефицитный, имеющийся в недостаточном количестве» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 217], *закъуэтIакъуэ* «редкий, единичный» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 185]. Сема недостаточного количества закреплена в ряде глаголов корнем с *мацIэ* «мало»: *къемэцIэкIын* «быть, оказаться недостаточным для кого, чего-л.». [Адыгэ псалъалъэ 1999: 391], *фIэмэцIэн* «считать недостаточным» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 671]. Семантикой незначительности обладают глаголы с общей семантикой незначительного перекуса: *едзэкъэн* = *зэIурыун* «перекусить, немного поест» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 267].

Наличием в высказывании выражений *нэхъ мыхъуми* «хоть», «по крайней мере» в кабардино-черкесском языке репрезентируется семантика малого количества. *Къуажэ фыцхэр Дарихъан куэд цIауэ, къызэрыдыхъмахуэри, хуэзгуэпырт. Ар езыри хэтакъым, тIэкIу нэхъ мыхъуми, адрей къуажэ цIыхубзхэм захигъэгъуэцэн.* / «Сельские женщины с первых дней ее появления в селе завидовали Дарихан, сама она тоже не стремилась **хоть чуть** с ними сдружиться» [КIэрэф 2009: 367]. *Зы мыхъуми* = *зы мацIэ нэхъ мыхъуми* «несколько, ни на йоту» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 275].

Сложные лексемы кабардино-черкесского языка с общей семантикой «один подхват чего-л.» и «остаток чего-л.» имеют семантику малого количества: *Благъыцхъэ* одна лопаточка чего-л. [Адыгэ псалъалъэ 1999: 35]. *ГъуэмылакIэ* «остатки провизии, взятой в дорогу» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 103].

Имплицитно семантику малого количества содержит в себе лексема *жъэмей* «неразговорчивый», «мало разговаривающий»: *Абдежми си гум илпсор си жъэм*

хужылакъым, жила псалъэ закъуэм уэ гуцIэгъуниэу укълъэпэуащ. Сэри абы жьэмей сицIащ...[Къэрмокъуэ 1988: 153] / «Там я не смог выразить все что, у меня на сердце (букв. мой рот не смог высказать все, что у меня на сердце), мое единственное высказанное слово было безжалостно отвергнуто. И это сделало меня **неразговорчивым (мало разговаривающим)**.

Аффиксальные средства выражения семантики малого количества в кабардино-черкесском языке

Идея выражения предметоколичества в кабардино-черкесском языке тесно связана с грамматической категорией числа. В современном кабардино-черкесском языке семантика определенно-малого количества передают все именные части речи и глагольно-именные формы, в составе которых отсутствует суффикс множественного числа *-хэ*. *Тхылъ* (существительное) «книга», *дахэ* (прилагательное) «красивый», *ар* (местоимение) «он, она». Таким образом, отсутствием суффикса множественного числа *-хэ* в кабардино-черкесском языке передается семантика единичности и определенно-малого количества.

Семантика недостаточного количества в исследуемом языке может передаваться при помощи суффикса *-джэ* [Хежева 2020: 157]. К примеру: существительное *гъуэ* «достаток» + суффикс *-джэ*: *гъуэджэ* «нужда, бедность» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 102].

В лексическом фонде кабардино-черкесского языка обнаруживается ряд лексем с имплицитным значением единичности. Это, в основном, имена существительные, образованные при функциональном участии суффикса *-гъуэ*. К примеру: *бэуэгъуэ* «вдох и выдох» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 36]; *гъэвэгъуэ* «продукты на одну закладку (в котел)» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 36]; *Iубыгъуэ* = *Iубыгъуэиз* «глоток» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 842]; *дзэкъэгъуэ* «кусочек на один укус» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 139].

Для выражения признакоколичества в кабардино-черкесском языке используется ряд аффиксальных, лексических и паремиологических средств. Так, для репрезентации семантики малого проявления признака в исследуемом языке применяются аффиксы *хуэ-*, *-фэ* [Бижоев, Хежева 2023: 3016]. *Хуэгъуэжэ* = *гъуэжыфэ* «немного желтый», «желтоватый».

Семантику ничтожно малого конкретного количества в кабардино-черкесском языке имеют лексемы, образованные при помощи суффикса *-ризэ*. К примеру: *дыгъуасэризэ* «(только) лишь один вчерашний день» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 129].

Этноспецифические особенности семантики устойчивых выражений с семантикой малого количества

Фразеологических и паремиологических единиц с семантикой малого количества в кабардино-черкесском языке значительно меньше, чем устойчивых выражений с семантикой большого количества. Но, все же, обнаруженные подобные языковые единицы обладают выраженной этноспецифической семантикой. Их можно подразделить на несколько семитических типов:

1. Устойчивые выражения с общей семантикой «финансовое неблагополучие»: *ВитI-жэмитI*: *витI-жэмитI унагъуэ* «бедняцкое хозяйство», «семья с малым достатком» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 58]; *Бацэхэплъ унагъуэ* (*хуэмыцIа, къулейсыз*) «семья с малым достатком» [АФП 2001: 20].

2. Устойчивые выражения с общей семантикой «незначительность»: *Зы шу илгыгъуэ* «незначительное расстояние» [АФП 2001: 81]; *Щай имыгъуэ* «незначительный» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 771]. *Щайуэ къымыдзэн* = *щай фIыцIэу къымыдзэн* «ни в грош не ставить» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 771]. *КIэпIейкIэу къымыдзэн*

(къэмылгытэн) «ни в грош не ставить» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 338], *Мастэнэбдз хуэдиз* «ничтожно мало, почти ничего» [Адыгэ псалъалъэ 1999: 509].

Семантика малого количества в кабардино-черкесском языке может реализовываться и фразеологическими единицами, в составе которых нет кванторных слов и нумеративов. Так, для обозначения чего-то невозможного, неслыханного, очень редкого в кабардино-черкесском языке используется фразеологическая единица *аргыуей зээрэ бзу кхъуейрэ* (букв. «желчный пузырь комара да птичий сыр») [Кумыкова 2017: 131].

Заключение

В рамках одной работы сложно проследить все семантические особенности репрезентации семантики малого количества в современном кабардино-черкесском языке. Обращено внимание лишь на базовые лексические, аффиксальные, фразеологические средства, вербализирующие исследуемую семантику. Так, полученные результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы:

В кабардино-черкесском языке достаточно широкий спектр лексем с семантикой малого количества, семантическим ядром которых является лексема *мауцIэ* «мало». Выявлены типичные модели, реализующие семантику малого количества в кабардино-черкесском языке: 1) числительное + частица *къудей* «лишь» или *фIэкI(a)* «всего», «только лишь» + глагол в отрицательной или утвердительной форме; 2) числительное + существительное + прилагательное *цIыкIу* «маленький» + глагол в отрицательной форме; 3) числительное + существительное + местоимение *зыри* «никого», «ничего» + глагол. Семантику неопределенно-малого количества могут иметь в кабардино-черкесском языке существительные, обозначающие: малую частицу или часть чего-либо, мелких плодов растений, мелких предметов обихода, малых единиц измерения веса и размера, малой денежной меры, малого временного периода, малый объем чего-л. Кроме того, семантика малого количества реализуется при помощи лексем, относящихся к разным грамматическим классам слов, с общей семантикой «дефицитный», «имеющийся в недостаточном количестве».

Семантика малого количества в кабардино-черкесском языке реализуется отсутствием суффикса множественного числа *-хэ*. Семантика недостаточного или малого количества часто выражается в кабардино-черкесском языке при помощи суффикса *-джэ*. К микрополю малого количества кабардино-черкесском языке относятся и лексемы с имплицитным значением единичности, образованные при помощи суффикса *-гъуэ*.

На данном этапе исследования обнаружен незначительный круг устойчивых выражений с семантикой малого количества, которые условно можно подразделить на такие группы: устойчивые выражения с семантикой финансового неблагополучия и устойчивые выражения с семантикой незначительности и редкости.

Список источников

Адыгэ псалъалъэ 1999 – *Адыгэ псалъалъэ*. М.: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь Кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

АФП 2001 – *Адыгэбзэ фразеологизмэхэм я псалъалъэ / зэхэз*. Бэрбэч Б.Ч., БишIо Б.Ч., Iутыж Б.Къу. Налшык: Эльбрус, 2001. 240 н. (Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка / сост. Б.Ч. Бербеков, Б.Ч. Бижоев, Б.К. Утижев. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.).

Бижоев, Жежева 2020 – *Бижоев Б.Ч., Жежева М.Р.* Лексемы с семантикой единичности и первоначала в кабардино-черкесском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 143–147.

Бижоев, Хежева 2023 – Бижоев Б.Ч., Хежева М.Р. Переход качественной семантики в количественное значение в кабардино-черкесском языке (введение в проблематику) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023 Т. 16. Вып. 9. С. 3013–3018.

Кузина 2014 – Кузина И.Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2014. № 1 (13). С. 108–118.

Кумыкова 2017 – Кумыкова Д.М. Межъязыковая эквивалентность фразеологических единиц русского и кабардино-черкесского языков // Вестник КБИГИ. 2017. № 2 (33). С. 128–134.

КІэрэф 2009 – КІэрэф М. Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н. (Керевов М. Оставить след. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009 572 с.).

Къэрмокъуэ 1988 – Къэрмокъуэ М. Шихухэр иджыри мэкI Налшык: Эльбрус, 1988. 80 н. (Кармоков М. А тополя еще растут. Нальчик: Эльбрус, 1988. 480 с.).

Спиркин 1988 – Спиркин А.Г. Основы философии: Учебное пособие для вузов. М.: Политиздат, 1988. 592 с.

Мингазова 2013 – Мингазова Н.Г. Категория количества в арабском, английском и татарском языках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. № 5 (1). С. 373–379.

Тураева, Биренбаум 1988 – Тураева З.Я., Биренбаум Я.Г. Некоторые особенности категории количества (на материале английского языка) // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122–130.

Хежева 2020 – Хежева М.Р. Основные способы передачи семантики большого и малого количества в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 155–159.

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. M.: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Adygebze frazeologizmekhem ya psal'al'e [School phraseological dictionary of the Kabardino-Circassian language] / comp. by B.Ch. Berbekov, B.Ch. Bizhoyev, B.K. Utizhev. Nalchik: Elbrus, 2001. 240 p. (In Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH., KHEZHEVA M.R. *Leksemy s semantikoj edinichnosti i pervonachala v kabardino-cherkesskom yazyke: etnospekifika i funkcionirovanie* [Lexemes with Semantics of Singleness and Primordiality in the Kabardino-Circassian Language: Ethnic Specificity and Functional Peculiarities] IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. Vyp. 11. P. 143–147. (In Russian)

BIZHOEV B.CH., KHEZHEVA M.R. *Perekhod kachestvennoj semantiki v kolichestvennoe znachenie v kabardino-cherkesskom yazyke (vvedenie v problematiku)* [Transition of qualitative semantics into quantitative meaning in the Kabardian language (an introduction to the subject)] IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023 T. 16. Vyp. 9. С. 3013–3018. (In Russian)

KUZINA I.YU. *Kategoriya kolichestva i ee vyrazhenie v yazyke (vvedenie v problematiku)* [The category of quantity and its manifestation in the language (introduction to the problem)] IN: Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit. 2014. № 1 (13). P. 108–118. (In Russian)

KUMYKOVA D.M. *Mezh'yazykovaya ekvivalentnost' frazeologicheskikh edinic russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Interlingual equivalence of phraseological units of Russian and Kabardian-Circassian languages] IN: Vestnik KBIGI. 2017. № 2 (33). P. 128–134. (In Russian)

KIEREF M.Zh. *L'euzh'e lleuzh'. Povesther* [Leave a mark. stories]. Nalchik: Elbrus, 2009. 572 p. (In Kabardino-Circassian)

KERMOKUE M. *Sh'ihuher idzhiri meki* [And the poplars are still growing]. Nalshik: Elbrus, 1988. 480 n. (In Kabardino-Circassian)

SPIRKIN A.G. *Osnovy filosofii: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of Philosophy: Textbook for Universities]. M.: Politizdat, 1988. 592 p. (In Russian)

MINGAZOVA N.G. *Kategoriya kolichestva v arabskom, anglijskom i tatarskom yazykakh* [The category of quantity in Arabic, English and Tatar] IN: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 5 (1). P. 373–379. (In Russian)

TURAEVA Z.YA., BIRENBAUM YA.G. *Nekotorye osobennosti kategorii kolichestva (na materiale anglijskogo yazyka)* [Some features of the category of quantity (based on the material of the English Language)] IN: Voprosy yazykoznanija. 1985. № 4. P. 122–130. (In Russian)

KHEZHEVA M.R. *Osnovnye sposoby peredachi semantiki bol'shogo i malogo kolichestva v kabardino-cherkesskom yazyke* [Basic Means to Transfer Semantics of Large and Small Quantity in the Kabardino-Circassian Language] IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. Vyp. 9. P. 155–159. (In Russian)

Информация об авторе

М.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 11.11. 2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 811. 35

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-97-107

СОЧЕТАНИЕ САТИРЫ И ЛИРИКИ В ПОЭЗИИ ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhass55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2023

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы специфики жанра сатиры в лирической поэзии И. Кашежевой. Кабардинская поэтесса Инна Кашежева известна как автор лирических и гражданских стихов. О том, что она – сочинитель сатирических стихов, мало кому известно. Популярное издательство «Правда» в Москве, в серии: «Библиотека Крокодила», выпустило в свет два сборника сатирических стихов поэтессы: «Время вслух» (1988) и «Стихи от Прекрасной Дамы» (1991). В этих сборниках собрано всё, что написала поэтесса в сатирическом жанре. Дается обзор и подробный анализ наиболее ярких сатирических сочинений, посвященных проблемам современного общества. Решены задачи сравнительного анализа поэтического творчества Инны Кашежевой, при этом затрагивается и фольклорный аспект. Анализ показывает, что поэтессой соблюдены все правила: и особенности комического жанра, и сатирико-юмористические традиции. Автор замечает, сборники сатирических стихов максимально приближены к современной поэтессе жизни, его недостаткам и проблемам. Решена и другая, важная задача. А именно: стихи в сатирических сборниках Кашежевой – не просто фотографическое отображение жизни, а его философское и сатирическое осмысление, искусное отображение мыслей и чувств писателя. В ходе анализа выявляется, что в сатире поэтесса остаётся лириком, так как анализ выявил, что в сатирически осмысленных, проникнутых юмором и комедийностью строках, сохраняется высокий лиризм Кашежевой. В конечном итоге исследование приводит к тезису, что сатира и юмор Кашежевой – яркое и талантливое выражение мыслей и чувств, окрашенных, как сатирой так и лиризмом высокой пробы.

В заключение автор приходит к выводу, что подобный симбиоз сатиры и лирики в стихах – явление редкое. Сатира является одним из способов показа проблем общества, его недостатков. Она способствует переосмыслению прошлого, пониманию настоящего. Часто в сатире используются и фольклорные элементы. Изучение феномена культуры смеха в тесной взаимосвязи фольклора и литературы позволяет объединить ценностные ориентиры традиции и новаторства – понятий, характеризующих. С традицией сатирического жанра: комедии, юмора, – связано использование опыта устного народного творчества адыгов, что способствует творческому обогащению кабардинской поэзии на разных этапах ее развития. Вывод таков: кабардинская лирическая поэтесса Инна Кашежева, оставаясь лириком, в полной мере овладела жанром сатиры и создала свой, собственный симбиоз в поэтической матрице жанра.

Ключевые слова: Сатирический жанр, юмор, традиции, новаторство, поэзия, переосмысление, прошлое, символ

Для цитирования: Алхасова С.М. Сочетание сатиры и лирики в поэзии Инны Кашежевой // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 97–107. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-97-107

Original article

THE COMBINATION OF SATIRE AND LYRICS IN THE POETRY OF INNA KASHEZHEVA

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2023

Abstract. The article discusses the specifics of the genre of satire in the orbit of lyrical poetry by I. Kashezheva. It is stated that the Kabardian poet Inna Kashezheva is known as the author of lyrical and civil poems. Few people know that she is a brilliant writer of satirical poems. The popular publishing house “Pravda” in Moscow, in the series: “Crocodile Library”, has published two collections of satirical poems by the poetess: “Time aloud”, 1988 edition. And the second collection, which Kashezheva named using the title of famous poems by Alexander Blok: “Poems from a Beautiful Lady”, which was born in 1991. These collections contain everything that the poetess wrote in the satirical genre. It should be noted that in satirical poems, the poetess is extremely frank when talking about herself personally. The reader will learn a lot about her priorities, moral values, attitude to many surrounding phenomena and things, to the peculiarities of time. This is especially valuable due to the lack of complete knowledge. Especially mature and revealing in this sense are the poems from the collection: “Poems from a Beautiful Lady”.

The article also discusses the issues of humorous techniques in Kashezheva’s satirical poems. The review and detailed analysis of the most striking satirical works in these collections devoted to the problems of modern society, both in everyday life and in certain spheres of public life, is given. The tasks of comparative analysis of Inna Kashezheva’s poetic creativity are solved, while the folklore aspect is also touched upon. The analysis shows that the poetess has observed all the rules: both the peculiarities of the comic genre and the satirical and humorous traditions. The author notes that collections of satirical poems are as close as possible to the modern poetess of life, its shortcomings and problems. Another important task has also been solved. Namely, the poems in Kashezheva’s satirical collections are not just a photographic representation of life, but its philosophical and satirical interpretation, an artful representation of the writer’s thoughts and feelings. The analysis reveals that the poetess remains a lyricist in satire, since the analysis revealed that Kashezheva’s high lyricism remains in satirically meaningful lines imbued with humor and comedy. In the end, the study leads to the thesis that Kashezheva’s satire and humor is a bright and talented expression of thoughts and feelings, colored by both satire and high-grade lyricism. In conclusion, the author comes to the conclusion that such a symbiosis of satire and lyrics in poetry is a rare phenomenon. Satire is one of the ways to show the problems of society, its shortcomings. It promotes rethinking of the past, understanding of the present. Folklore elements are also often used in satire. The study of the phenomenon of the culture of laughter in the close relationship of folklore and literature allows us to combine the value orientations of tradition and innovation – the concepts that characterize. The tradition of the satirical genre: comedy, humor, is associated with the use of the experience of the oral folk art of the Adygs, which contributes to the creative enrichment of Kabardian poetry at different stages of its development. The conclusion is as follows: Kabardian lyrical poetess Inna Kashezheva, remaining a lyricist, has fully mastered the genre of satire and created her own symbiosis in the poetic matrix of the genre. Knowledge about her biography, personal life.

Keywords: Satirical genre, humor, traditions, innovation, poetry, rethinking the past, symbol

For citation: Alkhasova S.M. The symbiosis of satire and lyrics in the poetry of Inna Kashezheva. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 97–107. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-97-107

Инна Кашежева известна, прежде всего, как автор лирических и гражданских стихов. В таком качестве её приняли и полюбили читатели, выказав ей своё

признание. Но никто никогда не писал о том, что она – великолепный сочинитель сатирических стихов, о том, что она была ещё и блестящим сатириком. Да и мало кому об этом было известно. Популярное издательство «Правда» в Москве в своё время в серии: «Библиотека Крокодила» выпустило в свет два сборника сатирических стихов поэтессы: «Время вслух», в 1988 году [Кашежева 1988]. И вторая книжка, которую Кашежева назвала почти романтически, и почти, как у Александра Блока: «Стихи от Прекрасной Дамы», издана в 1991 году [Кашежева 1994]. В этих сборниках было собрано всё, что написала поэтесса в этом сложном жанре. Следует заметить, что в сатирических стихах поэтесса бывает предельно откровенной, говоря о себе лично. И мы многое узнаём о ней: её приоритетах, нравственных ценностях, отношении ко многим окружающим явлениям и вещам, к особенностям времени, – именно из этих сатирических стихов. Это особенно ценно для нас в связи с отсутствием полных знаний о её биографии, личной жизни. Особенно зрелыми и показательными в этом смысле являются стихи из сборника: «Стихи от Прекрасной Дамы».

Не будем забывать, что первый сатирический сборник появился в свет в 1988... В 1985 году пришел к власти М.С. Горбачёв, и наступило время гласности и перестройки... Это было время резких и удивительных перемен, когда вдруг люди стали обо всём открыто говорить... В стихотворении «Время вслух» поэтесса очень точно отобразила этот период времени в жизни общества. Конечно же, в силу своей душевной чистоты и наивности, Инна Кашежева была уверена, что наступило прекрасное время свободы, а «Время лжи и нечистых денег» закончилось навсегда. Увы... Последовавшие за восьмидесятыми 90-е годы привели к ещё более полному разброду и хаосу, когда литература оказалась не в чести, и вынуждена была уйти в сторону. И это сильно подломило поэтессу, она испытала огромный стресс, горькое и глубокое разочарование. Ведь до конца жизни она оставалась верна старым идеалам.

В первом сборнике: «Мысли вслух», в предисловии, поэтесса объясняет, почему вдруг стала писать сатирические стихи в журнал «Крокодил», да ещё в рубрику: «Вилы Крокодила»:

*Так что же всё же, боже, побудило
Меня в мои-то сорок (с небольшим)
Сменить перо на вилы «Крокодила»,
Верней, всего на острый зуб один?
Я объясню, читатель, в чем здесь дело
Не всё всегда диктуется судьбой,
Поскольку и сама я зуб имела
На всё, что нам мешает жить с тобой*

[Кашежева 1988: 3].

А в следующих стихах Кашежева раскрывая основной смысл своего тезиса, объяснила, что значит для неё «Время вслух»:

*Вот оно, настало, Время Вслух,
Время откровений сокровенных.
В нас молчанье испустило дух
Только вслух!
Ты слышишь, современник?
Время Вслух не значит сразу в крик,
Было, и молчали, и орали...
Голос человеческий возник
как из открытой правды,*

*как из раны.
Тот, кто своей совестью пастух
Скажет мне: «Газетно...»,
Нет, конкретно!
Дай поддых сильнее,
Время вслух!*

[Кашежева 1988 : 3].

Сборник «Стихи от Прекрасной Дамы» состоит из четырёх разделов: первый – «Театр теней»; второй – Моментальный снимок»; третий – Зверлибры»; четвёртый – «Послания к друзьям». Все разделы сатирического сборника проникнуты великолепным, тонким и искромётным юмором. Общеизвестный тезис: чувство юмора – признак таланта писателя, присущ истинно одаренному. Кашежева сумела, корректно и тактично, балансировать между откровенным возмущением, юмором, пародией и умной сатирой. Даже в сатире поэта остаётся лирическим сочинителем. Вот сочинение: «Чуть-чуть о себе»:

*Ах, сделав жизнь пародией,
Сочту за приз мучения.
Поэт – всегда юродивый,
И я не исключение.
Костёр самосожжения
Давно ушёл в предание...*

[Кашежева 1991: 24].

И совершенно другой, чисто сатирический подход в другом стихотворении: «Театр теней». Главный герой заходит в магазин, где полки совершенно пусты. Но спускаясь в «загашник», видит полные от дефицитных продуктов полки, и у неё невольно вырывается:

*«На миг бы положить свой зуб
На такую полку?...»
А в зоопарке автор решил взять интервью у верблюда:
«Ему шепчу я: «Спецпаяк?»
А он в ответ мне:
«Что ты! Ёк»*

[Кашежева 1991: 27].

Спецпаяк доставался, сидящим в клетке, и только «номенклатуре в клетках...». Подобных юмористических приемов в сатирических стихах у Кашежевой немало. Автором соблюдены все правила: и особенности комического жанра, и сатирико-юмористические традиции. Сборник сатирических стихов максимально приближен к современной жизни, его недостаткам и проблемам. А стихи в сборнике – не просто фотографическое отображение жизни, а её философское осмысление, искусное и философское отображение мыслей и чувств, но при этом сатирически осмысленные, проникнутые высоким лиризмом. Как писал Борис Кагермазов: «В сатире Кашежевой – яркое и талантливое выражение мыслей и чувств, окрашенных, даже в самых что ни на есть сатирических стихах лиризмом высокой пробы» [Кагермазов 2010: 17]. Такой симбиоз в стихах встречается редко. Это под силу только подлинному таланту:

По воспоминаниям друзей и близких, Инна Кашежева была великолепно образована и начитана: «Инна была очень начитана, в чем я позднее могла убедиться, но начитанностью в нашем поколении никого не удивишь. Удивляет другое...

Когда человек не по ступенькам проходит всю Божественную лестницу постижения важных и трудных вещей, а будто по наитию взлетает сразу на верхнюю площадку: «Церкви полны, а Христос одинок», – роняет она между прочим в одном из стихотворений, и за этим открывается бездонность» [Жирмунская 2010: 26].

*Время вслух, даже если это не корректно.
Не латунной глупостью трубя,
Получило своё право
Слово.
Время Вслух, чтоб слышали тебя,
Время вслух, чтоб слышал ты другого.
Время недомолвок, шепотков,
Барабанной лжи, нечистых денег
Кончилось навек, итог таков.
Только вслух!
Ты слышишь, современник,
Только вслух!*

[Кашежева 1988: 3].

Поэтесса интересовалась, изучала и знала хорошо греческую мифологию, русский и адыгский фольклор. И особенный интерес вызывала у неё традиционная народно-смеховая культура адыгов. А как известно, народно-смеховая культура адыгов – это часть традиции «народного» смеха и обрядовой смеховой культуры. Как пишет А.М. Дзагаштов: «Смеховое пространство кабардинской литературы включает в себя две системы ценностей – традицию и новаторство, что свидетельствует о стремлении писателей переосмыслить прошлое для осознания сегодняшней действительности, соединив в своем творчестве лучшие фольклорные и литературные традиции» [Дзагаштов 2017: 4, 5]. Зачатки фольклора присутствуют практически во всех сатирических стихах И. Кашежевой: это образы пастуха, латунные трубы, образы Адама и Евы, адамова яблока и адамова ребра, и другие:

**Адамово ребро
(женская серенада)**

*Видно, устроен так белый свет,
Это у нас в крови:
Ищет мужчина в битвах побед,
Женщина ждёт любви.
Помним, создатель,,
Просьбу твою:
«Яблоку не рвать в раю!»
Всё-таки Ева с древа сорвёт
Сладкий запретный плод.
Муж и жена – одна сатана,-
Истина так гласит.
Как ни была бы Ева грешна,
Еву Адам простит.
Ищет мужчина Еву свою:
С ней он всегда в раю.
Женщина
Повод только ей дай,
Сделает адом рай.*

[Кашежева 1988: 19].

Сатирико-юмористические стихи, вернее, зачатки юмора и сатиры, в стихах Кашежевой встречаются на протяжении всего её творчества.

Без сомнения, на формирование современных сатирических жанров в кабардино-черкесской литературе непосредственное влияние оказала поэтика смеховой культуры прошлого. Это – смеховые «жанры», такие, как народная комедия, сатирические сказки, юмористические рассказы в виде «хабаров», анекдотов и т.д. Но следует сказать, что в позднесоветский и постсоветский периоды в кабардино-черкесской литературе развитие смехового жанра несколько затормозилось. Мало можно назвать авторов комического жанра сегодня, чьи имена были бы известны. Исключение составляют драматургические произведения, комедийные пьесы Бориса Утижева, имеющие выраженный сатирическо-юмористический характер.

В этом ракурсе особо стоит фигура кабардинской поэтессы Инны Кашежевой. Её стихи отличаются оригинальностью и лиризмом. Это – самобытное явление в современной кабардинской поэзии. Поэтесса – сатирик по-своему увидела некоторые характерные явления современной ей действительности, вывела под яркий свет сатиры целую галерею персонажей.

Её оригинальные комические зарисовки имеют свой неповторимый стиль. Она выступает, прежде всего, обличителем пороков в сатирическо-юмористическом жанре. Например, в стихотворении «Театр теней» рассказывается о фирменном магазине:

*Вижу... А там завмаг сидит
Собакою на сене.
«Вы от кого?»
«Я от себя»*

[Кашежева 1991: 27].

Здесь раскрываются характерные особенности времени, духовные ценности современного человека, его алчность, стремление к наживе, ограниченность интересов. Так, собравшимся на аукционе толстосумам вовсе не нужен скромный покупатель, а тем более – писатель! У людей в современном обществе – низменные интересы. Духовность никого не интересует. И это то типичное и характерное для современного общества 90-х годов, когда хаос и неразбериха использовались так называемыми «новыми русскими» для грабежа народа, – подмечает поэтесса-сатирик. Здесь автором умело используются гипербола, сарказм, юмор и сатира.

Кашежева ищет и находит своеобразную интонацию, в которой слились воедино ироническое начало и интимно-доверительная нотка, устраняющая всякую преграду между рассказчиком и слушателем, между писателем и читателем.

В стихотворении «Театр теней» многое говорит о культуре комического сказа, которой достиг автор. Вот рассказчик раскрывает, как с помощью «блата» можно решить практически любые проблемы, любые вопросы и дела в любой сфере жизни общества, и совершить любые сделки в современной системе.

Повествования основаны на конкретных и весьма злободневных фактах, очерпнутых либо из непосредственных наблюдений, либо из многочисленных читательских писем. Об этом писала сама Инна Кашежева в воспоминаниях весьма скромно (известно, что письма не помещались в её почтовом ящике, и почтальон вынужден был в пакетах заносить их ей домой): «Однажды мне пришёл объёмистый пакет. Не скрою, почта моя довольно обширна, и я бы не спешила вскрыть письмо, если бы не обратный адрес...» [Гедгафов 1990: 5]. Тематика сатирическо-юмористических рассказов пестра и разнообразна: беспорядки на транспорте и в общежитиях, проблемы быта, спесивость новоявленных богачей и стелющееся лакейство чиновников, и многое, многое другое. Часто стихотворение строится в форме непринужденной беседы с читателем. Например, «Наши стены»:

*Люди! Как мы часто лжём
Друг другу:
Лжём в глаза
И жмем при этом руку.
Люди! От обманов откровенных
Мы спешим укрыться
в наших стенах.
Но они не спрячут
нас от жизни.
Тише! Стены слышат
Наши мысли.
Слышат звук пощёчин
стук посуды,
Стон любви и звон
монет Иуды.
Наши стены
Слышат всё на свете, как поют сверчки,
Как плачут дети.
Как смеётся дождь,
Как плачет вьюга...
Если б мы так
Слышали друг друга*

[Кашежева 1988: 30].

Круг действующих лиц в сатирических стихах Инны Кашежевой предельно сужен, так как их духовный мир беден, а система мышления – это система внешне культурного, но на самом деле, недалёкого по существу обывателя, или чиновника. Часто эти сатирические стихи шаржированные, в них возникают гротескные ситуации, а порой – очень мало комического и веселого. Инна Кашежева изображает конфликт между человеком с его предрассудками, моралью и нравственными принципами современного общества. Такова героиня стихотворения «Интердевочка»:

*Девочка читает «Интердевочку» –
Модную вульгарную поделочку,
А потом в гульбу на «шестидневочку»
По привычке – школьный интервал.
Это, мой читатель, не финал.
На палитре яркая шпаклёвочка
Или макияж. Ах, миль пардон!
Вот идёт кричащая дешёвочка
Не с Ален Делоном, но в притон.
Местного маситаба казино
(сколько же здесь судеб казнено?)*

[Кашежева 1991: 17].

Разрабатывая нарочито обыденные сюжеты, рассказывая частные истории, приключившиеся с ничем не примечательным героем, писатель возвышал эти отдельные случаи до уровня обобщения. Он проникает в святая святых обывателя, который невольно саморазоблачается в своих монологах. Эта умелая мистификация достигалась посредством мастерского владения манерой комедийного повествования от имени рассказчика, заурядного человека, который воображал себя чрезвычайно грамотным и знающим законы. К примеру, встречаем такой

экспромт всего в восьми строках. Это эпизод, который часто случается с каждым из нас – в переполненный троллейбус, расталкивая всех локтями, «с нахрапу» влезает пассажир, не считаясь ни с кем... Героиня, сталкиваясь не в первый раз с подобным хамством, от тесноты и неудобства в толчее, навешивает ему ярлык. И тут же незамедлительно получает аналогичный ответ! Просто, точно и смешно:

*Мы встретились в троллейбусе,
он полон до краёв.
Не каждый эти ребусы
В Москве решать готов.
Тому, кто влез с нахрапу
(нет, мы не новички!),
Сказала я про шляпу,
а он мне про...очки!*

[Кашежева 1991: 17].

А порой, его герои не только опасаются открыто декларировать свои воззрения, но и стараются не дать повода для возбуждения о себе каких-либо предосудительных мнений. Комический эффект часто достигается обыгрыванием слов и выражений, почерпнутых из речи обывателя, с характерными для него вульгаризмами, неправильными грамматическими формами.

Юмор Кашежевой не столь уж безобиден, как может показаться на первый взгляд. У Инны Кашежевой мягкий, добродушный юмор, с лёгкой, скрытой иронией:

*Измучен неудачами, ко мне
Пришёл поэт, талантливый вполне.
И – многое с тех пор умчала Лета!
Просил он не взаймы,
А лишь совета.
Сама не понимаю, почему,
Я, словно мэтр, ответила ему:
«Сегодня ты – шестёрка,
Завтра – туз.
Так в паузе, прошу, не празднуй труса.
И помни, муза
Презирует пузо».
Он потолстел, но нёс легко свой груз.
«Друзья мои, прекрасен наш Союз!» –
Сказал он,
Став секретарём Союза*

[Кашежева 1991: 11].

Комичность и ироничность ситуации здесь вполне понятны читателю, они на поверхности. Вчитываясь в текст её стихов, часто видим, что и юмор, и сатира имеют свои, далеко не смеховые корни. Они имеют свой серьёзный остов, на который острым языком насаживаются видимые недостатки:

*Сигарета на губах слюнявая,
Вся она жеманная, гунявая,
Но затронь, и так возьмёт «на понт» –
Вздрыгнул бы великий Дормидонт.
Дома мать не спит, белей стены...
А она вернётся, хоть бы хны*

[Кашежева 1991: 18].

Её сатира бичует, жалит, язвит, обнажая все, что скрыто от нашего глаза. Такова уж особенная роль писателя-сатирика – иметь дело со злом, добраться до самых его корней. А оружие у писателя одно – смех. Но не могла поэтесса знать, что её героиня-интердевочка – со временем станет нормой, и это будет не самый худший вариант падения нравов:

*А потом кровать и «Интердевочка»,
И на ленте – шепелявый хит...
«Господи! Да разве это девочка?!» –
Мой читатель в страхе возопит.
Возопи! Ведь мир тобою держится,
Почему его должны мारать?*

[Кашежева 1991: 18].

Бесспорно, смех бывает совершенно различным по своей направленности. Смех бывает ласковым и гневным, добрым и злым, светлым и мрачным. Ведь смех – одно из самых действенных средств борьбы против пороков и недостатков, против невежества, глупости, подлости. Величайшие умы человечества – философы, писатели, художники – с большим уважением относились к сатире и юмору. Ведь как известно, юмор помогает распознать в жизни и воспроизвести в искусстве комические явления в жизни общества.

Классик русской литературы Николай Васильевич Гоголь владел высшим мастерством сатиры, так же, как и Салтыков-Щедрин. От наблюдательного взгляда юмориста не скроется ничто пошлое, мелочное, ничтожное, то, что унижает достоинство человека, мешает ему жить, в какие бы красивые оболочки это ни облекалось. Но в комическое положение часто может попасть любой положительный персонаж и вызвать смех у читателя. В юмористическом стихотворении «Ещё раз о братстве», в ЦДЛ-е (Центральном Доме Литераторов в Москве), встречаются две поэтессы, две подруги:

*Встретились две поэтессы.
Казалось, одни интересы
И платья – по моде! – одни.
О чём же, про что же они?
Про что же?
О, Боже! Не надо
Сама бы не слышать я рада
Тот «дружеский» их разговор!
Полы в ЦЭДЛЭ от яда
Дымятся ещё до сих пор...*

[Кашежева 1991: 20].

Сатира беспощадна, резка, непримирима. Чтобы отчетливее представить сущность явления и сильнее воздействовать на разум и эмоции читателя, писатели-сатирики обычно прибегают к преувеличению, заострению, карикатуре:

*Кому телосложение,
А мне вот вычитание.
Среди рутины будничной
Всяк жаждет приключения,
Ждёт фейерверка в булочной...
И я не исключение.
В брезгливой своей гордости*

*Живёт элита сытая.
Несите свои горести –
Дверь у меня открытая.
Пусть не смолкает тремоло
Звонка с утра до вечера.
Замка вовеки не было,
Ведь воровать-то нечего.
Прошу смелей, товарищи,
Я знаю излечение.
Мы, словно льдинки, тающие...
И я не исключение*

[Кашежева 1991: 29].

Таким образом, из нашего анализа следует, что сатира является одним из способов показа проблем общества, его недостатков. Он словно вскрывает язвы системы и помогает их скорейшему заживлению. Ведь смех помогает переосмыслить прошлое, он способствует пониманию настоящего. Изучение феномена культуры смеха в тесной взаимосвязи фольклора и литературы позволяет объединить ценностные ориентиры традиции и новаторства, – понятий, характеризующих, как пишет Ю.М. Тхагазитов, «...преемственность и обновление в литературном процессе, а также соотношение наследуемого и создаваемого» [Тхагазитов 1994: 248]. С традицией сатирического жанра, комедии, юмора связано использование опыта устного народного творчества адыгов и творческое обогащение кабардинской поэзии на разных этапах ее развития. Сложным жанром сатиры и юмора в достаточной мере профессионально владела и кабардинская лирическая поэтесса Инна Кашежева.

Список источников

- Кагермазов 2010 – *Борис Кагермазов. Явление в поэзии* // Инна Кашежева: Кавказ надо мною. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 17.
- Дзагаштов 2017 – *Дзагаштов А.М. Традиция и новаторство смеховой культуры в кабардинской прозе*. Нальчик: КБГУ, 2017. С. 4, 5.
- Кашежева 1988 – *Инна Кашежева. Время вслух*. Библиотека Крокодила. М., 1988. № 1.
- Кашежева 1991 – *Инна Кашежева. Стихи от Прекрасной Дамы*. Библиотека Крокодила. М., 1991. № 17.
- Гедгафов 1990 – *Гедгафов Б. От переводчика* // Мой язык адыгский. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 5.
- Жирмунская 2010 – *Жирмунская Тамара. «От прошлого жизнь просторней...»* // Инна Кашежева. Кавказ подо мною. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 26.
- Тхагазитов 1994 – *Тхагазитов Ю.М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы*. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 248.

References

- BORIS KAGERMAZOV. *Yavlenie v poezii. Inna Kashegheva. Kavkaz nado mnou.* [A phenomenon in poetry. Inna Kashezheva: The Caucasus is above me.]. Nal'chik: El'brus: 2010. P. 17. (In Russian)
- DZAGASHTOV A.M. *Tradicia I novatorstvo smehovoy kultury v kabardinskoy proze.* [The tradition and innovation of the laughing culture in Kabardian prose]. Nal'chik: KBGU, 2017. P. 4, 5. (In Russian)
- KASHZHEVA I. *Vremya vsluh. Biblioteka Krokodila.* [Time out loud. Crocodile Library]. M., 1988. № 1. (In Russian)

KASHZHEVA I. *Stihi ot precrasnoi damy. Biblioteka Krokodila*. [Poems from a Beautiful Lady. Crocodile Library]. M., 1991. № 17. (In Russian)

GEDGAFOV B. *Ot perevodchika* [From the translator]ю IN: Moy yazik adigsky [My language is Adyghe]. Nal'chik: El'brus, 1990. P. 5. (In Russian)

GHIRMUNSKYA TAMARA. “*Ot proshlogo ghizn' prostorney*” [“Life is more spacious from the past...”]. IN: Kashzheva Inna. Kavkaz nado mnou [Inna Kashezheva. The Caucasus is under me].. Nal'chik: El'brus, 2010. P. 26. (In Russian)

THAGAZITOV Y. M. *Duhovno-culturnye osnovy kabardinskoy literatury*. [Spiritual and cultural foundations of Kabardian literature]. Nal'chik: El'brus, 1994. P. 248. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardino Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 26.08.2023; одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 15.11.2023

The article was submitted 26.08.2023; approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 15.11.2023

Научная статья

УДК 398.1+395

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-108-119

МОТИВ КРОВНОЙ МЕСТИ В ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ АДЫГОВ

Ляна Адамовна Гутова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гутова, 2023

Аннотация. В статье рассматриваются сказания и песни историко-героического характера повествующие о таком общекавказском обычае как кровная месть, причины его существования и его трансформаций. Также освещаются особенности данного явления у других народов мира. Рассматриваются истоки его зарождения и функционирования со времен ранних этапов цивилизации до его окончательного затухания. К анализу привлекаются сюжеты из арсенала мифологических нарративов и фольклора адыгов и других народов Кавказа и всего мира. Рассматриваются также отраженные в адыгском фольклоре часто сопутствующие другие обычаи и этические нормы – гостеприимство, примирение и даже породнение двух враждующих сторон, неразглашение чужой тайны, умолчание героем о собственных деяниях. Исследуются такие жанровые разновидности как предания, песни очистительного характера, представленные в большинстве своем в историко-героическом эпосе. В качестве источниковой базы автор опирается на архивные записи, хранящиеся в рукописном отделе КБИГИ, а также на ранее опубликованные фольклорные и этнографические материалы. В плане теоретико-методологическом учитываются труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные данной теме.

Ключевые слова: кровная месть, плата за кровь, князеубийца, свидетель убийства, остракизм, суд, очистительная песня, примирение

Для цитирования: Гутова Л.А. Мотив кровной мести в историко-героическом эпосе адыгов // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 108–119. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-108-119

Original article

THE MOTIVE OF BLOODSHED IN THE HISTORICAL AND HEROIC EPOS OF THE ADYGHES

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2023

Abstract. The article presents the legends and songs of a historical and heroic nature, telling about the Caucasian custom of blood feud. The reasons for its existence and

transformations are also considered. It also highlights the peculiarities of this phenomenon among other people of all over the world. The origins of the origin and functioning of the custom from the times of early stages of civilization to the final extinction are considered. This analysis involves plots from the mythological narratives and the folklore of the Adyghs, as well as other Caucasian people and all over the world. Other accompanying customs and etiquette norms are often considered, such as hospitality, reconciliation, replenishment of the warring parties, non-disclosure of secrets, the hero's silence about his own deeds and achievements – all these phenomena are reflected in the folklore of the Adyghs. Such genre varieties as legends, purifying songs, presented in the majority of the historical-heroic epic are investigated. As a source base, the author relies on archival records stored in the manuscript department of the KBIHR, as well as on previously published folklore and ethnographic materials. The theoretical and methodological plan takes into account the works of domestic and foreign scientists who are devoted to this topic.

Keywords: bloodshed, payment for blood, prince-killer, witness to murder, ostracism, trial, cleansing song, reconciliation

For citation: Gutova L.A. The motive of bloodshed in the historical and heroic epos of the adyghs. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 108–119. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-108-119

Согласно историко-этнографическим исследованиям прошлого столетия, Кавказ является – одним из регионов, где обычай кровной мести сохранялся вплоть до первой половины XX века. Эту тему поднимали и подробно исследовали многие ученые. В их числе Ф.И. Леонтович [Леонтович 1882], Н.Ф. Грабовский [Грабовский 1870], М.М. Ковалевский [Ковалевский 1890], С. Хан-Гирей [Хан-Гирей 1974], Ш.Б. Ногмов [Ногмов 1958], М.О. Косвен [Косвен 1961], В.К. Гарданов [Гарданов 1964], Т.Х. Кумыков [Кумыков 1965], Х.М. Думанов [Думанов 2006] и другие. Однако подавляющее большинство авторов обращалось к данной теме с точки зрения историко-этнографической, характер же его отражения в художественной культуре специально не рассматривался.

Основная цель настоящего исследования рассмотреть в полной мере само понятие термина «кровная месть», определить основные причины возникновения этого института в традиционном адыгском обществе, наблюдая его трансформации. Также мы обращаем внимание на степень сходств и различий функционирования обычая на разных этапах его существования. В частности определяется отраженная в этнографических и фольклорных материалах степень ответственности за совершение убийства и наказание – в зависимости от социально-иерархического статуса виновного и его жертвы. Актуальность темы исследования заключается в презентативности установления особенностей отражения обычая кровной мести в жанрах адыгского фольклора (в большей степени в историко-героическом эпосе) и в фольклоре народов мира, его трансформаций в контексте эволюции общества.

Обычаю кровной мести в традиционном адыгском обществе дал достаточно точную и краткую характеристику известный адыгский ученый, этнограф и историк Х.М. Думанов: «Кровная месть – пишет исследователь, – это древний обычай адыгов. Если кто-то умышленно или случайно убил человека, то его родственники подлежали мести со стороны родственников потерпевшего» [Думанов 2006: 90].

Прежде чем говорить об обычае кровомщения в традиционном адыгском обществе, будет целесообразным на наш взгляд попытаться дать логическое объяснение истокам и первопричинам возникновения такого достаточно жестокого для современности обычая. Если обратиться к священным писаниям, одно из первых упоминаний о мести за убийство мы видим в истории Каина и Авеля [Детская библия 1983: 90]. Абель убивает родного брата из ревности, за то, что, по его мнению, Бог принимает и поощряет дары Авеля, а на дары Каина не обращает должного внимания. Бог выступает в данном случае не мстителем, а в качестве мудрого судьи: он наказывает Каина, обратив его в изгнанника, ставит на нем печать

братоубийцы, тем самым поясняя людям, что этот человек уже несет свое наказание. Следовательно, один из мотивов совершения зла, в том числе и убийства, в большинстве случаев происходит из чувства зависти и необходимости устранения конкурента любым путем. Поскольку Авель не имел других родных, мог ли сам Бог выступить в качестве мстителя или же через эту историю он предупреждает нас о том, что не стоит людям брать на себя его миссию? Этот вопрос остается открытым. В то же время, в Ветхом завете Бог говорит Моисею следующие императивы:

«Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти» [МИ: Левит 24: 17]; «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должны сделать». [МИ: Левит 24: 20]

В то же время устами Иисуса в Нагорной проповеди провозглашается принципиально другой принцип: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но, кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». [МИ: Матф.5, 38–42]. В исламе нет понятия кровной мести, но есть понятие «Аль-Кысас» – наказание, возмездие. Здесь подразумевается, что наказание должен понести непосредственно сам убийца. И возмездие несется только в рамках судебного разбирательства и вынесенного судом решения. [МИ: <https://eleven.co.il/Judaism/rites-and-customs/12242>].

Возвращаясь к сюжету об изгнании Каина, отметим, что такого рода изгнание человека (остракизм), имело место и в адыгском обществе. Изгоняли обычно за убийство внутри своей общины, в остальных случаях убийца сам покидал родные места, но если ему удавалось тщательно скрыться, то месть переходила на его ближайших родственников, членов рода [Мамбетов 1994: 142]. По обычному праву долг мести выпадал на близкого родственника жертвы. В случае отсутствия таковых за кровь убитого отвечали сородичи или родственники по материнской линии. Такой же схемы кровомщения придерживались, например, и в Киевской Руси [МИ: ru.m.wikipedia.org], этим же принципам следовали арабоязычные народы [МИ: umma.ru] и народы Кавказа (дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины, адыги). Этот обычай практиковали также греки-маниоты (Южная Греция), жители Италии (на островах Сардинии и Корсики), в странах Средней Азии, Ближнего Востока, в скандинавских странах – среди германских народов. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что обычай кровомщения – явление типологичное, распространенное фактически у всех народов мира.

Типологические особенности обычая кровной мести отражены и в мифологических нарративах народов мира. В древнегреческой мифологии присутствуют даже богини мести и ненависти эринии* (Эринии или эвмениды, фурии – богини проклятья, мести и кары. Греки так боялись их, что не решались их называть настоящим именем. Отсюда и название эвмениды, т.е. благодетельницы [Краткий словарь ... 1993: 202]. В римской мифологии их также называют – фурии, эринии. Согласно одной из версий, они порождены Землей от крови Урана, упавшей на землю во время его убийства Кроносом, низвергшим своего отца, по другой – дочери тьмы. Изображались они в виде отвратительных крылатых женщин с волосами из змей и с налитыми кровью глазами. Они были жестоки и неумолимы, наказывали преступников и в этой жизни и в будущей, и переставали преследовать только раскаявшихся и очистившихся грешников. В жертву им приносились черные овцы и мед, смешанный с водой [Краткий словарь ... 1993: 202]. В мифологии древнего Египта мотив кровной мести представлен в легенде о боге Горе*, который отомстил за смерть отца Осириса*. Сет* незаконно занял трон, убив Осириса. Позже когда Гор, сын Осириса и Исиды*, подрос, они с Сетом вступили в битву, в которой Гору помогали боги солнечной династии. Гор лишил силы Сета и изгнал его из Египта в Аравию, на Синайский полуостров [МИ: adinah.worldpress.com]. В другой легенде «О преображении Сехмет* (она же Хатхор в положительном

обличии)» повествуется о том, что постаревшего бога Ра* намеревались свергнуть народы земли. Потрясенная Хатхор в ярости приняла облик грозной Сехмет и бросилась на землю и стала уничтожать все живое на земле, нападая на всех в образе львицы, даже на тех, кто не был повинен в страданиях ее отца. Обеспокоенные боги не знали, как остановить Сехмет. Тогда Ра приказал пролить в пустыне множество кувшинов с красным вином. Приняв вино за кровь, богиня думает, что это кровь ее жертв, пьет ее (испитие крови врага — еще одна мировая универсалия), пьянеет и засыпает. Здесь мотив кровной мести совершен не за убийство, а за посягательство на статус родителя, что тоже имело место в традиционной культуре разных народов, в особенности притеснение лиц, вышестоящих по социальному статусу.

В адыгской мифологии сюжетов с мотивами кровной мести не отмечено. Однако в архаическом нартском эпосе, который истоками центральных сюжетов весьма близок к мифологии, встречаются сказания, построенные на этом мотиве как сюжетообразующем. Таковы, например, пшинатли (эпические поэмы) о нарте Батразе и о нарте Ашамезе, посвященные тому, как герой отомстил за кровь отца [НПИНА 1981: 82–92, 97–100, 101–122, 125–136]. Во всех вариантах обоих сказаний основная функция героя — месть за отца. Он еще находится в утробе матери, когда враг убивает его родителя. Уже в младенчестве он узнает правду о гибели своего отца и, еще не достигнувший зрелого возраста, но обладая неимоверной богатырской силой, находит убийцу и совершает акт мести как исполнение своего долга.

Обращаясь к историко-героическому эпосу адыгов, отметим, что помимо глубоко военной тематики (борьба с нашествиями, конфликт и поединок с жестоким врагом, участие в воинских набегах), сюжетообразующим звеном целого ряда сказаний и песен выступает и мотив кровной мести. Как ни странно, но в классово структурированном адыгском обществе не столь часто возникали фольклорные сюжеты, построенные на явно выраженном социальном противостоянии, когда представитель аристократического класса оказывался объектом мести со стороны простолюдина или наоборот. Чаще всего, различие в социальном положении противных сторон не играет решающей роли. Однозначного объяснения этому в трудах исследователей нет, но в качестве предположения мы хотим обратить внимание на одно обстоятельство: князь или другой дворянин с высоким социальным статусом был волен сам наказывать и миловать, и его действия были легитимны в рамках обычного права. Убийство же князя, почитавшегося чуть ли не наравне с сакральными персонажами мифологии, признавалось тягчайшим преступлением и могло иметь самые суровые последствия для всей семьи виновного. В то же время в фольклоре встречаются и сюжеты о доблестных наездниках, нередко из среды людей среднего положения или же вольных крестьян, ни в чем не уступающие в воинском искусстве лицам высокого происхождения. Таковыми оказываются наиболее сильные, прославленные подвигами воины, они же привлекают к себе симпатии народа. Когда речь идет о конфликте между лицами, равными по социальному статусу, или же между героем и чужеземным противником, обычно в развитии сюжета сложностей не возникает — инцидент исчерпывается актом совершенной мести. Но для оправдания князеубийства требуются весьма веские аргументы. Так, например, старый наездник Нартуг (в буквальном переводе — «нартское сердце») расправляется с князем, который только чтобы потешить свое самолюбие был готов обречь целое селение на голод. По обычному праву Нартуг неминуемо должен был быть сурово наказан. Однако когда причина его поступка становится широко известной, брат погибшего признает его правоту и отказывается мстить за кровь своего брата, признав его недостойным владельцем. Очевидно, что в реальности все происходило бы иначе, поскольку, согласно традиции, князеубийца должен был понести наказание даже вне зависимости от того, кто был виноват в конфликте. Но фольклор как род искусства создает не среднестатистические образы и ситуации, а преподносит воплощение идеальных поступков и

героев. В том же цикле сказания и песни о Нартуге (по другой версии – Мартине) Кошироко есть целый ряд вариантов, в которых герой становится князеубийцей. Уместным будет привести пример сюжетов о Нартуге зафиксированных в селениях Старый Урух и 2-ой Лескен [Архив: папка 21р, паспорт 5, 10]. Они идентичны – в обоих текстах задействован князь, его спесивый характер и нежелание его признания людьми превосходства другого лица, если не его самого. Так в одном тексте Мартина (Нартуг) представлен как оруженосец князя, он, в отличие от своего сюзерена, по возвращении из *зеко* (поход) раздает добычу нуждающимся, чем реально помогает рядовым членам общества. Естественно, он пользуется в народе авторитетом, большим, чем у самого князя, и тот не может смириться с этим. В другом варианте герой, будучи уже в преклонном возрасте, дает умные советы людям, которые часто обращаются к нему, а не к владельцу. Здесь также князь не приемлет другого авторитетного лица помимо себя самого, почему и предпринимает враждебные действия. Таким образом, сам князь провоцирует конфликт, что и порождает мотив убийства князя. Герой же только вынужден защищаться. Князь отправляется с ним в поход и по ночам, надеясь, что Нартуг уже спит, неоднократно пытается убить его. Однако герой проявляет бдительность и в целях самозащиты вынужден убить князя, чтобы самому не стать жертвой.

Примечательна в данном отношении песня о Нартуге Кошироко, зафиксированная в селении Кахун [Архив: папка 21р, паспорт 13]. Узнав о том, что князя убил Нартуг (или как повествуется в тексте Мартина), против героя восстает не только княжеская семья, но и все жители родного селения. Мартина, отвергнутый обществом, покидает родное селение и подается в абреки. Лишь изредка он возвращается в отчий дом. Так, в очередной раз, вернувшись домой, он берет свою *пхатишину* (букв.: деревянная гармонь) и излагает в песне все, что случилось на самом деле и почему ему пришлось убить князя. В этом варианте сказания по сюжету герой вынужден был отстаивать свое собственное достоинство. Встретившись со спесивым молодым князем, который дерзко ведет себя по отношению к герою и к обществу, будучи настоящим воином, профессиональным наездником, Мартина вынужден ответить на провокации князя и убить его. Обо всем этом и о том, как Мартина, несмотря на оскорбления со стороны князя, похоронил его со всеми почестями, причитающимися высокородному лицу, он поведал в песне, которую слышит младший брат убитого. Таким образом, становится очевидным, что Мартина поступил так, как и полагается настоящему воину, что приводит к мирному разрешению конфликта.

Согласно историческим сведениям предпосылками возникновения кровной мести могли послужить разные поводы. Главным из них являлось, конечно же, убийство, но спровоцировать мщение могли и другие обстоятельства: нанесение личного оскорбления, оскорбление, нанесенное родителю / родителям, попрание уложений, освященных традициями и т. п. Наиболее широко кровомщение было распространено среди феодальной знати, где подспудно действовал и элемент соперничества: люди аристократического класса, как правило, более остро реагировали на всякого рода ущемления их достоинства. Поэтому принцип «кровь за кровь» в кругу князей и уорков был наиболее выраженным [История КБАССР 1967: 288]. Так, в цикле о Созарыхе, сыне Куала, герой, князь Хатокшуко, выступает мстителем за кровь своего наемного богатыря, который по происхождению стоит гораздо ниже князей. Примечательно, что объект мести не кто иной, как родной брат мстителя (так трактует фольклор эту ситуацию), князь Шужей. При формальном рассмотрении дела очевидно полное несоответствие поступка героя с действующими в феодальном обществе правовыми уложениями. Однако суть конфликта заключена в том, что, убивая человека, состоящего на службе у Хатокшуко, Шужей пытается отнять у него право на верховное правление и сам приближается к заветной цели – заполучить власть. Значит, имеет место не заурядный

бытовой конфликт, а политическая подоплека, и это в корне меняет дело [МЖЪ 1994: 67–73].

Аналогичен сюжет сказания о Князе Шолохе и князе Алиджуко. После кончины Шолоха Могучего Мудар Хафа, который в свое время нашел прибежище у Шолоха, а следовательно имел перед ним морально-этические обязательства, начал враждовать с его сыном Карашаем только потому, что тот, будучи более общительным, благородным и красноречивым, привлекал к себе внимание людей и пользовался большей популярностью, нежели великовозрастный князь Мудар Хафа. Это пробудило в нем опасение, что народ станет слушаться не его, опытного и славного своими прошлыми делами, а молодого и более привлекательного Карашая. Мудар Хафа не на шутку встревожился и задумал дурное против Карашая. Однажды, возвращаясь с зеко (похода), Карашай неожиданно упал с коня и сломал себе руку. Мудар Хафа прослышал об этом, под благовидным предлогом посещения больного явился с тайной целью улучшить момент и погубить невинного, что и осуществил. Герой предания, Карашай, поверив в искренность гостя, оказывает полагающиеся почести Мудару Хафе и в знак уважения провожает его как почетного гостя, пока они не оказываются вдалеке от дома, в безлюдной местности, где и совершается убийство [Архив: папка 20-р, паспорт 16].

Убитый, не имевший на тот момент потомка, способного отомстить за него, был отмищен женщинами, его сестрой и вдовой, которые расправились с коварным убийцей не менее изощренно, чем он сам со своей жертвой. Согласно исследованию Г.Х. Мамбетова, женщина не обязана была принимать непосредственное участие в самой акции кровной мести, но нередко она играла довольно активную роль в разного рода конфликтах или же их разрешении. У кабардинцев и балкарцев, как и у других многих народов, писал М. О. Косвен, «женщины оказываются самыми деятельными подстрекательницами к мести»» [цитируется по: Мамбетов Г.Х. 1994: 146].

Важно отметить, что согласно адатам кровной мести, личность, посягнувшая на жизнь высокопоставленного лица (князя, первостепенного уорка) должна была понести жестокое наказание. Род князя объявлял убийце сородича кровную месть и уничтожал не только его самого, но и всех членов его семьи, в особенности — лиц мужского пола. Об этом подробно пишет и Х.М. Думанов [Думанов 2006: 90]. Это же отмечает и Т.М. Катанчиев, профессиональный юрист: «...кабардинское обычное право постоянно считало преступным малейшее нарушение привилегий феодала. ...Причинение небольшого вреда человеку княжеского происхождения, даже в состоянии ярко выраженной необходимой обороны, считалось преступлением. ... Это в частности, подчеркнуто в ст. 3 «Постановления о сословиях в Кабарде» [Катанчиев 2001: 66].

Поскольку в особенности сурово каралось убийство князя, воин был вынужден скрывать свою причастность к гибели господина, так как мог быть изгнанным из своего аула и далее преследоваться родными убитого. Правда, другой причиной могло быть правило не рассказывать о своих подвигах, дабы не прослыть бахвалом. Поэтому многие авторы отмечают, что даже самые славные воины оставались в быту необыкновенно скромными и сдержанными. Испокон веков в среде адыгов бытует поговорка «*Лыи ицла илуэтэжыркъым*» [АП 1965–67: 133] — *Мужчина не рассказывает о том, что совершил (т. е. молчит о своих подвигах)*. Это вполне соответствует духу традиции и нормам поведения настоящего героя — рыцаря.

Таковым является упомянутый выше сюжет о Нартуге, который в силу преклонного возраста уже не отправлялся в походы, подвергался насмешкам со стороны жителей своей округи, мол, не совершил никаких подвигов. В свое оправдание Нартуг сложил песню, которая была услышана в народе и выполнила функцию его «социальной реабилитации». Таким образом, герой очистился от позора. Нартуг изложил в песне один из поступков, совершенных им ранее. Так уж было

заведено, что жители селения не имели права выйти на работу в поле без разрешения князя. Князь селения запретил людям заниматься полевыми работами. Вполне вероятно, что такого рода притязания со стороны князя были неоднократны. Люди, не могли противоречить ему, и страдали от этого. Нартуг, оказался тем единственным смельчаком, который решился идти против воли князя и убить его. Таким образом, он освободил народ от гнета князя. Поэтому герой поет в песне:

*Ей-ей, ей жи, сиџа псор жысІэмэ,
Ей мы лыжъ цхъэцхъитхур къысфІацци.
Ей-ей, ей жи, сэ си мыџІацхъэ,
Ей, тцы Щауэтыкъри хэзгъаццИ.
Ей-ей, ей жи, си джатэ кІэцІри,
Ей, тцым и гуџІыІум цызгъабзи.
Ей-ей, ей жи, и бзэ дыджыжъри,
Ей, и хъэдэ лъапэмэ цІэстІэжи.
Ей-ей, ей жи, и афэ джанэри,
Ей, пхуантэ фІыцІэжъмэ дэзгъахи.
Ей-ей, ей жи, и пацІэгъуитІри,
Ей, си бгъэгъуцталъэмэ йогъухъри*

[Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 48].

Важно то, что Нартуг не просто поет о своем подвиге, но посредством песни предоставляет слушателю наглядные доказательства: «... и бзэ дыджыжъри, ... и хъэдэ лъапэмэ цІэстІэжи — ... его язык ядовитый, ... у подножия его могилы закопал», « ... и афэ джанэри, ... пхуантэ фІыцІэжъмэ дэзгъахи — ... его кольчуга, ... в темном сундуке хранится», «... и пацІэгъуитІри, ...си бгъэгъуцталъэмэ йогъухъри. — ... его усы рыжие, ...в кармане моего кафтана прогнивают».

Песня оказывается воистину очистительной. Отметим, что о песнях их значимости в обществе и об их очистительном характере писал известный адыгский фольклорист З.М. Налоев, посвятивший целую статью песням очистительного характера и восприятию обществом таких песен. «Очистительная песня предполагает существование в средневековом адыгском обществе представления о несовместимости песни с ложью. Песенное слово — это слово правды, оно предполагает события и факты так, как было в действительности, фиксирует, но не интерпретирует их. То, что сказано в песне, не может быть ложью. Без такой веры в искренность песни, в ее природную правдивость не могла бы возникнуть очистительная функция песни» [Налоев 2009: 149]. Затрагивая тему очистительных песен, уместно будет упомянуть и сказание о Гудаберде, сыне Азепша. Как уже отмечалось, воину-наезднику не пристало не только кичиться своими подвигами, но и разглашать увиденное, не доносить доносительство.

Так герой сказания проявляет себя не только как отважный воин, но и демонстрирует рыцарское поведение. Будучи непричастным к убийству, герой вместо того, чтобы рассказать правду и стать доносчиком, обрекает себя на странствия.

*Айра, ай, сымышхэн цхъэкІэрэ, рэуэ-ией,
Уэу, уэукъэ, уей дуней, уэр, а махуэмэ хэкур собгынэ.
Айра, ай си шыхъу цІыкІуитІми, рэуэ-ией,
Уэу, уэукъэ, уей Сэрмахуэ, уей а махуэмэ хэкур собгынэ*

[Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 51] — поется в песне о Гудаберде.

После долгих лет отсутствия, герой возвращается на родную землю. Не зная куда податься, он останавливается в кунацкой Тхипцевых, попавших в гибель князя из рода Таусултановых. Герой, узнав, что те хотят ради собственного

спокойствия расправиться с ним, покидает и их дом. Ему ничего больше не остается, кроме как податься в кунацкую самих Таусултановых. Здесь четко представлена еще одна особенность, отраженная в императивах адыгского этикета: подчеркнуто почтительное отношение к гостю, если даже этот гость является убийцей члена их рода. Там же, прямо не называя имени убийцы, герой прибегает к посредству песни, чем и очищается от подозрений. Помимо прочего, в песне об этих событиях Гудаберд поет о своей непричастности к случившемуся, что опять же говорит о значимости и несомненной вере в песенное повествование со стороны окружающих.

Вот слова из песни:

*Пицы сымыукIыу пицукI къысфIацт.
Пицыр зыукIари си нэр хуэмысэт,
Си нэр хуэмысэ цхьэкIэ си Iэр хуэхейц [Налоев 1978: 82–99]. –*

Князя не убивавшего – меня князеубийцей назвали.
К убийству князя мои глаза причастны, да руки не причастны.

Далее он указывает на особые отличительные приметы, по которым можно было бы узнать настоящего убийцу:

*Пицыр зыукIари къамэ Iэтицэхуэц,
Шы кIэху зэришэрт.
Сымыхашэн цхьэкIэ хэкум сокIыж [Налоев 1978: 87]. –*

У убийцы князя кинжал с белой рукояткой,
И коня белохвостого имеет.
Я, чтобы его не выдавать, родину покинул.

Таким образом, герой, честно выдержав испытания, которые выпали на его долю, сохранив свое достоинство, и перед Таусултановыми очистился, и отомстил неблагодарным Тхапцевым.

Приведем еще один пример из сказаний историко-героического эпоса, где мотив кровной мести представлен в двух вариантах. Явления, описанные в сказании, имели место в традиционном обществе. Это «Сказание о братьях Ешанокowych» [Фольклор адыгов ... 1979: 186–193]. В данном цикле представлены две различные формы реализации замысла.

Первый вид мести осуществился за оскорбление достоинства, что тоже могло повлечь за собой возмездие. В данном случае братья Ешанокowych, мстят Кефишевым, которые нанесли их матери знак унижения: Кефишевы застав старую беззащитную женщину в пути, отрезали ей кончик носа. Далее наслаивается еще один пласт из системы этических императивов. Кефишевы, привлекаются к суду по какому-то другому преступлению, которого они не совершали, но доказать свою невиновность не в состоянии. Так получатся, что выручить их могут только Ешанокowych, и они, несмотря на враждебные отношения между ними, являются в дом и обращаются за помощью к тем, кому сами же ранее нанесли смертное оскорбление. Здесь переплетаются установления, касающиеся мести, и императивы отношения к гостю. По всеобщему мнению авторов, которые в разное время описывали законы и обычаи адыгов и вообще горцев Кавказа, гость – особа священная. Хозяин дома обязан его принять и служить ему даже в том случае, когда им оказывается кровный враг. Поэтому Ешанокowych принимают гостей, выступают на суде в защиту братьев Кефишевых и выручают их из трудной ситуации. Можно предполагать, что поводом для столь благородного поступка послужило и

следующее обстоятельство. Если бы Кефишевы стали жертвой иных людей, получилось бы так, что мстить уже было бы некому. Поэтому братья Ешанокеры, выручая тех, поберегли их для своей расправы, о чем тех честно известили после суда. Но далее сюжет еще более осложняется. Однажды, рассказывается в предании, Кефишевы явились в дом к Ешанокерам в отсутствие братьев и прильнули к груди их матери-старушки, что было равносильно породнению (молочному усыновлению) и должно было привести к устранению вражды между родами. Факт существования такого способа примирения в историческом прошлом упоминается как в фольклоре и в свидетельствах авторов XVIII–XIX вв., так и в трудах современных исследователей. Так, Г.Х. Мамбетов пишет: «Кровная месть прекращалась и в тех случаях, когда убийце удавалось выбрать удобное время проникнуть в дом убитого и прикоснуться губами к груди его матери или тети, или даже сестры» [Мамбетов 1994: 145]. Так хитростью Кефишевы обезоружили, как им казалось, мстительных братьев, которые уже не могли мстить за оскорбление матери. И здесь опять же, Ешанокеры, ничуть не нарушая общепринятых законов, подговаривают молодежь, чтобы те, всей силой навалились на стену, под которой сидели братья Кефишевы. Таким образом, они сумели не нарушить установления адата, так как сами ничего не предприняли, но все же отомстить за нанесенное им оскорбление – чужими руками, но при своем опосредованном участии.

Во втором варианте этого же сказания повествуется о том, как один из братьев Ешанокеров отомстил кяхскому князю Куйцукокову за убийство младшего брата. Причем, согласно легенде, Куйцукоков убивает младшего Ешанокера из чувства зависти к отваге и доблести братьев, бросая им вызов. Не разглашая сам того, что он совершил, Ешанокер просит кяхских певцов спеть песню, в которой есть такие слова:

*Къуйцукъокъор щъизъгафэри афэ псыгъор къыщысхц,
Уи тхыныхур зыщыхэлъым хигъо;
Си гум дэгъуар дэкъащ. –*

Куйцукокова умертвив, панцирь стальной я снял,
Твоя прямая кишка, где находится (пусть там и) высохнет;
В моем сердце, что было тяжело, прошло (т.е. я отомстил)
[Фольклор адыгов 1979: 191].

Песню слышали братья Куйцукоковы, что породило в них чувство мести за кровь брата, но Ешанокеры и в этот раз одержали верх и убили посягнувших на их жизни братьев Куйцукоковых.

Согласно исследованиям ученых кровная месть, бытовавшая с силой закона в XVI–XVIII в. в., оказывала губительное влияние на жизнь общества, порождая одно убийство за другим и такая цепочка вендетты могла быть чуть ли не бесконечной. В силу таких обстоятельств известный общественный деятель Кабарды Жабаги Казанок в начале XVIII века выступил активным противником кровной мести. Согласно преданиям, он ездил по селениям и примирял враждующие семьи. Позже месть стала ограничиваться убийством самого виновника преступления, а в конце XVIII века и первой половине XIX века все более широкое распространение получил обычай платы за кровь (лъы уасэ) [Мамбетов 1994: 144]. Естественно плата за кровь разнилась соответственно социальной иерархии убитого. С принятием адыгами ислама в силу вступили законы Шариатского суда, на котором в присутствии *уачилов** – свидетелей определялись тяжесть наказания и плата за кровь. Таким образом, в заключении нашего небольшого исследования, правомерно сделать вывод, что кровная месть, явление, уходящее своими корнями в глубокую древность и широко распространенное во всем мире, просуществовало

на Кавказе вплоть до первой половины XIX столетия, подвергаясь изменениям и трансформациям вплоть до полнейшего исчезновения. Это отражено не только в мифо-эпических текстах, но и в материалах историко-героического эпоса разных народов, а также в эпосе адыгов.

Список источников

АП 1965–1967 – *Адыгэ псалъэжъхэр томитIу зэхэлъу* (Адыгские пословицы и поговорки в 2 томах). Зэхэзылхъар: ГьукIэмыху Iэбубэчыр, КъардэнгъушI Зырамыку. Налшык: Эльбрус, 1965–1967. 454 н.

Адыгэ уэрэдыжъхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжъхэр*. Зыгъэхъэз.: КъардэнгъушI З.П. Налшык: Эльбрус, 1979. 224 н.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 5.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 6.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 7.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 8.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 10.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 13.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 20-р, паспорт 16.

Архив – *Архив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН*, папка 21-р, паспорт 18.

Грабовский 1870 – *Грабовский Н. Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 1–78.

Гарданов 1964 – *Гарданов В. К.* Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука, 1964. 10 с.

Детская библия 1983 – *Детская библия*. Институт перевода библии, 1983, 1990. Сток-гольм. 542 с.

Думанов 2006 – *Думанов Х.М.* Словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка // Думэн Хь.М. Адыгэхэм я дауэдапшэхэр. Этнографии терминхэм я псалъалъэ.. Налшык: Эль-Фа, 2006. 212 с.

История КБАССР 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней*. М.: Наука 1967 С. 287–288.

Катанчиев 2001 – *Катанчиев Т.М.* Адыгэ хабзэ как кабардинское обычное право. Налчык: Эль-Фа, 2001. 159 с.

Ковалевский 1890 – *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. 283 с.

Косвен 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М.: Наука, 1961. 262 с.

Краткий словарь ... 1993 – *Краткий словарь мифологии и древностей*. Калуга, 1993. 206 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Налчык, 1965. 420 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882. 437 с.

Мамбетов 1994 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Налчык: Эльбрус, 1994. 256 с.

МИ Левит 24: 20, Левит 24: 17, Матф. 5, 38–42 – *Материалы из сети Интернет*. <https://eleven.co.il/Judaism/rites-and-customs/12242> Левит 24: 20, Левит 24: 17, Матф. 5, 38–42.

МИ – *Материалы из сети Интернет*. ru.m.wikipedia.org

МИ – *Материалы из сети Интернет*. <http://umma.ru>

МИ – *Материалы из сети Интернет*. adinah.worldpress.com

МЖЪ 1994 – *МыкIосэрэ жьгуагъохэр* (КъолэжъымыкIо Зезэрыхъэ и таурыхъ). Мыекъ-уапэ, 1994. 336 н. // Незатухающие звезды (Сказание о Созарыхе Колежемуко). Майкоп, 1994. 336 с.

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 82–99.

Налоев 2009 – *Налоев З.М.* Очистительная песня в адыгском фольклоре // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 652 с.

НПИНА 1981 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов.* Т. II. Сост.: Барагунов В.Х., Кардангушев З.П. М.: Советский композитор, 1981. 232 с.

Ногмов 1958 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958. 239 с.

Фольклор адыгов ... 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX – века* / Сост. Алиева А.И. Нальчик, 1979. 404 с.

Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей С.* Избранные произведения. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 172–212.

References

Adyge psalezher tomitu zekhelu (Adygskie posloviy i pogovorki v 2 tomah) [Adyghe proverbs and sayings in 2 – volumes]. Zygyehez.: Guklemyhu Iebubechyr, KardengushchI Zyramyku. Nalchik: Elbrus, 1965–1967. 454 p.

Adyge ueredyzher [Ancient Adyghe songs]. Zygyehez.: KardengushchI Z.P. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 p.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBNC RAS]. Folder 21-p, passport 5.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 6.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 7.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 8.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 10.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 13.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 20-p, passport 16.

ARCHIVE. *Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy KBNC RAN* [Archive of the Institute of Humanitarian Researches of the KBSC RAS]. Folder 21-r, passport 18.

GRABOVSKY N.F. *Ocherk suda i ugovnykh prestupleniy v Kabardinskom okruge* [Essay on the court and criminal offenses in the Kabardian district // Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1870. Issue 4. P. 1–78.

GARDANOV V.K. *Sistema kompozitsiy v obychnom prave adygov (cherkesov) XVIII – pervoy poloviny XIXv*: [The system of compositions in the usual law of the Adyghe (Circassians) of the XVIII – first half of the XIX century]. M.: Science, 1964. 10 p.

CHILDREN'S BIBLE. *Detskaya bibliya* [Children's Bible]. Institute for Bible Translation, 1983, 1990. Stockholm. 542 p.

DUMANOV H.M. *Slovar' etnograficheskikh terminov kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of ethnographic terms of the Kabardino-Circassian language] // Dumen H'.M. Adygekhem ya dauedapshchekher. Etnografie terminhem ya psalal. Nalchik: El-Fa, 2006. 212 p.

HISTORY OF THE KBASSR. *Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day]. M.: Science, 1967. P. 287–288.

KATANCHIEV T.M. *Adyge habze kak kabardinskoe obychnoe pravo* [Adyghe habze as Kabardian customary law]. Nalchik: El Fa, 2001. 159 p.

KOVALEVSKY M.M. *Zakon i obyčaj na Kavkaze* [Law and custom in the Caucasus]. M., 1890. 283 p.

KOSVEN M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza* [Ethnography and the history of the Caucasus]. M.: Science, 1961. 262 p.

BRIEF DICTIONARY. *Kratkij slovar' mifologii i drevnostej* [Brief Dictionary of Mythology and Antiquities]. Kaluga, 1993. 206 p.

KUMYKOV T.Kh. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX v.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the XIX century]. Nalchik, 1965. 420 p.

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskih gorceev* [Adats of the Caucasian highlanders]. Odessa, 1882. 437 p.

MAMBETOV G.Kh. *Tradicionnaya kul'tura kabardincev i balkarcev* [Traditional culture of Kabardians and Balkars]. Nalchik: Elbrus, 1994. 256 p.

MI LEVIT 24: 20, LEVIT 24: 17, MATF. 5, 38–42. *Materialy iz seti Internet* [Materials from the Internet]. <https://eleven.co.il/Judaism/rites-and-customs/12242> Levit 24: 20, Levit 24: 17, Matf. 5, 38–42

MI. *Materialy iz seti Internet* [Materials from the Internet]. ru.m.wikipedia.org

MI. *Materialy iz seti Internet. Materialy iz seti Internet* [Materials from the Internet]. <http://umma.ru>

MI. *Materialy iz seti Internet* [Materials from the Internet]. adinah.worldpress.com.

MYKLOSERE ZHUAGOKHER. *Myklosere zhuagyokher (Kyolezhymyko Zezerykhye and taurykh)* [Non-extinguishing stars (Legend of Sozarykh Kolezhemuko)]. Maykop, 1994. 336 p.

NALOEV Z.M. *Iz istorii kul'tury adygov* [From the history of culture of the Adyghs]. Nalchik: Elbrus, 1978. S. 82–99.

NALOEV Z.M. *Ochistitel'naya pesnya v adygskom fol'klore // Etyudy po istorii kul'tury adygov* [Cleansing song in Adyghe folklore // Studies on the history of the culture of the Adyghs]. Nalchik: Elbrus, 2009. 652 p.

NPINA. *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental games of the Adyghs]. T. II. Co.: Baragunov V.H., Kardangushev Z.P., Moscow: Soviet composer, 1981. 232 p.

NOGMOV S.B. *Istoriya adyhejskogo naroda* [History of the Adyhei people]. Nalchik, 1958. 239 p.

FOLKLORE OF THE ADYGHS. *Folklor adygov v zapisyah i publikatsiyah XIX – nachala XX – veka* [Folklore of the Adyghs in records and publications of the XIX – early XX century] / Comp. Aliyeva A.I. Nalchik, 1979. 404 p.

KHAN-GIREY S. *Izbrannye proizvedeniya. Vera, nray, obychai, obraz zhizni cherkessov* [Selected works. Faith, customs, customs, lifestyle of Circassians]. Nalchik: Elbrus, 1974. S. 172–212.

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, ст.научн. сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Department.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023, одобрена после рецензирования 11.11.2023, принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 02.11.2023, approved after reviewing 11.11.2023, accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-120-126

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ А.А. ШОГЕНЦУКОВА

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2023

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей гражданской лирики А.А. Шогенцукова. Целью исследования становится новый угол зрения на стихотворные произведения этого жанра: переосмысливается идеологическая составляющая, при этом акцент делается на художественной преемственности Шогенцукова, наследующего традицию народных певцов джегуако. Подобный аспект определяет актуальность научного подхода. В статье применяется метод сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В ходе исследования делаются выводы о том, что особенностями гражданской лирики Шогенцукова являются поэтизированный стиль, доминирующими критериями остаются принципы художественной цельности и уровень художественного мастерства. Они являются определяющими в литературном анализе произведений широкого идейно-тематического диапазона. В творчестве поэта лирика имеет свою особую специфику: в ней практически выпадает длительная стадия традиционалистского художественного сознания и оказывается пролонгированной первая, мифологическая, которая отличается прямым синкретизмом автора и героя. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории национальной литературы, написании методических и учебных пособий для студентов филологических вузов, подготовке к циклу лекций и практических семинаров по истории кабардинской литературы.

Ключевые слова: гражданская лирика, А.А. Шогенцуков, джегуако, поэтическая преемственность, традиция, младописьменная литература, жанр, художественное мастерство, мифологическая стадия, символизм

Для цитирования: Хакуашева М.А. Особенности гражданской лирики А.А. Шогенцукова // Вестник КБИГИ. 2023. № 3 (58). С. 120–126. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-120-126

Original article

FEATURES OF A.A. SHOGENTSUKOV'S CIVIC LYRICS

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2023

Annotation. The article is devoted to the study of the features of A.A. Shogentsukov's civic lyrics. The aim of the study is a new angle of view on the poetic works of this genre: the ideological component is rethought, while the emphasis is on the artistic continuity of Shogentsukov, who inherits the tradition of the jeguako folk singers. This aspect determines the relevance of the scientific approach. The article uses the method of comparative historical, structural, artistic literary analysis. The study concludes that the features of Shogentsukov's civic lyrics are a poetized style, the principles of artistic integrity and the level of artistic skill remain the dominant criteria. They are decisive in the literary analysis of works of a wide ideological and thematic range. In the poet's work, the lyrics have their own special specifics: a long stage of traditionalist artistic consciousness practically falls out in it

Keywords: civic lyrics, A.A. Shogentsukov, dzheguako, poetic continuity, tradition, young-written literature, genre, artistic skill, mythological stage, symbolism

For citation: Hakuasheva M.A. Features of A.A. Shogentsukov's Civic Lyrics. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 120–126. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-120-126

Повышенная социальная активность и живая реакция на любые социалистические преобразования со стороны поэта А.А. Шогенцукова были в большей степени данью традициям джегуако. Мастерство народных сказителей, в частности, определяло и умение воодушевлять воинов перед решающим сражением, от их красноречия порой зависел исход сражения. Эту же функцию в трансформированном варианте наследует А. Шогенцуков. Стихотворение «Роза Пиренеев» было написано в 1936 году, то есть сразу же после вторжения фашистских оккупантов в Испанию. Другое знаменитое стихотворение «Призыв» появилось вскоре после начала Великой Отечественной войны:

*От грома пушек вздрагивают скалы,
И долу клонятся верхушки роц...
Кавказцы! И для нас пора настала
Явить свое могущество и мощь!*

*Все – на коней! Взлетайте, братья, в седла
И устремляйтесь всем ветрам в обгон,
Чтоб заметался кровопийца подлый,
Поправивший человечества закон [Шогенцуков 1957: 270].
(Пер. В. Звягинцевой)*

Настоящее время формирует условия для самых противоречивых литературных интерпретаций художественных произведений, однако все еще наиболее значимыми остаются принципы художественной цельности и уровень художественного мастерства. Эти принципы являются определяющими в литературном анализе произведений необъятного идейно-тематического содержания, начиная от камерной любовной лирики декадентского импрессионизма, кончая публицистическими стихами для коммунистических трибун.

Так, стихотворение «Ленин» с точки зрения ретроспективного историзма может выглядеть определенной идеологической конъюнктурой. Но с художественной точки зрения образ вождя пролетариата превращается в высокий символ надежды, которая была присуща любому честному человеку первых лет социалистического строительства. Это – искренний гимн человеческому гению, способному на невероятные достижения. Кардинальные социальные преобразования, стремительно изменившие жизнь, вызывают неподдельный восторг и радость поэта:

*Могучим разумом, горячим словом
Оковы горя ты испепелил.*

*Ты землю озарил рассветом новым,
Открыв живой родник народных сил.*

*Ты вел через бушующие годы
К великой цели родину свою,
Сплотив разноплеменные народы
В одну нерасторжимую семью [Шогенцуков 1957: 210].
(Пер. В. Звягинцевой)*

При всей идейной тенденциозности, свойственной начальному этапу советского модернизма, стихотворение проникнуто светлым чувством, безраздельно принимающим новое, твердой верой в лучшую жизнь, которая в воображении художника связывается с образом вождя. Вместе с тем «значительная часть населения, в том числе наиболее прогрессивные представители, поверили в истинность гуманистических лозунгов революции. Идеи построения государства на основе всеобщего равенства и подлинной справедливости во все времена подкреплялись открытием школ, изданием газет и книг на родном языке, другими позитивными мерами в области культуры, принятием конституции, введением института выборных органов, предоставлением некогда колонизированным народам страны формальных атрибутов государственности, экономическими реформами, которые существенно влияли на рост уровня многих граждан» [Гутов 2001: 114].

Так же восторженно встречает поэт социалистические преобразования в стихотворении «Баксанская ГЭС», которая сравнивается с «земным светилом», от которого в тень отступила луна. По существу, это все тот же гимн новому человеку-герою, которому удалось изменить историю, перестроить природу, и она повернулась к народу доброй стороной:

*Некогда мы не ценили
Яростно плещущих вод,
Ныне, Баксан, в твоей силе
Черпает силу народ...*

*Ныне цветущей звездой
Стала для всех Баксан-ГЭС,
Мчимся мы бурной водою
Недругам наперерез.*

*Стали колхозные ночи
Так же прозрачны, как дни.
Над Кабардою воочью
Звездами блещут огни [Шогенцуков 1957: 214].
(Пер. В. Звягинцевой)*

Баксанской ГЭС посвящено и другое стихотворение «У горной реки», написанное в характерной манере, когда пейзаж предваряет основную тему повествования, явление или предмет оказывается вписанным в пейзажные рамки, подобный прием можно назвать эффектом «камеры», когда поэт-оператор с «крупного плана» пейзажа подводит адресата к будущей перспективе строительства. Иногда подобные переходы выглядят диссонансами:

*Со скалистого отвеса
Ты срываешься, река.
Родилась ты в глуби леса
И дичилась нас века.*

*Но, седлом чугунным сжата,
Стала ты ручной вполне.
Любят малые ребята
На твоей играть спине.*

*Ты, река, не ссорься с нами,
Землю попусту не рой.
Не твоими ли трудами
Будет создан Баксанстрой? [Шогенцуков 1957: 221].
(Пер. Р. Гинзбурга)*

Образ девушки-механизатора, житейски-приземленный в массовом сознании, в стихотворении Шогенцукова опозитизирован и доведен до яркой символической зарисовки, где девушка в красной косынке не просто вспахивает поле на тракторе, а учится управлять ранее неподвластными стихиями, уверенно прокладывает первые борозды в девственном океане неведомого еще нового строя:

*Мерным громом, гулом властным
Оглашен простор степной:
Девушке в платочке красном
Покорился конь стальной.*

*Конь стальной на пашне черной
Виден всем издалика.
Раздувает ветер горный
Пламя красного платка.*

*Не смолкает рокот ровный,
Мощный конь разгорячен.
С быстротою баснословной
Поле вспахивает он.*

*Что ему коряги, кочки!
Он с разбега их берет.
Волей красного платочка
Мерно движется вперед.*

*Эта девушка подругам
Открывает путь побед.
Конь стальной с широким плугом
В поле ждет ее чуть свет [Шогенцуков 1957: 228].
(Пер. Р. Гинзбурга)*

Непривычная историческая ситуация воспринята и обыграна достаточно органично. Это объяснимо, исходя из генетической преемственности поэтики Шогенцукова с фольклорной традицией, с ее величественными, деятельными и свободными женскими образами (Сатаней, Маличипх, Лашин). Девушка в красной косынке представляется трансформированным типом воительницы эпохи матриархата. Это те же народные непреходящие типажи, которые в свое время воодушевляли народных певцов для создания эпических мифологических образов. Преходящий социальный историзм стихотворения А. Шогенцукова отступает и нивелируется, уступая мифологической художественной детерминанте.

К этому же циклу относится стихотворение «Колхозное поле», в котором те же интонации новизны. Поэт воспринимает атмосферу социалистического соревнования, столь актуального в 20–30 гг., хотя «небо», которое следит за энтузиастами «затаив дыхание», кажется, безусловно, искусственной привязкой. «В тридцатых годах соревнование как метод работы не имело широкого распространения в только что организованных колхозах, но в нем выражалась суть исторического процесса, это было такое явление, которое впоследствии приобретало широкий размах и в промышленности, и в сельском хозяйстве» [Хакуашев 1958: 116]. Учитывая год написания (1933), можно говорить об обостренной реакции поэта на новые перспективные общественные преобразования. Еще более активная позитивная реакция – на устранение безграмотности, на массовое образование, как на один из центральных пунктов советской модернизации. Если в середине 20-х гг. Шогенцуков мечтал о том времени, когда «ложем газет будут копны сена», то в 30-х гг. в стихотворении «Колхозная полоса» он радостно отмечает, что в обеденный перерыв трактористы читают газету.

Тот же дух соревнования присутствует и в стихотворении «Урожайная», посвященном коллективизации. Ее приверженцами, по мысли поэта, стал весь карачаевский народ – от стариков до юнцов, между ними – спор за трудовое первенство. Акцент социальных приоритетов в естественной преемственности трудовых поколений сделан автором в сторону молодежи. Пейзаж заключен в сюжетную «рамку», посвященную колхозной жизни, которая значительно уступает по художественному уровню пейзажной зарисовке:

*Снял белые рубашки
С холмов горячий луч,
Пришла пора запашки,
Вверху лазурь без туч.*

*Поют, щебечут птицы
На сотни голосов,
Веселые певички
Родных лугов, лесов...*

*Последний снег, как пена,
Струится под откос, –
Пришло тепло на смену
Последних зимних слез [Шогенцуков 1957: 237].
(Пер. В. Звягинцевой)*

«Два дня моей жизни» – это впечатление лирического героя от двух дней, проведенных в школе селения Заюково. Фабула стихотворения имеет автобиографическую основу, – подобный эпизод был в жизни самого поэта, который любил это село. У учителя – Шогенцукова пристрастный интерес ко всему новому в сфере образования. Радость поэту доставляют сельские дети, идущие в школу, вид самой новой школы («Новая школа»; пер. В. Звягинцевой).

Новых людей, истинных героев новой эпохи, поэт равняет с великой вершиной, Ошхамахо. Здесь – точка этического отсчета, так как согласно завуалированной художественной идее автора, земля, создавшая величайшую вершину, порождает людей такой же высоты и мощи:

*Ты перед ними скинь папаху,
Метели буйные уйми.
Знакомься, не подвластный страху,
С неустрашимыми людьми.*

Рефреном звучит строфа о новом человеке, который возвысился над непокоренной вершиной:

*Эльбрус, Эльбрус!
Прими привет любви от сына,
У ног его – твоя вершина,
Куда не поднимался трус* [Шогенцуков 1957: 251].
(Пер. М. Петровых)

Вершина, впервые покорившаяся человеку, небывалый исторический рубеж, преодоленный человеком, – вот художественный стержень, на котором сосредоточена вся поэтическая ткань миниатюры.

Цикл стихов посвящен революции и Гражданской войне. К ним относятся стихотворения «В буран», «9 января», «Серго Орджоникидзе» и др. Первое входит в ранний цикл (1920) и напоминает сюжет «Зимней ночи» (1929). Вероятно, замысел баллады был задуман по мотивам стихотворения. Сюжет его «свернут» по сравнению с сюжетом «Зимней ночи», но структура примерно та же: экспозиция сурового зимнего пейзажа, одинокая фигура женщины, узнающей о смерти мужа, грубая брань офицера-белогвардейца, нищее холодное жилище с голодным плачущим ребенком. Но в стихотворении – принципиально иной финал, полный уверенности в победе большевиков:

*О, эти дни недалеки!
Заря займется скоро!
Вернутся к нам большевики!
Свободны станут горы!* [Шогенцуков 1957: 256].
(Перевод Э. Левонтина)

Стихотворение «9 января» можно отнести к историческим, несмотря на то, что между его созданием (1929) и трагическим фактом российской истории – небольшой временной промежуток. В сжатой экспрессивной форме поэт воспроизводит трагические события, которые визуализируются в восприятии адресата почти с натуралистической достоверностью:

*...И падали люди, рыдая,
Ползли, все в крови, по камням,
Младенцы кричали, взывая
К умолкшим своим матерям.*

*Проклятия, слезы и стоны,
Дым пороха, темный, как ночь...
Ни поп, ни мольбы, ни иконы –
Ничто не могло им помочь* [Шогенцуков 1957: 216].
(Пер. В. Звягинцевой)

Автор в характерной манере стремительно поляризует образ народа с властью, доводя художественную оппозицию до эмоциональной кульминации.

Выводы. В развитых литературах с разнообразными вековыми традициями лирика развивалась поэтапно, поэтому лирический субъект проходил через разные стадии развития поэзии: синкретическую (на мифологической стадии), когда автор и лирический герой находятся в единстве; жанровую (на стадии традиционалистского художественного сознания) и лично-творческую – в литературе середины XVIII–XX веков [Корман 1982: 145].

В младописьменных литературах, в частности в адыгской, сложившейся только в начале XX века, лирика имеет свою особую специфику. В ней, по существу, почти выпадает длительная стадия традиционалистского художественного сознания и оказывается пролонгированной первая, мифологическая. Она отличается прямым синкретизмом автора и героя. Как известно, архаика знает только хорового автора. Как заметил М.М. Бахтин, «в лирике я еще весь в хоре и говорю из хора» [Бахтин 1979: 149]. Именно эти особенности характерны для творчества А.А. Шогенцукова, в том числе, в отношении гражданской лирики.

Список источников

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Гутов 2001 – *Гутов А.М.* Некоторые вопросы шогенцуковедения // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2001. Вып. 8. С.110–123.

Корман 1982 – *Корман Б.О.* Литературоведческие термины по проблеме автора. Ижевск: Удмурдский гос. университет, 1982. 322 с.

Хакуашев 1958 – *Хакуашев А.Х.* Али Шогенцуков. Нальчик: Кабард-Балк. кн. издательство, 1958. 174 с.

Шогенцуков 1957 – *Шогенцуков А.А.* Избранное. М.: Гослитиздат, 1957. 311 с.

References

BAKHTIN M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M.: Iskusstvo, 1979. 423 p.

GUTOV A.M. *Nekotorye voprosy shogencukovedeniya* // *Vestnik instituta humanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNC RAN* [Some issues of Schogenzukology // Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the CBD and KBNTS RAS]. 2001. Issue 8. P. 110–123.

KORMAN B.O. *Literaturovedcheskie terminy po probleme avtora* [Literary terms on the author's problem]. Izhevsk: Udmurda State University. University, 1982. 322 p.

HAKUASHEV A.H. *Ali Shogencukov*. [Ali Shogentsukov]. Nalchik: Kabard-Balk publishing house, 1958. 174 p.

SHOGENTSUKOV A.A. *Izbrannoe* [Selected]. M.: Goslitizdat, 1957. 311 p.

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

КОНЦЕПТ «ХЭКУ» В ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ОТ АУТЕНТИЧНОГО ХОРОНИМА К ОБЪЕКТУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРЕПАРИРОВАНИЯ

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2023

Аннотация. Семантическое поле «родина / отечество» в черкесском языке еще не становилось предметом отдельного исследования в междисциплинарной оптике. Соответственно и динамика семантических траекторий понятий, составляющих этот кластер лексем оставалась вне фокуса исследовательского интереса. В настоящем тексте предпринята попытка исследования особенностей функционирования концепта Хэку в аутентичном языковом контексте черкесов и специфики его препарирования в рамках доминирующего дискурса посредством институционального инструментария в советский период. Работа базируется на анализе широкого круга лексикографических, фольклорных и нарративных источников. В ходе реализации исследовательских задач существенное внимание уделено потенциалу компаративного метода.

Ключевые слова: Хэку, черкесская лингвокультура, хороним, концепт, индигенность, институциональное воздействие, Черкесия

Для цитирования: Алоев Т.Х. Концепт «Хэку» в черкесской лингвокультуре: от аутентичного хоронима к объекту институционального препарирования // Вестник КБГИ. 2023. № 3 (58). С. 127–142. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

Original article

THE CONCEPT OF “HEKU” IN CIRCASSIAN LINGUOCULTURE: FROM AN AUTHENTIC BURIAL TO AN OBJECT OF INSTITUTIONAL DISSECTION

Timur H. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Н. Алоев, 2023

Abstract. The semantic field “homeland / fatherland” in the Circassian language has not yet become the subject of a separate study in interdisciplinary optics. Accordingly, the

dynamics of the semantic trajectories of the concepts that make up this cluster of lexemes remained out of the focus of research interest. In this text, an attempt is made to study the features of the functioning of the Heku concept in the authentic Circassian language context and the specifics of its preparation within the framework of the dominant discourse through institutional tools in the Soviet period. The work is based on the analysis of a wide range of lexicographic, folklore and narrative sources. During the implementation of research tasks, considerable attention is paid to the potential of the comparative method.

Keywords: Kabarda, Russian command, military operations, renegacy, scouts, guides, (escort) guides, hajrets

For citation: Aloev T.H. The concept of “Heku” in Circassian linguoculture: from an authentic burial to an object of institutional dissection. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 3 (58): 127–142. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-127-142

В современной гуманитаристике преобладает мнение, согласно которому такое понятие, как родина, в Средние века не употреблялось [Сенокосов 2005: 119]. Хотя это положение небесспорно, и, по меньшей мере, можно говорить о прецедентах, подтверждающих и обратный взгляд на вопрос, данный тезис сойдет за валидный эмпирический фон и отправной пункт при рассуждениях о хоронимических реалиях в Черкесии в Средневековье и Новое время.

По меньшей мере, восемь столетий хороним *Черкесия* прочно фигурирует в номенклатуре стран Старого Света. Но это название крупнейшей в кавказском регионе страны на протяжении Средних веков и Нового времени не имело широкого употребления среди ее населения (хотя оно, возможно, за исключением некоторых труднодоступных горных обществ в ее западной части, вполне осознавало объект, обозначаемый им). Черкесы, естественным образом, при назывании своей страны (как говорил князь Кайтуко Хамурза, «по всему пространству той земли, где наш народ обращаться властен») [КРО 1957: 362] пользовались индигенным вокабуляром. Источники позволяют отследить особенности его функционирования. Наиболее выраженной спецификой черкесской хоронимии предстает сочетание, устойчивое сосуществование на протяжении длительного времени двух разнородных номинаций. Одна из них формировалась по привычной модели отражения имени доминирующего этноса в названии страны, и особенностям ее фиксации в литературе и специфике словоупотребления, целесообразно посвятить отдельную работу.

Здесь же мы обратимся к менее поддающемуся четкому определению понятию, посредством которого черкесы говорили о своей стране. Ввиду того, что данная проблема (по крайней мере, в контексте задач настоящего исследования) имеет преимущественно социокультурное, нежели сугубо лингвистическое значение, представляется оправданным анализ условий функционирования центральной лексемы черкесской хоронимии, в диахронии последних двух столетий, предварить развернутыми суждениями сторонних наблюдателей относительно представлений жителей Черкесии о своей стране. В 1849 г., после трехлетнего проживания среди черкесов, К. Сталь писал о том, что у черкесов «нет общего отечества, преследующего какую-нибудь высокую, сознannую (т.е. сознательную. — Т.А.) цель» [Сталь 1900: 108]. Им также отмечалось, что на вопрос о происхождении черкес отвечал, что он «бсленеевец или махосевец, с такой серьезною важноcтью, как будто бы он был вельможа какого-нибудь огромного известного всему миру государства» [Сталь 1900: 107]. Выраженная снисходительность, с которой автор делится своим наблюдением, как бы сообщает о безосновательности претензий объектов его описания. Однако для достижения эффекта убедительности одних стилистических ходов было недостаточно. Поэтому в тексте предпринимается попытка выстраивания идеологического контекста, подкрепляющего обоснованность авторской рамки. Она артикулирована в рубрике под названием «Любовь к родине».

Пространные рассуждения автора для удобства восприятия разделим на две части. Первая из них — умозрительная.

Разводя по крайним полюсам проявления, которые в стандартной ситуации дополняют друг друга он постулирует идею того, что «Двойко проявляется любовь к отечеству в человеке или как любовь к общине, где мы родились, или как любовь к моральным целям государства, в котором мы живем».

Развивая линию на антагонизацию автор продолжает: «В первом случае, мы любим тот небольшой клочек земли, где родились, где первые наши впечатления и привычки, где покоится прах предков: это чувство врожденное, невольное, ограниченное, как ограничен тесен кругозор общины, назовем его *любовью к родине*.

Во втором случае, мы любим целое государство, его пространство, его народонаселение, его местные особенности; мы разделяем его вражды и симпатии к соседям, мы понимаем моральную цель жизни нашего отечества, и мы пламенно сочувствуем этой цели. Высокое это чувство, сознательное, оправданное разумом, есть *любовь к отечеству*» [Сталь 1900: 107].

Представляется, что о правомерности подобных суждений следует говорить, принимая во внимание представления и установки их автора, которые в свою очередь исторически детерминированы и встроены в рамки определенной культуры. Из каких же предпосылок исходил Сталь, артикулируя вышеприведенные умозаключения?

Для адекватного восприятия сообщения следует начать со специфики ключевой лексики, используемой автором. В первую очередь, речь идет о слове *родина*. Несмотря на то, что вся рубрика озаглавлена как «Любовь к родине» очевидно, что само слово *родина* (введенное в литературный обиход лишь за несколько десятилетий до написания этого текста) не обрело еще стабильной семантики в русском языке и отражает географически весьма ограниченную локацию. Она, как следует из текста, представляет собой «небольшой клочек земли» и ограничена «кругозором общины». То обстоятельство, что в исторических реалиях николаевской России под «общиной» преимущественно подразумевалась форма коллективной собственности, и низшая единица управления крепостным населением империи делает антитетическую конструкцию Сталя предельно дисбалансированной. Предлагаемая автором бинарная логика оказывается неубедительной ввиду того, что если в отношении 9/10 тогдашнего российского населения тезис об «общинном» мировоззрении, в целом, и мог быть справедливым, то вторая ипостась «высокого чувства» едва ли просматривалась в его самосознании. Ее носителем (и то, с оговорками) могли быть лишь малочисленное дворянство и только-только оформлявшееся в социологически осязаемом качестве разночинство. Следовательно, онтологическое уравнивание полюсов патриотизма, и их аксиологическая иерархизация в конструкции Сталя остаются необоснованными. Поэтому авторская рамка, покоящаяся на индуцированной просвещенческой телеологии и едва прикрытом чрезмерным этатизмом верноподданническом рвении не могла объяснить содержания актуального на тот период черкесского патриотизма. Но из нее предсказуемо вытекал «предписываемый» последнему символически невысокий ранг – авторская установка была очевидно направлена на приравнение черкесской картины мира «общинной» социальной идентичности десятков миллионов подданных Романовых.

Во второй (условно, эмпирической) части своих рассуждений он отмечает: «У полудикаго горца любовь к родине проявляется безсознательно привязанностью к месту рождения, к обычаям, которые он считает лучшими в мире...» [Сталь 1900: 107]. В этом случае следует признать, что с задачей описания, разумеется, в обрамлении специфической риторики и интонации, автор, в известном смысле, справился. Констатируя у черкеса выраженное чувство сопричастности к «месту рождения», и пиетет к «обычаям, которые он считает лучшими в мире» Сталь неосознанно признавал наличие у интересующего его народа определяющих компонентов устоявшегося самосознания. При этом кейсы условных «махошевцев»

и «бесленевцев», приводимые им в качестве иллюстрации высокого коэффициента партикуляризма локальных групп слабо подкрепляют имплицитную гипотезу об «общинном» самосознании населения Черкесии. К примеру, княжество Бесленей фиксируется в русских источниках еще с середины XVI в., а его правители обозначены в них как «черкасские государи» [КРО 1957: 3]. В середине 30-х гг. XIX в. княжество состояло из 34 населенных пунктов, расположенных на обширном пространстве междуречья Ходзи и Урупа (для сравнения, площадь Бесленей, по меньшей мере, в два раза превосходила бы территорию современной Ингушетии). Таким образом, географические параметры, демографический потенциал и длительная традиция независимого (или, по меньшей мере, автономного) политического развития княжества, исключают возможность характеристики самосознания его населения как «общинного». Налицо яркое проявление черкесского регионализма – местной территориальной привязанности, ввиду особенностей политического развития, облеченной в форму династической лояльности. При этом бесленевский региональный патриотизм не подрывал общечеркесской идентичности, а составлял ее неотъемлемый структурный элемент.

В этом плане ситуация в Черкесии разительно отличалась от положений дел в различных странах, которые постфактум воспринимаются как воплощения незыблемого идентитета. К примеру, общепризнанно, что Япония эпохи Токугава – «это только условное название для самых разных мест, обычаев, людей, говоров» [Мещеряков 2022]. Разбираясь в ситуации на противоположном конце азиатского континента этого времени, другой автор отмечал, что историческая обстановка на протяжении веков «не породила в Турках никакой мысли об отечестве. Для выражения этого понятия нет и речения в турецком языке» [Муравьев-Карский 1874]. О самосознании тех, кого сейчас принято называть греками современный исследователь придерживается того мнения, что оно опирается наряду с другими и «на ощущении *patris*, то есть малой родины, иногда размером с деревню» [Ашерсон 2017: 296]. За полтора столетия до него другой автор склонялся к более радикальному видению. «В патриотизме своем грек не обнимал Отечества в широком смысле слова, он отличался всегда привязанностью к известной местности, к родному городу или селению, в котором сосредоточивались все его интересы», – утверждал Е. Феоктистов. [Феоктистов 1862: 493; Петрунина 2010: 157]. Если японский и греческий кейсы противоречивы, и не дают ясного понимания соотношения представлений о своей родине в диапазоне от микролокального самосознания до уровня сопричастности к наиболее обширным политическим агрегациям, и тем самым, представляют определенную сложность для формализации степени развития регионализма в этих «странах», то российский материал предлагает существенно более монохромную картину. Не погружаясь в фактографию по этому предмету, представляется уместным ограничиться если и не исчерпывающим, то, по меньшей мере, показательным суждением. Ф.М. Достоевский писал: «В России мы чувства местности не имеем. Ну что такое, например, Владимир? И зачем его знать, а Костромы так даже и стыдимся...» [Достоевский 1982: 80].

Можно полагать, что подобные культурные реалии составляли питательную почву для небрежения неимперскими формами политической организации. По крайней мере, в повествовании Сталя, склонность к специфическим, если не сказать тенденциозным трактовкам просматривается явственно. В далеких от нейтральности интонациях здесь отмечается: «Для горцев, раздробленных на маленькие независимые общины, их маленькая родина кажется большою, она независима и сильна, она воюет и заключает мир с такими же маленькими соседями, как она сама. Горец гордится своею родиною, потому что в этом микроскопическом государстве он не последний человек, он играет более или менее важную роль, как князь, или старшина, или наездник, или язык народа (оратор)» [Сталь 1900: 107]. Если отвлечься от снобистского тона и оценочного взгляда (очевидных в широком

контексте авторского подхода) пассаж окажется весьма информативным. По сути текст живописует типажа, аналогичного эллинскому политэсу, воплощающего на черкесской почве идеалы *res publica*. В условиях конца 1840-х гг., когда николаевский режим находился в зените своей жандармской славы, описать подобную фактографию в комплиментарном ключе было немислимой дерзостью. Давно ставшее хрестоматийным положение о том, что для установления легитимного господства империализму необходимо сконструировать инаковость как отсталость [Fanon 1970: 73], объясняет установку Сталя на избыточную акцентуацию на «микроскопичности» черкесских политий. Видимо, автор стремился компенсировать отсутствие общепризнанных атрибутов просвещенности и продвинутости у представляемого им государства предьявлением имперской мегаломании. Впрочем, сама инициатива автора четко укладывается в другую закономерность. Говоря словами Салмана Рушди, она сводится к тому, что одной из величайших привилегий поработителя является описание поработенных [Лиссабонская конференция по литературе...].

Зыбкость выстраиваемой Сталем конструкции обнаруживается и при обращении к работе, появившейся спустя десятилетия в условиях отмены цензуры в начале XX в. Сефербий Сиюхов приводил интересные фрагменты работы А.В. Симонова, опубликованного в 1907 г. Авторский текст если и не задуман в контрапункте к сентенциям Сталя, то, в любом случае, производит впечатление вовлеченности в опосредованную полемику. Удивительным образом, отправным пунктом авторской фабулы стали рассуждения, конгруэнтные предложенным выше соображениям о некорректности экстраполяции на формы самосознания в Черкесии характеристик социальной идентичности, базирующейся на «общинной ментальности». Вскрывая роль территориального фактора в формировании базовых представлений о родине у черкесов, автор отмечал: «Племена горцев сносились между собою весьма деятельно и потому знали всю свою страну так, как немногие наши земляки-сельчане в недалеком прошлом знали путь до уездного своего города; потому-то путешествие их далее своей пашни или к куму в соседнее село считалось чуть ли не на край света» [Сиюхов 1997: 286].

Демонстрируя эмпатичное погружение в черкесскую эмпирику, автор на примере все того же «бесленевца» разворачивает живописную картину неотторжимой сопричастности обитателей страны со своим Отечеством. Он пишет: «Возьмите, например, бесленей и распросите его хоть о местности хамышейского общества; он вам скажет, что там протекает река Схагуаше – Белая и речонки Дзеха и Шежох; что из Даха можно проехать верхом на лошади к хамышейцам по теснине, прорезываемой Белою, а на арбе урочище Сарай или урочище Мазмай; что к даховцам есть колесный путь через урочище рр. Губс, Фарс и Ходзь и затем через каменный мост и другой через р. Алеркуш, высоты Физиабго и Шудехт и по р. Шешуко или через Экепцоко, Ашаба и вниз по р. Дахо или от каменного моста нагорной дорогой. А о ближайшей местности этого племени, как, например, Хамкеты, и говорить нечего: любой, даже спросонья, скажет, что высоты, отделяющие хамкетинский район с юга – «даховские» и непременно назовет Экепцоко и осведомит, что дальше есть еще Ашаба и Шудехт и что до Дахо далеко еще, – и, далее, справедливо резюмирует, – Да, горцы весьма знали топографию и этнографию своей родины...» [Сиюхов 1997: 287].

В своих размышлениях автор не ограничивается объяснением территориальных аспектов чувства родины у черкесов. Обнаруживая явную полемическую заостренность своих суждений, Симонов настаивает на высоком чувстве общности, лежавшем в основе черкесского Сопротивления на протяжении десятков лет Кавказской войны. С очевидным осознанием своей правоты, автор вербализирует свою позицию посредством череды риторических вопросов: «Но далее, к слову и против того, что горские племена не имели ни связи, ни интересов и, следовательно, какого бы

то ни было нравственного единства, надо сказать, что если бы они, т.е. горцы, действительно были столь ничтожны в этом отношении, то чем же объяснить, что они, ввиду угрожавшей от нас опасности их родине или по случаю какого-нибудь предприятия с их стороны в наши пределы, весьма нередко собирались на определенные пункты для совещаний и, вверив порешенное дело избранным из своей среды, тысячными дружинами вторгались в наши пределы или встречали наши отряды пулей, шашкой и кинжалом, имея нравственный ранжир рука об руку абадзех с убыхом или махош с тем и другим? Уж не поголовным ли разладом между племенами объясняется это?» [Сиюхов 1997: 287]. За ними следует длинная фактология единодушия черкесов и, финальное пропонирующее вопрошание: «Не говорит ли все это за связь и взаимосвязь интересов между племенами ?..» [Сиюхов 1997: 287].

Валидность и полноценность исследовательских подходов, как правило определяются, степенью успешного сочетания двух перспектив на изучаемый феномен; внешнего («объективистского») и внутреннего («интрасубъектного»). В этом плане анализ нарратива Сталя и его деконструкция посредством аналитической оптики из той же этик-платформы образуют прочную базу для выстраивания внутреннего, процессного измерения содержания представлений черкесов о своей стране. Они, судя по источникам, были вполне определенными. Однако семантическая область «родина / отечество» в черкесском языке еще не становилась предметом отдельного исследования в междисциплинарном ключе. Соответственно, и динамика семантических траекторий лексем, образующих этот кластер понятий остается не вскрытой. Поэтому при выстраивании опорной исследовательской позиции представляется целесообразным оттолкнуться от текстов ключевых черкесских авторов первой половины XIX в.

Князь Хатокшоко Измаил [Косвен 1961: 440], Хан-Гирей Султан [Хан-Гирей 1974: 94] и Ногма Шора [Ногма 1956: 71] отдавали должное пафосу *Отечества*, рассматривая его в качестве центрального элемента своих концепций. Писавшие на русском языке авторы, разумеется, отзывались о нем на языке письменной культуры. В этом плане первостепенное значение приобретает задача выяснения черкесского эквивалента русского слова *Отечество*. Принимая во внимание, что в актуальном черкесском языковом контексте доминантой гипонимического поля «родина / отечество» выступает слово *Хэку* представляется оправданным исходить из презумпции его приоритетности в соответствующем лексическом семействе и в исторически обозримый период.

Обратившись к лексикографическим источникам, можно сказать, что самая ранняя его словарная фиксация относится к рубежу 30-х – 40-х гг. XIX в. В словаре Ногма Шора оно не фигурирует в качестве ординарного понятия (следует заметить, что и в небольшом словаре Ж.-Ш. де Бесса оно также отсутствует при том, что лексические единицы в отношении которых данное слово могло бы быть применено («место», «страна») здесь присутствуют [Ж.-Ш. де Бесс 1974: 350–351]), а приводится 1) как предикат в словосочетании «хэку цыху», в значении «местный человек», «местный житель» [Ногма 1956: 210], и 2) при попытке ввести неологизм «хак[у]метх» – география, очевидно составленного из двух сем: «хэку», соединительного форманта «м» и глагола «тх-н», что в сумме позволяет трактовать как «страно-описание» [Ногма 1956: 236] Примечательно, что написавший в это время энциклопедический труд «Записки о Черкесии» Хан-Гирей также (хотя он не составлял словаря) не артикулировал общечеркесской хоронимии на родном языке. А вот длительное время проживавший в Черкесии Леонтий Люлье, в своем словаре в качестве эквивалента слова «родина», («le pays natal» на французском) приводит черкесские «хеку» и «зашальфаго чилле» [Люлье 1846: 182]. При этом, спустя без малого десятилетие, консультировавшие Льюиса Лоуи информанты не донесли до составителя словаря их родного языка

слова *Хэку* (1854). Показательно, что для таких весьма разных по значению слов как «continent», «Empire», «Fatherland», «people», «foreign country», «land (country)» автор издания нашел лишь одну черкесскую номинацию – «tsheeley», т.е. жылэ / чылэ [Loewe 1854]. Эта тенденция находит продолжение и в словаре Лопатинского (1890), в котором эквивалентами русских понятий «родина», «отечество», «страна», «край», «общество», «народ» представлены совершенно иные, нежели *Хэку* слова [Лопатинский 1896: 153–301]. Сложно сказать, имеем ли мы здесь дело с досадным упущением, или же сыграла свою роль неготовность / неспособность информантов найти в русском языке полноценный аналог слова *Хэку*. Определенно можно говорить лишь о том, что данное слово находилось в речевом обиходе, о чем свидетельствует словарь Габора Балинта, составленный спустя десятилетие после Лопатинского. Описание значения этого слова через латинские и венгерские слова представляют значимый интерес с точки зрения выявления его внутренней формы и семантической незамкнутости в черкесском языковом сознании. Пространственный аспект понятия в словаре выражены венгерскими словами *hely* (значения: место, местность), *kornye* (значения: окрестность, местность вблизи (чего-л.), район (чего-л.)), *videk* (значения: местность, край) [Балинт 1904: 214].

Словарь Балинта, с точки зрения рассматриваемого здесь предмета интересен двумя моментами. Первое сводится к интересному слову «koz», приведенному, как один из эквивалентов черкесского *Хэку*. В венгерском языке слово «koz» может означать «общность», «общество», «общее дело». Наверное, закономерно, что именно эта лексема выступает в качестве корня в сложносоставном слове *koz-tarsasag* – Республика [Русско-венгерский словарь 1951: 399]. Удивительно, что информанты Балинта, с одной стороны, смогли донести до ученого «семантику вовлечения», присущую слову *Хэку*. При этом, не менее значимо, что чуткое чувство родной речи позволило ученому не впасть в искушение представить слово *Хэку* в патетическом (и поэтическом) ключе. Так, исследователь не стал для объяснения значения черкесской номинации привлекать слово *hon*, выступающее корнем для двух референтных понятий в венгерском историческом сознании. Речь идет о *Honfoglalás* («обретение родины» 896 г.) и *honvedseg* (гонимые, защитники отечества 1848–1849 гг.).

В 1929 г. грузинский ученый Симон Джанашиа совершил этнографическую экспедицию в Черкесию. Одним из задач экспедиции был сбор разнообразной лексики. Информант Джаримов Ахмед из Егерукая сообщил что слово *страна* на черкесском обозначается лексемой *хэку*, т.е. *хэку* [Джанашиа 2007: 54]. Спустя год, в 1931 г. Л.И. Лавров, находясь в кунацкой Егумова Хасана в Адамии, услышал сюжет из нартского эпоса о противостоянии между героями Саусруком и Шибатинуком. Согласно рассказу, узнав о приближении последнего к своему жилищу, мать Саусрука Сатенай обратилась к слугам со следующими словами: «Вот едет нарт, равного которому нет в стране (*хэкор*)» (т.е. *Хэкур*, где звук «р» является формантом определенности. – Т.А.). Его следует хорошо принять» [Лавров 1982: 33]. Примечательно, что, локализуя место действия, информант сообщил, что Саусрук жил «на землях между нынешними ст-цей Рязанской и хут. Мелиховским», в то время как его визави проживал «далеко на север от Кубани» [Лавров 1982: 33]. О том, насколько далеко на север от Кубани простирались пределы *Хэку* на ментальной карте черкесов можно судить по неоднократному упоминанию в эпических сказаниях Дона и Волги.

Для объяснения нерегулярного, «мерцательного» фиксирования понятия *Хэку* в языковом пространстве черкесов представляется корректным обратиться к элементам компаративного метода. Начнем с информативного и контекстуализирующего интересующий наш предмет пассажа о столпах «византийской» идентичности. Он принадлежит Нилу Ашерсону – автору увлекательной книги, посвященной образу Черного моря как культурного феномена. Исследователь,

касясь идентитарных особенностей общности, сложившейся к востоку от Апеннин после падения Рима, полагал, что самосознание жителей долин и городов Понта, основывалось «на их чувстве принадлежности к политическому образованию настолько древнему, священному и превосходящему все прочие, что оно едва ли нуждалось в имени. Мы довольно приблизительно называем это сообщество Восточной Римской империей или Византией. Эти названия не передают той важности, почти как в Древнем Китае, какую ромеи придавали империи еще и долгое время спустя после ее падения, как будто она была вечной квинтэссенцией любого политического сообщества, в сравнении с которой все прочие режимы и царства были лишь преходящими сущностями» [Ашерсон 2017: 296]. Обращает на себя внимание то явление, с которым исследователь сравнивал (точнее, на который ровнял) аттестируемый им объект рефлексии. И здесь, ключевым элементом сентенции воспринимается наречие «почти» применительно к Китаю, которому, таким образом, приписывается наивысшая планка в шкале географического и культурного солипсизма. Речь, разумеется, идет о древнем самоназвании жителей Поднебесной – «Чжунго» (срединная земля). Для несиноцентричного взгляда, в подобном названии, скорее всего, прослеживается очевидный географический и культурный эгоцентризм и отражение убежденности в том, что его носитель живет в особенном, срединном пространстве. Однако можно предположить, что, если ханьская картина мира и не импонировала (с ее гипертрофией этатистского начала), все же, наверняка не вызвала бы радикального отторжения в черкесском мироощущении. Вглядываясь в денотацию слова *Хэку*, образуемого из корневой морфемы с пространственным значением *-хэ* и *-ку* – «середины», обнаруживаем очевидное сходство внутреннего содержания двух номинаций.

Сосредоточившись же, собственно, на византийской специфике самоидентификации выявляем другую параллель. Чувство «принадлежности к политическому образованию настолько древнему, священному и превосходящему все прочие...», с некоторыми оговорками, относимо к царившему в Черкесии отношению к «феодалному союзу народов Адыге» [Седжер 2017]. Этот взгляд оправдан даже с учетом того, что последние полтысячелетия Черкесию вряд ли можно было счесть единой политией в общепринятом смысле. Однако, как и в случае с греками после 1453 г., в черкесском историческом сознании осталась память и о былом монолитном единстве эпохи князя Инала («*Инал и махуэм кытыргъызакIэцэрэт!*»). А она задавала вектор будущих политических интенций (отсюда и сакраментальный геополитический императив Кайтуко Асланбека – «Между этими двумя морями (Каспийским и Черным) и одному князю тесно» [Хан-Гирей 1989: 275] и артикулированное его наследниками самоощущение как «живущих между двух морей день и ночь в приуготовности на конях сидящей народ» [Архив внешней политики Российской империи 1762–1778: 113] и, корреспондирующий с ними тезис, согласно которому самоназвание черкесов означает «народ, живущий на территории между двумя морями» [Спенсер 2008: 10]. Разница заключалась разве что в том, что в отличие от греков, черкесы не теряли независимости и переживаемое ощущение *Хэку* вплоть до Геноцида 1860–1864 гг. не сопровождалось растрavляющим чувством утраты.

Культурный контекст Черкесии, зримее перекликается скорее с реалиями, сложившимися на противоположных от нее берегах Понта в другом отношении. Подобно ромеям, ощущавшим причастность к «непреходящей сущности», и испытывавшие трепетное благоговение к своему Отечеству черкесы, редко проговаривали его имя. И, похоже, также часто придерживались мнения близкого к тому, что их страна «едва ли нуждалась в имени» тем самым, как бы эмпирически подкрепляя идеалистический тезис о том, что «человек или группа могут обладать понятием, не имея слова для его выражения» [Melvin Richter 1995: 9]. По крайней мере, корпус укорененных в черкесском культурном контексте аутентичных

и фольклорных источников не противоречит подобному допущению. Но важно уточнить, что в этом случае речь шла не о субстанции с четко выраженными политическими характеристиками. Более подходящей к черкесским реалиям метафорой описания того, чем мыслилось *Хэку* народа *адыгэ*, представляется идея гуссерлианского «жизненного мира» («*Lebenswelt*») [Гуссерль, Деррида 1996: 158], состоящего из суммы непосредственных очевидностей, задающих формы ориентации. Выступая дофилософским, донаучным слоем любого сознания «жизненный мир» предстает как базис, обеспечивающий общеизвестные представления обладающих характером «автоматических» неосознаваемых регуляторов смыслополагания.

Вместе с тем, следует признать, что концепты философского теоретизирования хоть и повышают стереоскопичность исследовательской перспективы, обладают все же ограниченным объяснительным потенциалом в отношении явления «примордиальной» природы. В поисках бесспорно релевантной аналогии рассматриваемому феномену, уместно обратиться к культурно-историческим путям складывания представлений об *Отечестве* в немецких землях, которые, возможно, хоть бы и опосредованно не могли не повлиять на основателя феноменологии. В этой связи стоит вкратце упомянуть специфику формирования современного патриотизма в Германии в Новое время и взаимодействия в немецкой лингвокультуре этого периода концептов *Vaterland* («отечество») и *Heimat* («родина»). Не вдаваясь в подробности динамической диспозиции этих понятий, на протяжении последних столетий обратим внимание на несколько примечательных фактов. Еще в начале позапрошлого века Э.М. Арндт вопрошал «что есть Отечество для немцев?» («*Was ist des Deutschen Vaterland?*»). Для проникнутого объединительным пафосом поэта ответ был очевидным: таковым должна была стать «вся» Германия [Бусыгина 1999]. Стоит отметить, что, к примеру, подданные Гогенцоллернов в это время использовали понятие *Vaterland* по отношению и к прусскому государству. «При этом, – что примечательно в контексте настоящего исследования, – в прусских источниках делалось достаточно четкое различие между Пруссией как Отечеством для каждого пруссака и немецким Отечеством в целом» [Стерхов 2017: 72]. Согласно им «немецкое Отечество» упоминается в них «спорадически и остается умозрительной абстракцией, не уточняются границы этого немецкого Отечества, которое является отвлеченной абстракцией, нежели реальностью...» [Стерхов 2017: 72]. Последующее возвышение Пруссии и объединение под ее главенством всей Германии предопределило закрепление концепта *Vaterland* в немецком языке в высоком, официальном и «холодноватом» значении большого национального государства.

В то же время понятие *Heimat* утвердилось в другой семантической нише. Как отмечается в одной из работ: «Ранее границы владений устанавливали радиус действия законов и указов и определяли политическую принадлежность жителей. С Реформацией у хозяев этих небольших территорий появилось право определять конфессиональную принадлежность своих подданных по принципу: «*Cuius region eius religio*» («чья власть, того и вера»).

Тем самым в рамках одной земли происходило достаточно однородное формирование культуры ее жителей» [Чеснокова 2015].

При соотнесении подобной фактографии с положением дел в Черкесии нельзя не заметить, что сферой каждодневной языковой реализации территориальной привязанности жителей страны были дееспособные на тот или иной исторический период политические агрегации. Соответственно, население страны широко оперировало названиями политических образований – феодальных доменов. Хан-Гирей, к примеру, пишет про «Ккебердие», «Бейслений», «Тчемкуй / Тчемргой», «Абснэ» [Хан-Гирей 2008: 183, 204, 210]. Ногма, не отставая в следовании акрибии упоминает «Берсланіе», «Бжедугу», «Камиргое», «Кабардіе» [Ногма 1956: 238–239]. Вместе с тем в реализованных (на русском языке) стратегиях самоописания, эти авторы последовательно декларируют свою лояльность

Отечеству. Однако, видимо, как и в вышеупомянутых случаях, когда информанты не сообщали о понятии *Хэку* составителям словарей, не в пример более просвещенные «культуртрегеры» также пасовали перед проблемой перекодировки из одного лингвистического контекста в другой. Подобная ситуация позволяет поместить концепт *Хэку* в неустойчивую зону напряжения между де- и онимизацией в рамках черкесской лингвокультуры. В контексте словоупотребления черкесского *Хэку* просматривается параллель с функционирующим в иврите нарицательным словом «хаарец». Хаарец **חֶרֶץ**, буквально означает «страна» или «эта страна». На иврите Израиль часто называют именно так. Обычные вопросы: «Сколько времени ты [живешь] в стране? (*Kama zman at ba-arets?*), «Когда ты будешь в стране?» (*Matai ata ba-arets?*)... Если что-то сделано в Израиле, об этом говорят *totseret ha-arets*, то есть «продукт страны» [Митлина 2021]. При соотнесении данного феномена с черкесским материалом, очевидно, что узус *адыгэбзэ* допускает подобный профиль языковой реализации слова *Хэку*.

Вместе с тем и дрейф к онимизации рассматриваемого понятия прослеживается вполне отчетливо. Наибольшей рельефности она достигает среди тех черкесских анклавов, чьи идиомы не подверглись деформирующему институциональному воздействию. Фольклорный материал черкесской диаспоры определенно подтверждает как устойчивость высокой семиотической позиции понятия *Хэку* в условиях вековой оторванности от этнической «метрополии», так и предрасположенность к его фиксации в качестве имени собственного. Красноречивой иллюстрацией подобного положения выступают рассуждения на соответствующую тему собирателя фольклора «узун-яйлинского» анклава черкесов Тоглан Якуба.

Обратимся к его рефлексиям на затронутую тему. «АДЫГЭХЭР ЕЗБЫ Я АДЭЖЬ ШЫНАЛЬЭ ЗАКЪУЭРАЩ *«Хэку»-кIэ зэджэр Тыркум шалъхуа шанIа си адэихуэм сепуцI (сепуцI – Т.А.) зэпытт, «Хьэждадэ, адыгэхэр дэнэ дыкъыздикIар?» жысIэурэ. Ахуэду сыщепуцIкIэ далэ къэси, «Хэкум» жилэт, «Хэкум дыкъикIац». ЗыкI «Адыгэ Хэку, Адыгэ Жылагъуэ, Адыгэ Хэгъуэгу, Адыгэ шIынальэ» жилэтэкъым, абыи жаIэуэ зыхихарат жылэжыр (жилэжыр. – Т.А.).*

ХЭКУ-р адыгэхэм егъыцIэ (игъацIэ – Т.А.) илъэс мин лъандэрэ зыщыпсэу я адэжь шIынальэм езыхэм фIацауэ шыт цIэ хэхац, нэгъуэцI «хэку» шылакъым. Пэжым ухуеймэ абы «адыгэ»-ри къытыгъуэвэн хуейкъым, «Адыгэ Хэку» жынIэмэ нэгъуэцI хэку шыIэ хуэду къыпфIегъэцIри. ДыщыпсалтэкIэ, дыщытхэкIэ псо-ри мыбы дыхуэвгъэсакъ. «Урыс Хэку», «Тырку Хэку», «Хьэрыт Хэку», «Хамэ Хэку»... мыпхуэдэхэр шыIэкъым, «Хэку» жыхуалэр адыгэм и шIынальэ закъуэ-рац. Хэку шыжынIэкIэ ар зэрыадыгэ шIынальэр нахуэ къохуэ. Адрейхэр шIыгуц, шIынальэц, жылагъуэц, хэгъуэгуц... » (25. 03. 2021) [Yakup Temel 2021].

«ЧЕРКЕСЫ ТОЛЬКО ЗЕМЛЮ СВОИХ ОТЦОВ (ПРЕДКОВ) НАЗЫВАЮТ «Хэку». Родившегося и выросшего в Турции деда я постоянно расспрашивал, «Хаждада, откуда пришли черкесы?» В таких случаях, каждый раз он отвечал «из Хэку», «из Хэку пришли». Никогда он не говорил: «Адыгэ Хэку, Адыгэ Жылагъуэ, Адыгэ Хэгъуэгу, Адыгэ шIынальэ», и говорил он то, что сам услышал [от предшественников].

ХЭКУ – это отдельное название, которым черкесы именуют землю отцов, на которой проживают испокон веков тысячелетия, других «хэку» не было. По правде говоря, к нему не подобает прибавлять [слово] «адыгэ» так как это наводит на допущение существования других хэку. Когда разговариваем и пишем давайте чутко относиться [к этому слову]. «Русского Хэку», «Турецкого Хэку», «Арабского Хэку»... таких нет, «Хэку» называют исключительно землю черкесов. Когда говоришь *Хэку*, то, что речь идет о черкесской земле становится [из контекста] очевидным. Остальные это земли (номинации «шIыгу» и «шIынальэ» настолько близки, что для их перевода мы ограничились использованием одного слова – «земли»), общества, страны... » (25.03.2021) [Yakup Temel 2021].

Хотя нет почвы для скепсиса относительно легитимности посыла, непредубежденности базовой позиции и нетривиальности предложенной траектории мысли, обозначенную направленность взгляда гипотетически можно отнести к эффекту диаспорального романтизма, часто демонстрирующего склонность к идеализации страны исхода предков. Однако то обстоятельство, что автор не стал при острой (как явствует из текста) потребности четкого обозначения объекта своего интереса, проводить напрашивающейся параллели с преобладающей моделью называния стран, скорее говорит в пользу непредвзятости суждений Тоглан Якуба. Принимая же во внимание, отсутствие практик институционального вторжения в узус черкесского языка в странах пребывания черкесской диаспоры и индифферентность государственных структур к референтным символам диаспоральных сообществ на протяжении последнего столетия, складывается стойкое убеждение в верифицирующем потенциале рамки, предложенной знатоком «узун-йялинского» фольклора.

В отличие от диаспоры, понятие *Хэку* на родине с самого начала большевистского правления стала подвергаться направленному препарированию. Уже на излете 20-х гг. прошлого столетия его последствия стали проявляться недвусмысленно. Из вышеупомянутой встречи грузинского исследователя с информантом Джаримовым ученый почерпнул не только название страны на черкесском языке. Собеседник последнего дополнил свое сообщение любопытными сведениями. Он полагал, что слово *хекw* может быть приведено в следующих сочетаниях: «*qabartej xékw*», «*adəyé xékw*» «и др.» [Джанашиа 2007: 54]. Дальнейшие суждения также достойны пристального внимания. Проявляя равнодушие к происходившим переменам, он подчеркивал, что «До советизации, когда говорили *adəyé*, подразумевали нас темиргоевцев и бжедугов, а не шапсугов. После советизации этот термин получил такое широкое значение» [Джанашиа 2007: 54]. Двойное упоминание в рамках одного короткого замечания факта «советизации» как определяющего фактора институционального воздействия на идентитарные процессы обнаруживает в информанте чуткого к административным новациям свидетеля эпохи. Однако в видах настоящей работы больший интерес вызывает не осознанное и артикулированное наблюдение (относительно объяснимого наследия дихотомии *адыгэ жылэ / абазэ жылэ*), а незамеченная им нормализация словоупотребления понятия *Хэку* в контекстах иррелевантных черкесской лингвокультуре. Если в рамках конкретного речевого поведения представимы ситуации, допускающие использование словосочетания *qabartej xekw* применительно к Кабарде [Агънокъуэ 1993: 171] или *абадзахэ хэку* [Кумахова 1972: 103], соответственно, в отношении Абадзехии, то касательно второго примера заявленный тезис выглядит явной натяжкой. Очевидно, что в предложенном информантом ракурсе таксономически релевантным *qabartej xekw* концептами могли выступить, к примеру, *cemərgwe xekw*, *s~apsəu xekw*. Однако эти региональные идентичности не удостоились отдельных институционально оформленных образований, а были объединены в общую «адыгейскую автономию». Лояльный студент краснодарского учебного заведения не мог проигнорировать результаты социокультурной реструктуризации, проведенной большевиками в свойственном им стиле неумолимого диктата. По этой причине информанты (другой к1эмгуйский информант в это время сообщал тому же Джанашиа, что *адыгэ* (*adyghe*) это «адыгейцы») [Джанашиа 2007: 23] в общении с экспедиционерами проявляли чуткость к языковым колебаниям властного дискурса. Там же недвусмысленно закреплялась административная единица под названием «Адыгейская автономная область» («Адыгэ автономнэ хэку») [Адыгэ автономнэ хэку: 1947] номинативно не связанная с остальными черкесскими анклавами. Таким образом, уже к началу 1930-х гг. институционально закреплялась новая языковая норма в отношении использования понятия *Хэку*, что подразумевало элиминацию его «ядерного» значения.

Следующая пунктирная точка процесса усечения семантического объема номинации *Хэку* относится к периоду Второй мировой войны. Тогда, в результате калькирования русского названия «Великая Отечественная война» в кяхский идиом черкесского языка был внедрен неологизм «Хэгъэгъу зауэшху». Следует отметить, что номинации *Хэку* и *хэгъ(у)эгъу* составляют общее семейство слов и в определенных условиях взаимозаменяемы. Но с момента учреждения «адыгейской автономии» за второй лексемой было «закреплено» понятие «страна» (в смысле независимое суверенное государство. К примеру, сакраментальный лозунг большевиков стал переводиться следующим образом: «*хэгъэгъу пстэу-ми япролетарыр зы шъухъу!*» – пролетарии всех стран соединяйтесь!) [Адыгэ автономнэ хэку: 1947]. Одновременно в речевом обиходе восточных черкесов появляется словосочетание «*Хэку зауэшхуэ*» как эквивалент вышеозначенной языковой единицы на русском. Курс на институциональное закрепление препарированной семантики понятия *Хэку* продолжился посредством его искаженной фиксации в словарях. Содержание изданного в 1955 г. в Москве «Русско-кабардинско-черкесского словаря» зримо иллюстрирует подобное положение. Приведенные в нем черкесские эквиваленты слов *край, страна, родина, отечество* дают пищу для размышлений относительно вектора властной интервенции в узус черкесского языка. Так, в качестве черкесских эквивалентов слова *край* (в значении *страна* и *местность*) представлены номинации «щыпIэ ин» и «къэрал» (sic!) [РКЧС 1955: 304]. Согласно словарю, *страна* на черкесском будет «къэрал» (хотя под «къэрал» столетием ранее Ногма понимал не *страну*, а государство; и государство определенного рода – империю) [Ногма 1956: 173]. Однако эталоном экстремального воздействия на языковую норму следует признать фиксацию в словаре такой номинации как *родинэ* в качестве релевантной передачи значения русской вокабулы *родина* [РКЧС 1955: 713]. На фоне такого факта фраппирующего волюнтаризма подгонка понятия *Хэку* к запросам советской социальной инженерии может показаться уже не столь аррогантным актом. Однако подобный шаг не остался без последствий. Нарастающая интенсивность трансляции смыслов, связанных с крупнейшим военным катаклизмом XX в. и замещение культом победы девальвированных идеологием большевистской утопии предопределили соответствующий семантический сдвиг понятия *Хэку* в ареале шхагской (восточно-черкесской) диалектной провинции. Апроприация понятия *Хэку*, с последующим направленным рассечением его семантики посредством институционального торпедирования, привело к закреплению в доминирующем дискурсе его деформированных / редуцированных значений (с локальной привязкой каждого из них). Это обстоятельство автоматически вело к выведению из актуальной семантической сетки интегрального элемента черкесской хоронимии. Как следствие, на излете советского периода и начала «гласности» говорить о стране народа *адыгэ* на черкесском языке без оговорок и уточнений стало проблематичным. Возник очевидный кризис репрезентации понятия *Хэку* в современной черкесской речевой культуре. По иронии истории программа, активированная партократическим режимом, начала себя воспроизводить тогда, когда «система» вошла в терминальную стадию. В 1991 г., издающаяся в г. Черкесск газета «Ленин нур» (Ленинский свет) была переименована в «Черкес хэку» (Черкесия). Под Черкесией, в данном случае, подразумевались два района с преимущественно черкесским населением в Карачаево-Черкесии. Ретроспективно воспринимаемая последней вспышкой угасавшего дискурса, этот конструкт «фетишизации означающего», ввиду наличия институциональной инфраструктуры до сих пор реализует свой субверсивный потенциал. Лишенная таковой, попытка демократического движения черкесов переопределить содержание синтагмы «Адыгэ Хэку» («Хэку» с заглавной буквы), не имела безусловного успеха по изложенным выше соображениям. В сущности, сама эта

попытка была проявлением выученной неуверенности сознания, десятилетиями пребывавшего под прессом идентитарного гнета. В сравнительном разрезе это положение напоминает робкие попытки региональных политий апеллировать к общенемецкой солидарности в ходе борьбы с Наполеоном в короткий период 1813 г. через конструкт «немецкого Отечества» (*deutsches Vaterland*), или «Отечество немцев» (*Des Deutschen Vaterland*) [Стерхов 2017: 71]. Эта первоначально неудачная инициатива, как выше отмечено, со временем (при появлении мощной и устойчивой инфраструктуры) приобрела характер общегерманского мейнстрима. Другой, в некоторых аспектах схожий кейс, связан с внедрением идеологемы «Арабское отечество» («аль-ватан аль-арабий»), по признанию исследователей, остающейся «зыбкой реальностью» [Косач 2007: 259, 261], как можно полагать, в связи с сильной страновой разобщенностью арабского мира.

Ознакомление со смысловым полем и особенностями бытования концепта *Хэку* в черкесском языке на протяжении последних столетий, позволяет определить его не только в качестве важнейшего компонента семантической области «родина / отечество», но и как тяготеющей к онимизации лексической единицы, изоморфной хорониму *Черкесия*. С начала 20-х гг. прошлого века понятие неоднократно становилось объектом направленного институционального препарирования, результирующим итогом которого явилась ситуация кризиса его репрезентации в черкесской речевой культуре. Однако, «поскольку значение слов производится не в словаре, а в процессе использования», интервенционистско-регуляторные установки властного дискурса в отношении словоупотребления понятия *Хэку* остались нереализованными.

Список источников

- Адыгэ... 1947 – *Адыгэ автономнэ хэку*. Илъэс 25-рэ зрыхъугъэм ехьыллагъ. 1922–1947. Мыекъуапэ, 1947.
- Агънокъуэ Лашэ 1993 – *Агънокъуэ Лашэ*. Усэхэр. Налшык, 1993. Н. 171.
- Архив внешней политики Российской империи 1762–1778 – Архив внешней политики Российской империи Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. 1762–1778. Д. 8. С. 113.
- Ашерсон Нил 2017 – *Ашерсон Нил*. Черное море. Колыбель цивилизации и варварства. Пер. с английского Варвары Бабицкой. М., 2017. С. 296.
- Балинт Габор 1904 – *Балинт Габор*. Кабардинско-венгерско-латинский словарь (*Lexicon Cabardino-Hungarico-Latinum*). Коловжар, 1904. С. 214.
- де Бесс Ж.-Ш. 1974 – *де Бесс Ж.-Ш.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 350–351.
- Бусыгина 1999 – *Бусыгина И.М.* О состоянии немецкой нации (Территориальный фактор в национальном самосознании немцев) // Полис. Политические исследования. 1999. № 1. С. 40.
- Гуссерль, Деррида 1996 – *Гуссерль Э., Деррида Ж.* Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М., 1996. С. 158.
- Достоевский 1982 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1982. Т. XXIV.
- Джанашиа Симон 2007 – *Джанашиа Симон*. Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. С. 54.
- КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С. 362. (Далее: КРО).
- Косач 2007 – *Косач Г.Г.* Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 259, 261.
- Косвен 1961 – *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 440.
- Кумахова 1972 – *Кумахова З.Ю.* Абазехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик, 1972. С. 103.

- Лавров 1982 – *Лавров Л.И.* Этнография Кавказа. Ленинград, 1982. С. 33.
- Лиссабонская конференция ... – Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом. // Звезда. № 5. 2006. magazines. gorky. media.
- Лопатинский 1896 – *Лопатинский Л.* «Русско-кабардинский словарь» // СМОМПК. Т. XXI. Отд. II. Тифлис, 1896. С. 153–301.
- Люлье 1846 – *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский, или адигский, с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С.-Петербургской академией наук / составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846. С. 182.
- Митлина 2021 – *Мария Митлина.* 11 слов, помогающих понять израильскую культуру // Arzamas / arzamas. academy. 08.02.2021. URL: <https://arzamas.academy/mag/925-ivrit> (дата обращения: 04.04.2023).
- Мещеряков 2022 – *Мещеряков А.* Другая Япония. О книге Дзиппенся Икку «На своих двоих по тракту Токайдо». 5 сентября 2022. URL: <https://gorky.media/reviews/drugaya-yaponiya/> (дата обращения: 20.07.2023).
- Муравьев-Карский 1974 – *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. М., 1874.
- Ногма 1956 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Т. I. Нальчик, 1956. С. 71.
- Русско-венгерский словарь 1951 – Русско-венгерский словарь. Сост. Э.С. Хаас. Издание второе переработанное. Под редакцией К.Е. Майтинской. М., 1951. С. 399.
- РКЧС – Русско-кабардинско-черкесский словарь. Составили: Карданов Б.М., Бичо-ев А.Т. М., 1955. С. 304.
- Седжер 2017 – *Седжер К.И.* Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в собственном Его императорского Величества Арсенале в Царском Селе // ВК Хэкужь // <https://VK.com/publik> (дата обращения: 06.06. 2017).
- Сенокосов 2005 – *Сенокосов Ю.* Власть как проблема. Опыт философского рассматривания. М., 2005. С. 119.
- Сиюхов 1997 – *Сиюхов С.* Избранное. Составление, предисловие и комментарии к текстам: Хашхожева Р.Х. Нальчик, 1997. С. 286.
- Спенсер 2008 – *Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Модавию, Галицию, Силезию и Мора-вию, в 1836 году. Нальчик, 2008. С. 10.
- Сталь 1900 – *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 108.
- Стерхов 2017 – *Стерхов Д.В.* Король, отечество и прусская нация: государственный патриотизм в Пруссии в годы освободительных войн (1813–1815 годы) Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 2. С. 72.
- Феоктистов 2010 – *Феоктистов Е.* Борьба Греции за независимость // Отечественные записки. 1862. Кн. 8. С. 493. Цит. по: Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 157.
- Хан-Гирей 2008 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. С. 183, 204, 210.
- Хан-Гирей 1974 – *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974. С. 94.
- Хан-Гирей 1989 – *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик, 1989. С. 275.
- Чеснокова 2015 – *Чеснокова Л.В.* Национально-культурная специфика немецкого концепта Heimat (Родина) // [www.gramota.net / materials / 3 / 2015 / 5-2 / 53.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/53.html).
- Fanon 1970 – *Fanon F.* Black Skin, White Masks. L.: Paladin, 1970. P. 73.
- Loewe 1854 – *Dr. L. Loewe* Dictionary of the Circassian Language // http://apsnyteka.org/file/loewe_1_dictionary_of_the_circassian_language.pdf (Дата обращения: 12.05.2023).
- Melvin Richter 1995 – *Melvin Richter.* The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction. (New York: Oxford University Press, 1995 p. 9.). Цит. по: Хауленд Д. Перевод с Западного: формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX в. М., Челябинск, 2020. С. 62.
- Yakup Temel 2021 – *Yakup Temel* (Тэгъулан Екъуб). Адыгэхэр езбы я адэжь щыналгъэ закъуэраш «Хэку» кIэ эджэр // Facebook. 25.03.2021.

References

- Adyge avtonomne heku. Il'es 25-re zeryh'ug'em ekh'yllag'*. 1922–1947. Myek'uape. 1947.
- Ag'nok'ue Lashe. Usekher*. Nalshyk, 1993. N. 171.
- Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii* F. 115. Kabardinskie dela. Op. 115/2. 1762–1778. D. 8. P. 113.
- ASHERSON NIL. *Chernoe more. Kolybel' civilizacii i varvarstva*. Per. s anglijskogo Varvary Babickoj. M., 2017. P. 296.
- BALINT GABOR. *Kabardinsko-vengersko-latinskij slovar' (Lexicon Cabardino-Hungarico-Latinum)*. Kolovzhar, 1904. P. 214.
- De Bess ZH.-SH. *Puteshestvie v Krym, na Kavkaz, v Gruziiyu, Armeniyu, Maluyu Aziyu i v Konstantinopol' v 1829 i 1830 gg.* // *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskikh avtorov XIII–XIX vv.* Nal'chik, 1974. P. 350–351.
- BUSYGINA I.M. *O sostoyanii nemeckoj nacii (Territorial'nyj faktor v nacional'nom samosoznanii nemcev)* // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1999. № 1. S. 40. Gusserl', Derrida 1996 – Gusserl' E., Derrida ZH. *Nachalo geometrii. Vvedenie ZHaka Derrida*. M., 1996. S. 158.
- DOSTOEVSKIJ F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*: v 30 t. L., 1982. T. XXIV.
- DZHANASHIA SIMON. *Cherkesskie dnevniki*. Tbilisi, 2007. P. 54.
- Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. M., 1957. P. 362. (Dalec: KRO).
- KOSACH G.G. *Arabskij nacionalizm ili arabskie nacionalizmy: doktrina, etnonim, varianty diskursa*. // *Nacionalizm v mirovoj istorii / pod red. V.A. Tishkova, V.A. Shnirel'mana*. M., 2007. P. 259, 261.
- KOSVEN M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy*. M., 1961. S. 440.
- KUMAHOVA Z.YU. *Abadzekhskij dialekt i ego mesto sredi drugih adygskikh dialektov*. Nal'chik, 1972. P. 103.
- LAVROV L.I. *Etnografiya Kavkaza*. Leningrad, 1982. P. 33.
- Lissabonskaya konferenciya po literature. Russkie pisateli i pisateli Central'noj Evropy za kruglym stolom* // *Zvezda*. № 5. 2006. magazines. gorky. media.
- LOPATINSKIJ L. *«Russko-kabardinskij slovar'»* // *SMOMPK*. T. XXI. Otd. II. Tiflis, 1896. P. 153–301.
- LYUL'E L.YA. *Slovar' russko-cherkesskij, ili adigskij, s kratkoj grammatikoj sego poslednego yazyka, odobrennyj S.-Peterburgskoj akademiej nauk / sostavlenn Leontiem Lyul'e*. Odessa, 1846. P. 182.
- MARIYA MITLINA. *Il slov, pomogayushchih ponyat' izrail'skuyu kul'turu* // *Arzamas / arzamas. academy*. 08.02.2021. URL: <https://arzamas.academy/mag/925-ivrit> (data obrashcheniya: 04.04.2023).
- MESHCHERYAKOV A. *Drugaya Yaponiya. O knige Dzippensya Ikku «Na svoih dvoih po traktu Tokajdo»*. 5 sentyabrya 2022. URL: <https://gorky.media/reviews/drugaya-yaponiya/> (data obrashcheniya: 20.07.2023).
- MURAV'EV-KARSKIJ N.N. *Zapiski. Turciya i Egipet v 1832 i 1833 godah*. Moskva 1874.
- NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy*. T. I. Nal'chik, 1956. P. 71.
- Russko-vengerskij slovar'*. Sost. E.S. Haas. Izdanie vtoroe pererabotannoe. Pod redakciej K.E. Majtinskoj. M., 1951. S. 399.
- Russko-kabardinsko-cherkesskij slovar'*. Sostavili: Kardanov B.M., Bichoev A.T. M., 1955. P. 304.
- SEDZHER K.I. *Katalog redkogo, starinnogo i vostochnogo oruzhiya, hranyashchegosya v sobstvennom Ego imperatorskogo Velichestva Arsenale v Carskom Sele*. // *VK Hekuzh'* // <https://vk.com/publik> (data obrashcheniya: 06.06. 2017).
- SENOKOSOV YU. *Vlast' kak problema. Opyt filosofskogo rassmotreniya*. M., 2005. P. 119.
- SIYUHOV S. *Izbrannoe*. Sostavlenie, predislovie i kommentarii k tekstam: Hashkhodzheva R.H. Nal'chik, 1997. P. 286.
- SPENSER E. *Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu, vkluchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turciyu, Modaviyu, Galiciyu, Sileziyu i Moraviyu, v 1836 godu*. Nal'chik, 2008. P. 10.
- STAL' K.F. *Etnograficheskij ocherk cherkesskogo naroda* // *Kavkazskij sbornik*. Tiflis, 1900. T. 21. P. 108.

STERHOV D.V. Korol', otechestvo i prusskaya naciya: gosudarstvennyj patriotizm v Prussii v gody osvoboditel'nyh vojn (1813–1815 gody) *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*. 2017. № 2. P.72.

FEOKTISTOV E. Bor'ba Grecii za nezavisimost' // *Otechestvennye zapiski*. 1862. Kn. 8. S. 493. Cit. po: Petrunina O.E. Grecheskaya naciya i gosudarstvo v XVIII–XX vv. M., 2010. P. 157. *Han-Girej. Zapiski o CHerkesii*. Nal'chik, 2008. S.183, 204, 210.

Han-Girej. Izbrannye proizvedeniya. Podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya R.H. Hashkhozhevoj. Nal'chik, 1974. P. 94.

Han-Girej. CHerkesskie predaniya. Izbrannye proizvedeniya. Nal'chik, 1989. P. 275.

CHESNOKOVA L.V. Nacional'no-kul'turnaya specifika nemeckogo koncepta Heimat (Rodina) // [www.gramota.net / materials / 3 / 2015 / 5-2 / 53.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/53.html).

FANON F. *Black Skin, White Masks*. L.: Paladin, 1970. P. 73.

DR. L. LOEWE. *Dictionary of the Circassian Language*: http://apsnyteka.org/file/loewe_1_dictionary_of_the_circassian_language.pdf (Data obrashcheniya: 12.05.2023).

MELVIN RICHTER. *The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction*. (New York: Oxford University Press, 1995 p. 9.) – Cit. po: Haulend D. Perevod s Zapadnogo: formirovanie politicheskogo yazyka i politicheskoy mysli v Yaponii XIX v. M., CHelyabinsk, 2020. P. 62.

YAKUP TEMEL (Teg'ulan Ek'ub). *Adygekher ezby ya adezh' shchIynal''e zak''uerashch «Heku» kle zedzher* // Facebook. 25.03.2021

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБНУ, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта✉.

ПРИМЕР:

Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. **АННОТАЦИЯ** статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (Abstract.).

1.3.1.6. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. **ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКНКА [АБКНКА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалгальэ 1990 – *Адыгэ псалгальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013a – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013b – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezkhkul'turnykh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of Russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
13

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 294

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*